

**С.М. КИРОВ
СОБРАТЬСЯ В ЕДИНУЮ
БРАТСКУЮ СЕМЬЮ**

ISBN 978-5-901833-90-2

9 785901 833902

***Россия, труд,
народовластие, социализм!***

Библиотечка отдела
по национальной политике
ЦК КПРФ

С.М. КИРОВ СОБРАТЬСЯ В ЕДИНУЮ БРАТСКУЮ СЕМЬЮ

**Статьи и речи
по национальному вопросу**

Москва 2013

Ответственный за выпуск И.Н. Макаров

Киров С.М.

Собраться в единую братскую семью. Статьи и речи по национальному вопросу. – Псков, 2013. – 192 с.

ISBN 978-5-901833-90-2

Библиотечка отдела по национальной политике ЦК КПрФ

Киров Сергей Миронович
СОБРАТЬСЯ В ЕДИНУЮ БРАТСКУЮ СЕМЬЮ
Статьи и речи по национальному вопросу

Подписано в печать 27.01.2013 г.

Формат 60x84/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,0. Тираж 500 экз. Заказ № 91.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в ООО фирма «Псковское возрождение».

ИНН 6027024264. 180000, г. Псков, ул. Гоголя, д. 6.

ISBN 978-5-901833-90-2

Защитить память С.М.Кирова!

Новоиспеченный губернатор Кировской области Никита Белых пытается вдохнуть жизнь в кампанию по переименованию города Кирова. Вновь подтверждается тот факт, что пришествие «либерал-реформаторов» к власти ничего хорошего гражданам не несет.

Нужно понимать: если бы переименование Кирова состоялось, оно обошлось бы населению города и области в сумму до 20 миллионов рублей. По заверениям господина Белых, расходы на эти цели возьмут на себя некие местные общественные организации и бизнес-структуры, которые предлагают вернуть старое название – Вятка. Однако эти средства вовсе не являются лишними для большинства кировчан, испытавших на себе удары экономического кризиса. В помощи остро нуждаются и безработные, и малоимущие жители области. Но у господина губернатора свои представления об антикризисных мерах. Привлекать деньги бизнес-структур он считает нужным в угоду своим политическим пристрастиям.

Не является секретом то, почему имя Сергея Мироновича Кирова вызывает ненависть у последователей ельциных, чубайсов и гайдаров. Киров известен как человек, который боролся за власть трудового народа. Он был одним из главных организаторов индустриализации, отстраивал страну, развивал ее экономику и культуру в интересах большинства граждан, не щадил расхитителей народного добра, казнокрадов и спекулянтов. Его имя по-прежнему уважаемо в России. Оно остается символом эффективной деятельности подлинно народной власти.

КПРФ считает, что разного рода инициативы по борьбе с советской историей лишний раз показывают, в чьих интересах действуют «либерал-реформаторы». Их пещерный антикоммунизм объясняется просто. Любимым делом этих господ всегда было лишать людей права на труд и на отдых,

присваивать большую часть национального дохода, отбирать социальные гарантии, пенсии и заработную плату. Они слишком привыкли делать доступное жилье недоступным, образование и здравоохранение – платными, преступность и коррупцию – повсеместными. Вот почему понятия «либерал» и «вор» для основной массы граждан нашей страны стали чрезвычайно близки. Коммунисты убеждены: если бы лидеры «Единой России» не отняли у граждан право выбора губернаторов, Никита Белых вряд ли оказался бы на своем нынешнем посту.

Сегодня уже очевидно: либеральная идеология полностью обанкротилась. Порукой тому – разразившийся мировой кризис. Модель либеральной экономики рухнула, породив на планете множество острых проблем. Но представители российской власти не спешат отказаться от своего тупикового курса и встать на путь созидания. Вместо этого они пускаются в новые авантюры и навязывают гражданам сомнительные инициативы.

КПРФ твёрдо выступает за сохранение памяти великого борца за народные интересы – Сергея Мироновича Кирова и призывает всех кировчан встать на защиту исторической справедливости.

*Г.А. ЗЮГАНОВ,
Председатель ЦК КПРФ*

Краткий биографический очерк

ДЕТСТВО И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

На северной окраине России в маленьком захолустном городе Уржуме полвека тому назад, 27 (15) марта 1886 года, родился человек, который стал одним из самых замечательных и ярких людей нашей эпохи, помощником, сподвижником и другом Сталина.

Детство Кирова (Кострикова) было тяжелым, суровым. Протекало оно в горькой нищете в уездной глуши заброшенного среди болот и лесов уездного города бывшей Вятской губернии, теперь — Кировской области.

Вятская губерния была хорошо знакома политическим изгнанникам. Уржум, стоящий далеко от железной дороги, считался одним из самых глухих городов Приуралья. Городская беднота была обречена на голодную жизнь. Многие уходили на заработки на Урал или в Сибирь.

Отец Кирова Мирон Иванович Костриков перебивался со Дня на день случайной работой. Одно время служил объездчиком в лесничестве, потом выручал гроши, пуская на постой во двор своего домишка приезжавших на базар крестьян, таких же бедняков, как и он сам. Мирон Костриков упорно старался побороть нужду — и все безуспешно. Ему оставался один выход — искать работы где-нибудь на стороне. Оставив семью, он отправился на Урал и пропал там без вести.

Сыну Кострикова Сереже в это время едва минуло четыре года. У него были еще две сестры — одна моложе, другая старше его. Дети остались на руках матери — Екатерины Кузьминичны, или Кузьмовны, как звали ее соседки. Мать надрывалась, чтобы кое-как прокормить детей. В глухом городишке она бралась за всякую работу: ходила к местным купцам и чиновникам на стирку, на поденщину, брала на дом шитье. Но в Уржуме было много бедняков, готовых взяться за любую работу, а чиновники и лавочники, как и везде, были скупы и прижимисты. Тяжелым трудом давался Кузьмовне каждый гривенник. Непосильная работа, заботы о

детях, вечная нужда подорвали силы. Когда Сереже было семь лет, Екатерина Кузьминична умерла от чахотки.

Пришлось старой бабушке Меланье Авдеевне, которая тут же в Уржуме служила в няньках, бросить место и взять на свое попечение сирот. Но не хватило ни сил, ни грошовой пенсии за мужа-солдата, погибшего на Кавказе, чтобы вырастить внуков дома.

Пенсии получала Меланья Авдеевна всего три рубля в месяц, да рубль семьдесят копеек квартирных на год. На такие деньги и думать нечего было прожить, с тремя ребятами и подавно. Оставалось одно — отдать ребят в сиротский приют. Меланье Авдеевне пришлось отвесить много поклонов уржумским богатеям-попечителям, но они приняли в приют только одного Сережу.

Сереже только что исполнилось в это время восемь лет, он горько плакал, не хотелось ему идти в приют, но делать было нечего.

Голодно, холодно, неприятно было в «Доме призрения малолетних сирот», долго не мог Сережа привыкнуть к унылой, безрадостной жизни. Кормили мало, одевали плохо, а молиться заставляли подолгу. Только изредка Сережу отпускали на побывку к бабушке.

Хоть и тяжело было жить в приюте, но Сережа не терял бодрости.

В противоположность большинству приходских воспитанников, он был крепким, резвым и жизнерадостным мальчиком, первым во всяких играх и выдумках, проявлял большую независимость характера и сознание собственного достоинства.

Приютских ребят, остриженных наголо, одетых в бедную, плохо сшитую одежду, бледных и сутулых, постоянно дразнили, а иногда и поколачивали на улице упитанные сынки уржумских богатеев.

Напали как-то купеческие сынки и на Сережу, но он дал такой отпор, так обработал кулаками одного из приставших к нему балбесов, что после этого затрагивать Сережу уже не решались. Он сделался подлинным героем в глазах приютской детворы.

Приютских детей обучали в церковно-приходской школе. В эту же школу отдали и Сережу.

Учился он хорошо, был любознательным и способным, окончил школу одним из первых. В 1897 году Сережу как одного из лучших учеников приютское начальство направляет в городское училище. И здесь Сережа учится отлично.

Пытливым умом Сергей уже охватил различие в положении и судьбе встречавшихся на его пути людей: богатым все можно, им все блага жизни, а беднякам — только нужда, только обиды и унижения. Все симпатии, все сочувствие Сергея на стороне этих последних.

Особенное внимание Сергея и его сочувствие вызывали жившие в Уржуме политические ссыльные — студенты и рабочие. Уржумские обыватели сторонились ссыльных, называли их «крамольниками», говорили о них всегда с некоторым страхом, с оглядкой.

Уже одна эта таинственность возбуждала в Сергее чрезвычайный интерес, к тому же еще политические ссыльные и приезжавшие в Уржум на летние каникулы студенты пели в роще за городом такие замечательные, бодрые, совсем особенные песни.

Сергей умел и любил петь, а песни «политических» так хорошо запоминались, хотя слова были порой непонятны для ребят.

В 1901 году, пятнадцати лет, Сергей оканчивает городское училище, и его как одного из лучших учеников уржумское благотворительное общество отправляет учиться в Казань в низшее механико-техническое училище.

Председатель уржумского благотворительного общества вручил Сергею для передачи в училище обязательство «одевать Сергея Кострикова по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и своевременно вносить установленную плату за правоучение», а также предоставить ему «необходимые для учебных занятий удобства». Однако на деле вся помощь Сергею ограничилась назначением стипендии по пяти рублей в месяц. Правда, один из уржумских «благодетелей» дал еще Сергею рекомендательное письмо к

своей родственнице, жившей в Казани, и та приютила Сергея, устроив его в темном коридоре на сундуке. Здесь долгое время и жил Сергей: спал скорчившись на коротком сундуке, занимался и чертил по ночам на кухне, когда кухарка кончала уборку посуды.

Среди учащихся казанского технического училища было не мало бедняков. Но и среди этой бедноты Киров был одним из наиболее нуждающихся.

Преподаватели технического училища вспоминают, что Сергей Костриков форменным образом голодал, не имея возможности заплатить даже за самый дешевый обед.

Три года учебы Сергея в Казани — это три года тяжелых лишений. На прошении о выдаче пособия рука чиновника написала ответ: «Выдавать по 5 рублей три месяца». Однажды Сергей был временно исключен из училища, потому что не мог внести плату за ученье.

Но тяжелая нужда не надломилась Сергея. И в казанском училище он все три года один из первых в учебе и из класса в класс переходит с наградами. Он с увлечением подолгу работает в мастерских училища, с таким же увлечением работает на практике.

По воспоминаниям его товарищей и учителей можно проследить, как в эти годы складывался характер Кирова. В нем уже тогда проявляются твердость, упорство, независимость и в то же время какая-то особая теплота к товарищам, к близким по нужде и лишениям людям, замечательное благородство — черты, отличавшие Кирова во все периоды его жизни, его борьбы.

Вот случай, достаточно характеризующий отношение Сергея Кострикова к своим близким товарищам.

Сергей, долго, напряженно работая, вместе с одним из знакомых студентов сконструировал и смастерил маленький мотор. Работа удалась, ею восхищались все его друзья. Но вот один из товарищей попадает в беду — он не может больше ходить на занятия: окончательно износились штаны. Киров, не задумываясь, продает на рынке мотор, над которым так много работал. На эти деньги покупаются там же, на базаре, новые штаны.

Инспектору училища, грубияну и самодуру, Сергей открыто, при всех советует изменить свое отношение к ученикам. Твердость и достоинство Кострикова озадачивают даже старого царского служаку, и он больше не рискует издеваться над учениками. За этим поступком Сергея скрывается большее, чем обычная юношеская смелость, — в эти годы начинает складываться его политическое сознание.

1901-1904 годы, годы учения Кирова в казанском механико-техническом училище, — это период нарастающего подъема революционного движения во всей стране.

В крупных промышленных центрах проходили массовые стачки рабочих, принимавшие иногда всеобщий характер, все чаще отмечались волнения крестьян, особенно на Украине и в Поволжье, усиливались революционные настроения в широких слоях передовой интеллигенции, особенно среди студенчества. В Казани, которая была довольно крупным университетским центром, общий революционный подъем, охвативший страну, особенно сильно сказывался в быстром росте нелегальных революционных студенческих организаций.

Ученики казанского технического училища, близко соприкасавшиеся со студенчеством, также не оставались в стороне от быстро нараставшего революционного движения.

Началось со сравнительно невинных протестов против преподавания ненавистного для учащихся предмета — закона божьего. Позднее разыгралось крупное столкновение учащихся механико-технического училища со своим начальством, закончившееся сходкой и уличной демонстрацией.

Костриков, не испросив установленного разрешения у училищного начальства, отправился с несколькими товарищами на организованный студентами спектакль и был там обнаружен инспектором технического училища в тот момент, когда перед театром студенты готовились устроить демонстрацию.

На другой день Кострикова с товарищами посадили в карцер, а затем хотели выгнать из училища.

Все училище поднялось на ноги, в раздевальной собрались все учащиеся и потребовали к себе для объяснений

начальство, а так как начальство струсило и не явилось, то ученики с пением студенческих песен вышли на улицу и перед квартирой директора спели ему «вечную память».

Губернатор секретным донесением сообщал, что 19 ноября «ученики промышленного училища, выйдя из училища в 5 час. вечера после занятий толпой, с пением студенческих песен прошли всю Грузинскую улицу до Державинского сада, откуда по требованию полиции разошлись по домам».

Начальство было напугано революционным выступлением учащихся, и Кострикова оставили в училище.

В Казани был большой завод Крестовникова, поставлявший на всю Россию мыло и свечи. Крестовников был злейшим эксплуататором. Его завод был каторгой для рабочих. На этот завод ученики механико-технического училища направлялись на практику. Сергей наблюдал, как живут рабочие крестовниковского завода, и вот что он пишет в Уржум своей крестной, поздравляя ее с наступающим праздником пасхи:

«Да, наступает праздник... но не для всех: например, здесь есть завод Крестовникова (знаете, есть свечи Крестовникова). Здесь рабочие работают день и ночь и круглый год без всяких праздников, а спросите вы их: зачем вы и в праздники работаете? Они вам ответят: если мы не поработаем хотя один день, то у нас стеарин и сало застынут, и нужно снова будет разогревать, на что понадобится рублей 50, и 70, и 100. Но, скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишиться 100 рублей? — ведь, ровно ничего не стоит. Да, как это подумаешь, так и скажешь — зачем это один блаженствует, ни черта не делает, а другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде, почему это, как вы думаете?»

В том же письме Сергей рассказывает, какое сильное впечатление произвела на него новая пьеса, написанная одним казанским гимназистом.

«В настоящее время, — заканчивает Сергей, — этот гимназист уже по всей вероятности выставлен из училища. Ведь, вам известно, наверное, что у нас в

России в училищах велят делать только то, что нужно начальству, и так же думать. Если же ученик начал развиваться, как следует, и начал думать лишнее, то его обыкновенно гонят и выгнать им ничего ровно не стоит. Ну, разве это не скотство?»

Приезжая на каникулы в Уржум, Сергей близко сходитя с политическими ссыльными. Еще мальчиком он учился у них революционным песням. А теперь Сергей целые часы проводит в разговорах с ссыльными, берет у них революционную литературу. Свои первые технические навыки он использует для того, чтобы смастерить гектограф. На нем он вместе с одним из товарищей тайком печатает революционные листовки и разбрасывает их на базарной площади, куда съезжаются крестьяне окрестных деревень.

В Казани Сергей устанавливает связь с подпольными студенческими и рабочими кружками. Он читает нелегальную революционную литературу, жадно вслушивается в ведущиеся на кружках споры.

С изучением революционной теории Сергей соединяет и здесь революционную практику: он организует похищение из того самого технического училища, в котором учился, ручного печатного станка и передает его в подпольную организацию для печатания революционных листовок.

В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 гг.

В 1904 году Киров оканчивает казанское техническое училище и в самый канун революции 1905 года уезжает в Сибирь, в Томск. Он — уже революционно настроенный юноша, полный твердой решимости отдать свои силы на борьбу с царящим насилием. В Томске Киров устраивается чертежником в Городской управе и поступает на вечерние общеобразовательные курсы, чтобы подготовиться в Технологический институт.

Но в Технологический институт Сергею Мироновичу попасть не удалось: революционная волна вздымается все

выше. Преступно затеянная в 1904 году правительством Николая Романова война с Японией вскрыла перед самыми широкими массами народа гнилость царизма.

«Царское правительство рассчитывало, что война поможет ему укрепить свое политическое положение и остановить революцию. Но его расчеты не оправдались. Война еще более расшатала царизм.

Плохо вооруженная и обученная, руководимая бездарными и продажными генералами, русская армия стала терпеть одно поражение за другим»¹.

Взятие японцами крепости Порт-Артур, разгром царской армии под Мукденом, гибель в Цусимском проливе царского флота, посланного из Балтийского моря на помощь осажденному Порт-Артуру, — все это означало, что война окончательно проиграна царской Россией. Царское правительство оказалось вынужденным заключить позорный мир с Японией. На рабочих, на крестьян была возложена вся тяжесть лишений и жертв. Гнев и возмущение трудящихся города и деревни прорывались в форме все более и более грозных революционных выступлений. Революционная литература стала находить невиданный спрос и живейший отклик в массах. Нелегальные революционные кружки создавались повсюду: на заводах, на фабриках, в мастерских, в учебных заведениях, наконец, в армии и флоте.

На общеобразовательных курсах в Томске Киров завел дружбу с рабочими-печатниками. Особенно близко он сошелся с братьями Кононовыми, при их содействии вступил в революционный кружок и в конце 1904 года стал членом большевистской группы Томской социал-демократической организации, в то время объединенной.

Вот как один из членов подпольного кружка описывает в этот период Кирова: невысокого роста, плотный, с только пробивающимися усиками, с откинутыми назад волосами, в потрепанной тужурке, в черной или синей косоворотке. Взгляд изпод немного нахмуренных бровей пытливый и внимательный.

¹ История ВКП(б), Краткий курс, стр. 53.

Скромный, даже несколько застенчивый, Сергей Мионович своей вдумчивостью, решимостью и глубокой преданностью делу революции быстро завоевывает глубокое уважение всех, кому приходится с ним близко соприкасаться.

В подпольном кружке социал-демократов Киров впервые читает брошюру Ленина «Что делать?». Люди, знавшие Кирова в те годы, вспоминают, что брошюра произвела на него сильнейшее впечатление.

В конце 1904 года Киров входит в состав «подкомитета» социал-демократической организации. Сергей Мионович энергично берется за революционную работу, печатает на гектографе и мимеографе листовки, ведет агитацию среди рабочих, горячо отстаивая ленинские позиции.

Начинается бурный 1905 год. Кровавое воскресенье 9 января грозным эхом прокатывается по всей стране. Готовится выступление и в Томске. 12 января, в «татьянин день», день традиционного студенческого праздника, томские либералы устраивают политический банкет, намереваясь продемонстрировать свои оппозиционные настроения, не идущие далее весьма скромной и «пристойной» критики тех или иных мероприятий царского правительства.

Сергей Мионович по решению социал-демократического подкомитета организует «захват» банкета: проникает на собрание с двумя сотнями членов партии и революционно настроенных рабочих и превращает либеральный банкет в революционный митинг. На импровизированном митинге распространяются революционные прокламации и выступает оратор с призывом принять участие в подготовляющейся Томским социал-демократическим комитетом демонстрации.

На Кирова вместе с несколькими другими товарищами комитетом возложена непосредственная организация демонстрации. Сергей Мионович, поддерживаемый большевистски настроенными рабочими, настаивает на том, чтобы это выступление было вооруженным. Хотя револьверов, да и то очень плохих и старых, хватило только для пятнадцати-двадцати человек, — все же решено организовать вооруженную демонстрацию.

18 января на демонстрацию собралось несколько сот рабочих и студентов. Во главе дружинников Киров охранял знаменосца демонстрации, своего друга, рабочего-печатника Иосифа Кононова. Сначала демонстрация проходила беспрепятственно, но на главной улице города на демонстрантов напали городовые и казаки и открыли огонь. Демонстранты дали ответный залп из револьверов; среди нападающих замешательство, несколько казаков упало с лошадей, видимо, от неожиданности и испуга. Но замешательство скоро прошло, обстрел демонстрантов возобновился. Несколько демонстрантов тяжело ранено, и около ста человек избиты и получили легкие ранения. Смертельно ранен Иосиф Кононов. Демонстрация разогнана. Сергей Миронович едва спасся от озверевших казаков: у него шашкой рассечено пальто.

Некоторые товарищи вспоминают, что испуг и бегство казаков от неожиданного залпа из двух десятков плохоньких револьверов произвели большое впечатление на Кирова: стало быть, путь избран правильно, нужно только лучше организовать массы и крепче вооружиться. В тот же вечер после демонстрации Киров, рискуя попасть в лапы озверевших жандармов, проходит сквозь полицейские патрули, разыскивает где-то в покойницкой труп Кононова, на груди которого оставалось спрятанным знамя. Киров спасает из рук полиции революционное знамя томских рабочих, обогренное кровью павшего бойца.

26 января социал-демократическим комитетом были организованы похороны Кононова, на которые собралось около двух тысяч человек. Похороны превратились в крупную демонстрацию. Демонстранты были исполнены такой грозной решимости, что полиция не рискнула снова на них напасть.

Те, кто шли за гробом Кононова, читали на ходу листовку «В венок убитого товарища». Написал эту листовку Киров со своими товарищами. Листовка была отправлена за границу, и там в большевистской газете «Вперед» ее в траурной рамке напечатал Ленин. Здесь же была напечатана корреспонденция о томской вооруженной демонстрации.

Через несколько дней после демонстрации, 2 февраля, Кирова впервые арестовала полиция, накрывшая подпольное партийное собрание. Жандармы доносят по начальству, что «Костриков отказался от показаний по делу об его аресте». Донесение красноречиво. Киров в девятнадцать лет был уже крепким революционером-большевиком.

Первый арест Кирова длился около двух месяцев. Все арестованные вместе с Кировым отказались от всяких показаний. Полиции, не получившей в руки никаких улик, пришлось выпустить арестованных.

Выйдя из тюрьмы, Киров немедленно вновь принялся за революционную работу. Он заведывал нелегальной типографией Томского комитета социал-демократической партии, руководил рабочими кружками.

14 июня Томский комитет социал-демократической партии организовал траурный митинг на могиле Иосифа Кононова: присутствовало более тысячи человек. Митинг охранялся вооруженной боевой дружиной комитета. Сотня казаков во главе с полицеймейстером проехала мимо, но предпочла не вмешиваться. Митинг от имени Томского комитета социал-демократической партии открыл Сергей Миронович.

В июле 1905 года Сергей Миронович был избран в состав Томского комитета РСДРП.

Летом 1905 года в Томской организации, особенно в связи с происходившей конференцией Сибирского союза социал-демократических организаций, сильно обостряются разногласия между большевиками и меньшевиками. Сергей Миронович стоит во главе группы большевиков, которая вскоре фактически превращается в самостоятельную большевистскую организацию.

День за днем нарастает волна революции. Приходит осень 1905 года.

Девятнадцатилетний Киров по поручению Томского комитета руководит забастовкой железнодорожников на узловой станции Тайга, в 80 километрах от Томска, где работает свыше тысячи железнодорожных рабочих. Киров организует кружки, выступает на митингах, неустанно разъясняет рабочим

неизбежность решительной схватки с самодержавием. Он собирает отряд дружинников из железнодорожных рабочих, достаёт для них оружие, вместе с ними учится владеть оружием.

Разгоралась всеобщая забастовка железных дорог. Стачечному комитету на станции Тайга, во главе которого стоял Сергей Миронович, фактически принадлежала вся власть на станции и на прилегающем участке железной дороги. Стачечный комитет разоружал жандармов и полицию и вооружал отобранным оружием рабочих, давал разрешение на отправку поездов, фактически руководил железнодорожным движением; в стачечный комитет шли не только рабочие, но и их жены со всякими жалобами и с просьбами о помощи.

Октябрь 1905 года. Железные дороги остановились по всей стране, почта и телеграф бездействуют, всеобщие забастовки охватывают крупнейшие промышленные центры. Сила правительства парализована. Перепуганный насмерть царь вынужден идти на уступки. 17 октября издаётся царский манифест с обещанием неприкосновенности личности и политических свобод. Большевики разъясняют, что манифест — ловушка, что царское правительство хочет выиграть время, собраться с силами и потом ударить по революции. Большевики призывают рабочих к оружию, к подготовке вооружённого восстания.

Подавляющее большинство Томского комитета социал-демократической партии — на позиции меньшевиков. Меньшевики твердят, что время забастовок и вооружённых выступлений прошло, надо думать только о лучшем использовании «дарованных» свобод. Меньшевики выдвигают основной задачей для данного момента — проведение «демократических» выборов в Городскую думу. Киров, отстаивающий ленинские позиции — необходимость подготовки к вооружённому восстанию, — в Томском комитете остался почти в одиночестве.

20 октября, всего через три дня после опубликования «всемиловейшего» манифеста, черная сотня с крупными купцами во главе, под руководством губернатора, с благословения архиерея, учиняет в Томске зверский погром: черносотенцы

поджигают дом Управления железной дороги, где укрылись участники происходившего по соседству митинга. Около 300 человек сожжено, убито и изувечено. Жертв было бы еще больше, если бы боевая дружина во главе с Кировым не организовала вооруженный отпор черносотенным бандитам.

По требованию большевистски настроенных рабочих социал-демократический комитет шире развертывает организацию дружин. Черносотенцы и полиция трусливо поджимают хвосты и не отваживаются на новое выступление.

Декабрьское вооруженное восстание в Москве — высшая точка развития революции 1905 года. Героические рабочие дружины, слабо вооруженные и немногочисленные, но крепко поддерживаемые всем рабочим населением Красной Пресни и других рабочих окраин Москвы, в течение ряда дней держат в страхе царское правительство.

Но декабрьское восстание сломлено, реакция поднимает голову. По всей стране — аресты, разгром революционных организаций. По Сибирской магистрали, находившейся до того фактически в руках рабочих, движутся во главе карательных экспедиций царские генералы. Побитые японцами, они теперь показывают свою «воинскую доблесть», вешая и расстреливая безоружных рабочих. В Томске — также массовые аресты. Арестуют и Кирова накануне предполагавшегося его отъезда в Москву, куда организация направляла его за оборудованием для подпольной типографии. На квартире у Кирова жандармы нашли нелегальную литературу. Это было в январе 1906 года. Через несколько месяцев Киров добывается при содействии Томского комитета освобождения до суда под денежный залог.

Киров выходит из тюрьмы и снова немедленно принимается за революционную работу. По поручению комитета он вместе с другими товарищами организует большую нелегальную типографию. Под домом на Аполлинариевской улице, на окраине Томска, роют подвал, вход остроумно маскируют ящиком с землей, который передвигается на роликах. Работать исключительно трудно, — пришлось вынуть свыше 300 кубометров земли, по ночам вытаскивать землю на двор

и тщательно ее разравнивать, чтобы не возбудить подозрения соседей. Непривычные к такой работе, товарищи стерли руки до крови, но работы ни на один день не прекращали.

Задание было выполнено в короткий срок (около полутора месяцев). Типографию уже готовились пустить в работу, как в дом, где помещалась типография, нагрянули жандармы. Великолепно замаскированной типографии они не обнаружили, но «ремонтных рабочих», в том числе и «уржумского мещанина Сергея Миронова Кострикова» арестовали. Это было в середине июля 1906 года. При аресте никаких доказательств «преступной деятельности» обнаружено не было, дело о нелегальной типографии жандармам создать не удалось. Товарищей Сергея Мироновича скоро освободили, а его после семимесячного заключения судили по старому «делу». Жандармерия сводила счеты с пролетарским революционером. 27 (14) февраля Киров был приговорен судом после уменьшения срока по несовершеннолетию (ему еще не было 21 года) на 1 год 4 месяца заключения в крепости. Победа реакции чувствовалась и в тюрьме. Тюремщики показывали свой нрав. Издан был закон, по которому телесные наказания вводились в тюрьмах даже для политических заключенных.

Киров готовится к побегу, но побег не удастся. Два года (считая предварительное заключение) Киров проводит в томской тюрьме. Часты острые столкновения с тюремщиками. При малейших попытках протеста в тюрьму вводят солдат, начинается стрельба по окнам камер. Нередко среди заключенных оказываются раненые, а иногда и убитые. По ночам Кирову слышны прощальные крики смертников, которых уводят на казнь. Но Киров крепко держит себя в руках. Он готовится к будущей борьбе, не теряя даром ни одного дня. Он много читает, упорно, настойчиво работает над собой, помогает учиться товарищам по заключению, успешно ведет и в тюрьме борьбу с меньшевиками и эсерами.

Летом, 29 (16) июля 1908 года заканчивается срок тюремного заключения Кирова. Он переезжает в Иркутск, так как в Томске его знает буквально каждый шпик и городовой. В Иркутске Сергей Миронович налаживает старые свя-

зи с рабочими, понемногу восстанавливает разгромленную организацию. Однако оставаться долго в Иркутске Кирову не пришлось: та самая, организованная Кировым, типография (в Томске на Аполлинариевской улице), которую, несмотря на все старания, не могли обнаружить жандармы в июле 1906 года, через три года — 7 апреля 1909 года — провалилась (в прямом, а не в переносном смысле этого слова). Когда начали раскапывать место происшедшего обвала, нашли типографское оборудование. Таким образом, жандармы все-таки нашли типографию, которую Киров устроил в Томске, и теперь из всех сил разыскивали ее организатора, чтобы учинить над ним жестокую расправу.

Киров в мае 1909 года скрывается из Иркутска, уезжает на Северный Кавказ, в город Владикавказ (теперь Орджоникидзе).

НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ 1909 г. — февраль 1917 г.

Владикавказ был главным городом Терской области, местом пребывания наказного атамана Терского казачьего войска, соединявшего в своем лице высшую гражданскую и военную власть в области. При всем том это был довольно глухой провинциальный мещанско-чиновничий город с большим количеством военщины. На окраинах города, в слободах жил «мелкий люд»: наемные рабочие, мелкие кустари и ремесленники, мелкие торговцы и т. д. В слободах жило немало горцев, особенно осетин и ингушей.

Во Владикавказе было только два более или менее крупных промышленных предприятия: мастерские Владикавказской железной дороги и небольшой цинковый завод. В то же время в городе был огромный кадетский корпус, где из сынков казацкого дворянства, а также горских феодалов царизм воспитывал надежные кадры архичерносотенного офицерства. Владикавказ был исстари одним из главных опорных пунктов колонизаторской политики царизма на Кавказе, осуществлявшейся правительством в союзе с горскими феодала-

ми, кулаками и горским духовенством путем жестокого угнетения и прямого ограбления горских народных масс.

Социал-демократической организации во Владикавказе тогда не существовало: она была разгромлена полицией еще в 1906—1907 годах.

1908—1912 годы — годы черной реакции — были труднейшей порой для революционной работы. По приезде во Владикавказ Сергей Миронович приступает к восстановлению большевистской партийной организации, устанавливает связи с рабочими типографий, железнодорожных мастерских и т. д., ведет среди них пропагандистскую работу, устанавливает связи с отдельными приезжающими во Владикавказ товарищами, поддерживает отношения и помогает своими советами, указаниями большевистским организациям ближайших рабочих центров (Грозного, Минеральных Вод и т. п.). Одновременно Сергей Миронович работает в местной газете «Терек» и на ее страницах, преодолевая цензурные рогадки, разоблачает политику царского самодержавия и «героев» третьеиюньского режима.

Много времени Сергей Миронович проводил за книгой — дома в своей скромной комнатухе или в библиотеке. Часто он уходил с книгой за город, порой отправлялся в горы, забирался в горские аулы, беседовал с горцами, изучал их быт, вслушивался в их жалобы, на конкретных фактах изучал практику колонизаторской политики самодержавия. Как бы случайно Сергей Миронович в 1912 и 1913 годах бродил по горным ущельям около Эльбруса как раз во время известного «бунта» кабардинцев, пытавшихся силой отстоять свои права на горные пастбища (на Золке). Во время своих путешествий Сергей Миронович опять-таки «случайно» встречался и знакомился со скрывающимися в горах жожаками кабардинских крестьян.

Для Сергея Мироновича это был период огромной работы над собой, той работы, которая в ближайшие годы принесла такие богатые плоды.

Во Владикавказе Киров встречается со своей будущей женой — Марией Львовной Маркус, верным другом Сергея Мироновича до последнего дня его жизни.

Осенью 1910 года Сергей Миронович собирает впервые после Долгого перерыва рабочую массовку в лесу за городом. На массовке он выступает с простой по форме и глубокой по содержанию речью. Правда, на первой массовке только пятнадцать рабочих, но лед уже сломан, начало массовой работы заложено.

Однако в августе 1911 года, после двухлетних поисков, жандармы обнаруживают Сергея Мироновича и арестовывают его по делу томской типографии. После двухмесячного путешествия по этапу, по всем пересыльным клоповникам, 4 ноября 1911 года Сергея Мироновича привозят в Томск и сажают в тюрьму, в хорошо знакомое ему «Томское исправительное арестантское отделение № 1».

Через четыре месяца, 16 марта 1912 года, — суд. Но тут властей ждал чрезвычайный конфуз: Сергей Миронович с 1906 года значительно изменил свою внешность, и главный свидетель обвинения, полицейский пристав, арестовавший в 1906 году в доме по Аполлинариевской улице довольно оборванных, небритых и нечесанных рабочих, отказался в прилично одетом молодом человеке опознать того самого рабочего парня, которого он арестовал пять лет тому назад. К тому же суд не мог не считаться с начинавшимся по всей стране новым революционным подъемом. И... «уржумский мещанин Сергей Миронов Костриков» оправдан «за отсутствием улик».

Сергей Миронович снова во Владикавказе, снова с владикавказскими рабочими и снова в редакции газеты «Терек». Здесь он помещает свои статьи под псевдонимом «С. Киров». Этот литературный псевдоним стал в годы революции новой фамилией Сергея Мироновича, под которой он стал известен миллионам людей.

В ноябре 1912 года в «Тереке» помещается за подписью «С. Киров» статья «Простота нравов», в которой Сергей Миронович, переступив все границы подцензурной печати того времени, разоблачает роль Государственной думы, реакционность и низкопоклонство членов Думы, именовавших себя «представителями народа».

По реакционному избирательному закону 16 (3) июня 1907 года в Думу могли попадать в подавляющем большин-

стве только вполне верные правительству чиновники, помещики, попы и крупные буржуа.

Правительству Николая Романова нужна была Дума как ширма для внутреннего, и особенно для «внешнего» употребления. При всяком затруднительном случае, ведь, можно было сослаться, что такой-то закон, особенно ненавистный трудящимся массам, одобрен «представителями народа». И еще того важнее — за границей, когда нужно было хлопотать (а это приходилось делать частенько) о новом иностранном займе, царскому правительству очень важно было иметь в руках этот козырь: займы правительства одобрены «представителями народа», и потому нечего опасаться за целостность и сохранность денег, одолженных царю.

Реакционные III и IV Государственные думы с успехом выполняли эту предназначенную для них постыдную роль ширмы, прикрывавшей насилие и мракобесие царского самодержавия.

Дума фактически стала одной из опор власти Николая Романова.

И вот в глухом провинциальном городишке никому неизвестный до тех пор «С. Киров» осмеливается разоблачать бутафорскую роль мнимых «представителей народа». Он помещает в газете статью, в которой заявляет, что «на спине России взгромоздился такой «парламент», в котором большинство одарено одной добродетелью: прекрасно владеть «резиной»¹, что «паяцы вроде Пуришкевича играют роль посланников народа», что «страна должна принимать законы из рук людей, достойных, быть может, какого угодно звания, но только не звания народных представителей».

Киров указывал в статье на «удивительную способность политических деятелей, сидящих направо», «перекрашивать себя в случае надобности».

«Это депутатское хамелеонство объясняется тем, — продолжает Киров, — что огромное большин-

¹ Прозрачный намек на то, что многие депутаты Государственной Думы участвовали в организации еврейских погромов. — Ред.

ство наших депутатов, в силу многих условий, имеет весьма отдаленное отношение к населению... поэтому на всякое свое поведение они смотрят с точки зрения «как прикажете».

Понятно, человека, нападающего на одну из опор царского самодержавия, ожидала самая суровая кара.

Против автора статьи и издателя газеты возбуждается уголовное преследование. Прокурор владикавказского окружного суда ведет следствие, которое тянется полгода. Но тут подоспел «высочайший манифест» по поводу 300-летия дома Романовых, и окружный суд постановил дело производством прекратить, а вещественное доказательство (конфискованный номер газеты «Терек») — уничтожить.

В августе 1914 года Россия вступила в мировую войну. Против меньшевистско-эсеровского отречения от революции и предательского лозунга о сохранении «гражданского мира» во время войны большевики выдвинули лозунг *«превращения войны империалистической в войну гражданскую»*.

Годы империалистической войны были годами все усиливающейся нужды и лишений для широких масс рабочих и крестьянской бедноты как по всей России, так и особенно на Северном Кавказе, где основная масса так называемого «иногороднего» крестьянства и горских народов жила и до этого в самых тяжелых условиях.

Терская область¹ считалась казачьей областью, хотя казаков там было менее одной пятой всего населения и вдвое меньше, чем горцев.

Накануне империалистической войны 1914—1918 годов терское казачество владело 60% годной для обработки земли, в разное время отнятой казаками у горцев. По официальным данным за 1916 год, на одну мужскую душу казачьего населения Терской области приходилось 14,4 десятины земли, на горца — всего около 4 десятин, большая часть которых была негодна для обработки. Значительную часть населения соста-

¹ Терская область включала в свои границы часть нынешнего Ставропольского края, территории республик Северная Осетия, Кабардино-Балкария, Ингушетия и Чечня. — Ред.

вляли крестьяне, так называемые «иногородние», которые, как правило, своей земли не имели, а арендовали ее у богатых казаков на кабальных условиях или батрачили у этих казаков, подвергаясь жестокой эксплуатации. Особенно тяжело было с землей в горной Чечне, горной Осетии, Ингушетии и Дагестане.

Вообще казаками были заняты лучшие, плодороднейшие земли, а худшие — каменистые, малодоступные, с трудом поддающиеся обработке, — были оставлены горской бедноте.

К тому же казаки были освобождены от налогов, и вся тяжесть обложения падала на горцев, которые официально на чиновничьем языке именовались «проживающими на территории Терского казачьего войска».

Неуклонно проводя руками казаков и чиновничества политику ограбления горских народов, царское самодержавие оставляло их в полной темноте и невежестве. Своей письменности у горских народов не было. Грамотность же на арабском языке была, конечно, недоступна огромному большинству населения. Как правило, грамотными (и то относительно) были только муллы. Например, в Чечне грамотных насчитывалось менее 1% (0,8%) всего населения.

Загнанные в горы «туземцы сельского сословия», как именовали горцев на своем суконном языке царские колонизаторы, вынуждены были искать какого-то выхода, так как земли местами не хватало для пятой части горского населения. Местные кустарные промыслы, и без того слабые, приходили в упадок, не выдерживали конкуренции с развивавшейся в России крупной промышленностью. Горцы массами уходили на отхожие промыслы, где выполняли самую грубую, черную работу.

Но в горах все же оставалось слишком много людей, у которых не было порой даже кукурузной лепешки. На казачьи станицы никогда не прекращались набеги, в горах никогда не прекращалась вооруженная борьба.

Казачьи атаманы и местные власти, конечно, не оставались в долгу, жестоко расправляясь с попавшимися им в руки участниками лихих набегов, отправляя их массами в тюрьмы

и на каторгу. Но никакие кары и насилия не могли сломить и укротить горцев: борьба, то несколько затихая, то усиливаясь, фактически продолжалась беспрерывно.

Столкновения были не только с казаками, но нередко и с соседними горскими народами — из-за земли и из-за горных пастбищ. Нападения, угон лошадей и скота, убийства были заурядным явлением.

Исконная политика всех поработителей — «разделяй и властвуй» — усердно проводилась и здесь. Русские власти, воспитывая казаков в фанатической ненависти к горцам, в то же время усиленно разжигали антагонизм между отдельными горскими народами.

На фоне этих чрезвычайно сложных и обостренных межнациональных отношений особое значение приобретало классовое расслоение, сказывавшееся более или менее отчетливо у всех национальностей. Среди казачества был изрядный слой бедноты, терпевшей притеснения от сановной и богатой казачьей верхушки. Русские крестьяне, так называемые «иногородние», ненавидели богатых казаков — своих алчных эксплуататоров.

У горцев были свои князья (у кабардинцев), потомки старых феодалов (у осетин) и своя торговая буржуазия, владельцы табунов лошадей, больших стад скота, прибравшие к рукам лучшие из оставшихся у горцев земель. Они находили себе крепкую опору в духовенстве, в муллах. Здесь во взаимоотношениях еще полностью царила та первобытная дикость и патриархальщина, о которой с такой горечью говорил не раз Ленин. Если всем вообще подданным русского царя отнюдь не полагалось заниматься политикой, то здесь, в горах Северного Кавказа и в его предгорьях, люди жили слухами — по местному «хабар», — распространявшимися с поразительной быстротой, но зачастую содержащими чудовищные небылицы, сфабрикованные муллами, местными феодалами или кулаками в своих корыстных целях. Газет и книг у горцев, почти поголовно неграмотных, не было и в помине. Единственной книгой, которую можно было найти в горах, был коран на арабском языке.

Промышленность во всем крае была развита чрезвычайно слабо. За исключением Грозненских нефтяных промыслов и железной дороги, крупных промышленных предприятий в крае не было. Мелкие кустари и ремесленники, рабочие мелких предприятий были темны, отсталы, проникнуты мелкобуржуазными стремлениями и предрассудками. Все это создавало исключительно сложную и трудную обстановку для работы большевиков.

Такой Терская область была ко времени Февральской революции 1917 г.

В дни Февральской революции во Владикавказе организовался Совет рабочих и солдатских депутатов, в котором в огромном большинстве были меньшевики и эсеры.

Широкие массы народа, опьяненные первыми успехами революции, оказались на некоторое время в плену у соглашательских партий.

«Перед большевистской партией встала задача — разъяснение опьяненным от первых успехов рабочим и солдатским массам, что до полной победы революции еще далеко, что пока власть находится в руках буржуазного Временного правительства, а в Советах хозяйничают соглашатели, меньшевики и эсеры, народу не получить ни мира, ни земли, ни хлеба, что для полной победы необходимо сделать еще шаг вперед и передать власть Советам»¹.

Киров, во главе маленькой группы большевиков, принимает активное участие в организации Владикавказского совета. В противовес меньшевикам и эсерам, всячески старающимся наводнить Совет представителями служащих и буржуазной интеллигенции, Сергей Миронович организует выборы в Совет от рабочих Владикавказа.

Киров с огромной энергией и энтузиазмом развертывает массовую партийную работу, вовлекая в ряды партии наиболее активных рабочих. Лично организует рабочие профессиональные союзы, в частности среди самых отсталых групп владикавказских рабочих — строительных рабочих и домашней прислуги.

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 173.

Быстрее, чем где-нибудь, здесь, на Северном Кавказе, организуются и силы контрреволюции: собирается казачий Войсковой круг, организующий свое правительство во главе с архичерносотенным депутатом Государственной думы от терских казаков Карауловым.

Горское дворянство и горская буржуазия в союзе с мусульманским духовенством создают «Центральный комитет объединенных горцев», позднее превратившийся в «горское правительство», во главе с крупным помещиком князем Каплановым и владельцем нефтяных промыслов Чермоевым. В одной Терской области оказалось несколько правительств. Но у каждого из этих правительств было весьма мало реальной власти, и приказы их принимались к исполнению лишь тогда, когда они отвечали интересам и стремлениям руководящих групп на местах.

В этот период кадеты, меньшевики и эсеры были по горло заняты всевозможными съездами и совещаниями, до одури заседа на всяких пленумах, в президиумах, комитетах и правительствах.

Небольшая группа владикавказских большевиков во главе с Кировым отдавала все свои силы работе в массах, разъясняя рабочим, солдатам, горцам, казакам подлинный смысл Февральской революции, терпеливо и настойчиво подводя их к пониманию необходимости неослабной борьбы за освобождение от эксплуатации помещиков и капиталистов, разоблачая изменническую тактику соглашательских партий. Киров выступал буквально каждый день, а иногда и по нескольку раз в день на собраниях, на митингах. Простой и понятный язык, образная речь, всегда полная едкого сарказма, огромный темперамент борца и страстная преданность идеям революции делали Сергея Мироновича наиболее популярным, любимым оратором.

Как только узнавали, что на том или ином собрании должен выступить Киров, двери ломались от напора желающих послушать вдохновенную речь подлинного народного трибуна.

Меньшевики и эсеры как огня боялись его острого языка, разоблачающего их предательскую позицию, его едких,

бичующих насмешек; они выдвигали своих лучших ораторов на те собрания, где выступал Киров, и все же неизменно терпели поражение.

В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В апреле 1917 года В. И. Ленин выступил со своими знаменитыми Апрельскими тезисами, давшими партии и пролетариату ясную революционную линию перехода от буржуазной революции к социалистической. Сергей Миронович эти тезисы сразу же положил в основу всей своей политической работы на Северном Кавказе.

В мае Киров выступил во Владикавказском совете от имени фракции большевиков с резким протестом против постановления так называемого «Гражданского комитета»¹, введшего ограничения свободы собраний и митингов, и против решения Войскового круга о введении смертной казни для бандитов». Реакционность того и другого постановления была очевидна. Контрреволюционное казачество в союзе с горскими князьями и горской буржуазией хотело заткнуть рот «смутьянам» — рабочим и беднякам-крестьянам, ничего не получившим от Февральской революции и выразившим недовольство таким положением. Смертная казнь, восстанавливаемая для «бандитов», давала контрреволюционерам средство для решительной расправы с теми, кто пытался вступить на путь открытой борьбы с ними.

Несмотря на преобладание в Совете меньшевиков и эсеров, отнюдь не имевших склонности всерьез выступать против казачьих верхов, Владикавказский совет большинством

¹ При Временном правительстве «Гражданский комитет» во главе с гражданским комиссаром был высшей властью на местах — в губернии и области. На деле гражданский комиссар пользовался властью в той мере, в какой ему оказывали поддержку руководящие в данный момент группы населения, прежде всего местные Советы (бывшие тогда еще в руках меньшевиков и эсеров). — Ред.

голосов принял резолюцию большевиков, предложенную Кировым. В ней постановление «Гражданского комитета» квалифицировалось как попытка задушить завоевания революции, и Совет, решительно протестуя против постановления, заявлял, что признает его для себя необязательным. У дворца Караулова решено было организовать митинг протеста, и в Центр была послана телеграмма с протестом против действий Караулова. Временному правительству пришлось сместить своего не в меру распоясавшегося представителя.

На усиление влияния большевиков контрреволюционные элементы отвечают хитросплетенной системой провокаций. Казачьими верхами усиленно распространяются слухи, что большевики призывают горцев грабить и захватывать казачьи станицы. В то же самое время кабардинские князья, осетинское офицерство, кулаки и торговая буржуазия горцев совместно с муллами, выполняя поручение Центрального комитета «союза горцев», распространяют «хабар»: большевики — «шайтаны» (дьяволы), они-де уничтожают мечети, отнимают жен и детей, вооружают против горцев казаков...

В самом Владикавказе в начале июля происходит спровоцированное контрреволюционными элементами столкновение солдат 135-го полка с приехавшими на базар ингушами. Солдаты зверски расправляются с безоружными горцами.

Весть об этом моментально разносится по близлежащим горным аулам; ингуши вооружаются, готовясь мстить за нанесенные обиды. Межнациональная вооруженная борьба готова уже разгореться. Видя в этом величайшую опасность для Дела революции, Киров, рискуя жизнью, отправляется в ингушские аулы, чтобы вскрыть перед горцами корни контрреволюционной провокации и предотвратить готовую вспыхнуть межнациональную войну.

Кирову удастся не только остановить вооруженное выступление ингушей, но и установить непосредственные связи с лучшими, революционно настроенными представителями ингушей, которые впоследствии не раз выступают на поддержку революции.

Большое значение Киров придает работе среди горской бедноты; он устанавливает тесные связи и крепко поддерживает революционную партию осетинской бедноты «Кермен». Эта партия хотя и не имела четкой программы, но являлась действительно революционным объединением осетинской бедноты и решительно боролась за ее интересы. У некоторых большевиков были большие сомнения, как относиться к этой партии, которая не имеет последовательной революционной программы, не приняла программы большевиков. Киров зло высмеивал таких буквоедов, указывая, что «Кермен» возглавляет бедноту, борется за интересы бедноты и идет вместе с большевиками против всех тех, кто является врагами большевиков. Партия «Кермен» сыграла большую положительную роль в революционной борьбе на Тереке, и позднее, в мае 1918 года, значительная часть керменистов — все лучшие ее элементы вступили в коммунистическую партию.

В августе 1917 года Киров, по поручению большевистской организации и Владикавказского совета рабочих и солдатских депутатов, едет в Петроград. На обратном пути из Петрограда Киров узнает, что в начатом генералом Корниловым мятеже активное участие принимает так называемая «дикая дивизия» (в составе которой были горские национальные части). По инициативе Сергея Мироновича от Центрального комитета горских народов направляется специальная делегация в «дикую дивизию» для разъяснения контрреволюционных замыслов Корнилова. Это имело большое значение, так как именно на «дикую дивизию» Корнилов возлагал большие надежды. После разъяснительной работы делегации «дикая дивизия» отказалась от активного участия в мятеже.

По возвращении во Владикавказ Киров снова развертывает огромную агитационную работу, выступает в заседании Совета с докладом о московском Государственном совещании и корниловском мятеже, делает доклад о текущем моменте на собрании солдат и офицеров владикавказского гарнизона. Он выступает изо дня в день, настойчиво разъясняя политику большевиков и те задачи, которые они ставят перед собой в дальнейшей революционной борьбе.

Наконец, настойчивая разъяснительная работа владикавказских большевиков приносит свои плоды: осенью 1917 года — еще до Октябрьской социалистической революции — руководство Владикавказским советом переходит в руки большевиков.

5 октября делегатом от Владикавказа и от Кабарды на II Всероссийский съезд Советов избирается Киров. В Петрограде Киров, не ограничиваясь работой на съезде Советов, принимает непосредственное участие в октябрьских боях.

Возвратившись во Владикавказ, Киров 17 (4) ноября выступает на заседании Владикавказского совета в переполненном до отказа городском театре с ярким, вдохновенным докладом об октябрьских событиях.

Нужно отметить, что в резолюции Совета по докладу Кирова не был поставлен вопрос о переходе власти в руки Владикавказского совета. Сергей Миронович считал, что поставленная Лениным задача — *подвести* рабочий класс и беднейшее крестьянство к пролетарской социалистической революции — на Северном Кавказе еще далеко не была выполнена и что прямая постановка вопроса о захвате власти пролетариатом в условиях Северного Кавказа неизбежно должна была повести к отрыву революционного авангарда от основных масс трудящихся города и деревни и к немедленному разгрому революционных сил организованными силами казачьей и горской контрреволюции.

Именно поэтому в резолюции Совета, принятой по докладу Кирова, не был поставлен вопрос о переходе власти в руки Владикавказского совета. Далее мы увидим, что позиция Сергея Мироновича была вполне правильной.

В течение ряда дней в десятках докладов, выступая на рабочих собраниях, в клубах, в кино, Киров снова и снова Разъясняет рабочим, солдатам, горцам, всем трудящимся значение и смысл Великой Октябрьской социалистической революции, открывающей широчайшие перспективы для национального хозяйственного и культурного возрождения угнетавшихся царизмом народов Кавказа.

К этому времени происходит окончательное и формальное обособление большевистской организации во Владикав-

казе. До ноября владикавказские большевики хотя и вели упорную и настойчивую работу по разоблачению предательской тактики меньшевиков, однако, считаясь с особенными условиями Владикавказа, являвшегося опорной базой и гнездом казачьей и дворянско-горской контрреволюции, не создавали самостоятельной большевистской организации. Оставаясь в рамках формально единой организации, владикавказские большевики ставили себе задачей полное завоевание всех рабочих, состоящих в объединенной организации. В ноябре эта Задача оказалась выполненной. На городском партийном собрании произошел раскол по вопросу об отношении к Учредительному собранию, и из собравшихся 500 человек на платформе меньшевиков оказалось... 10 человек, и из них всего один или двое рабочих!

После этого собрания меньшевистская организация фактически перестала существовать во Владикавказе.

Гарнизон Владикавказа был также завоеван большевиками. Но казачья и горская контрреволюция не дремала и тотчас же после Октябрьской революции объединилась уже формально, образовав так называемое «терско-дагестанское правительство». Это был союз казачьих верхов с горской буржуазией и горскими феодалами для отпора пролетарской революции. Нужно сказать, что и это правительство было в значительной степени эфемерным, его мало кто принимал всерьез. Войсковой круг признавался казаками, «горское правительство» признавалось горцами, но приказы того и Другого, как мы уже говорили, выполнялись постольку, поскольку они отвечали интересам руководящих в данный момент и в данном месте групп населения. Реальной опорой контрреволюции были вызванные с фронта части «дикой дивизии» и казачьи полки. Опираясь на них, контрреволюционеры повели решительное наступление против рабочих революционных организаций на Тереке, широко применяя методы провокации и разжигая межнациональную борьбу всеми средствами, вплоть до провокационных убийств самых видных и уважаемых представителей той или иной народности.

Одновременно контрреволюционеры, опасаясь, что солдаты, возвращавшиеся по демобилизации с турецкого фронта,

окажут поддержку местным революционным силам, начали бешеную агитацию против них, распуская слухи, что вооруженные солдаты — это сплошь большевики, что они идут грабить и уничтожать казачьи станицы и горские аулы.

Казачья контрреволюция, а иногда и чеченские контрреволюционеры разбирали железнодорожные линии, останавливали воинские эшелоны, разоружали солдат. Солдаты, встретив неожиданное сопротивление, нередко пробивались вперед силою оружия. По линии железной дороги порой происходили настоящие бои. Это полностью отвечало планам казачьей и горской контрреволюции.

Однако, не довольствуясь этим, контрреволюционеры разжигают в то же время войну между горцами и казаками. Снова применяется испытанный метод: в декабре 1917 года организуется около станицы Грозной провокационное убийство представителя горцев шейха Дени Арсанова, который ехал по приглашению казаков для мирного разрешения спорных между казаками и горцами вопросов.

В ответ на это горцы сожгли казачью станицу Кахановскую, а казаки в свою очередь захватили и сожгли ряд горских аулов.

Контрреволюционеры добились своего: вопросы классовой борьбы и прежде всего самый острый на Тереке вопрос — земельный — были сняты с очереди разгоревшейся межнациональной борьбой.

При этих условиях контрреволюционерам можно было не стесняться и во Владикавказе.

Самарская пешая дружина¹, вооруженная опора Владикавказского совета, была разоружена. 30 декабря Владикавказский совет постановил: «признать Советскую власть и подчиниться распоряжениям Совета Народных Комиссаров». На другой же день банды офицеров-горцев по приказанию контрреволюционного «горского правительства» напали на Совет, разгромили его и арестовали президиум во главе с Буачидзе. (Киров случайно в этот вечер не был в Совете.) Разгромили также и партийный комитет большевиков. На

¹ Дружинами назывались воинские части, сформированные во время империалистической войны из признанных негодными для строевой службы на фронте.— Ред.

улицах контрреволюционеры расклеили плакаты с призывом убивать большевиков.

5 января на улицах Владикавказа появляется новый отряд контрреволюции: в город вступает контрреволюционное казачество, которое начинает расстреливать горцев, прежде всего ингушей.

«Горское правительство» во главе с крупным помещиком князем Каплановым спокойно взирает на расправу казачьей контрреволюции с горской беднотой.

Казачьи офицеры усиленно разыскивают Кирова, и ему приходится уехать из Владикавказа. 7 января Киров с большим риском пробирается в Пятигорск.

Во Владикавказе полная анархия: в центре города хозяйничают «самооборонческие» отряды черносотенного офицерства, но они не рискуют заглядывать в рабочие слободы — Курскую, Молоканскую, где порядок поддерживают рабочие отряды самообороны. Большевистская организация во Владикавказе уходит в подполье.

Такое же примерно положение было и во многих других местах в Терской области.

В Моздоке, небольшом городишке с населением преимущественно из богатых казаков и помещиков-овцеводов, хозяйничал в это время казачий «военный совет» (он именовал себя также, в целях демагогии, «военно-революционным комитетом») во главе с полковником Рымарем и есаулом Пятирублевым. В ноябре 1917 года этот «военный совет» созвал съезд казаков Моздокского отдела¹.

Задачей съезда было собирание контрреволюционных сил, а формально он ставил своей целью выработку мер против нападений горцев. На съезде казаки жаловались, что их некому защитить, нет твердой власти. Присутствовавший на этом съезде большевик, представитель Георгиевского² совета, внес предложение созвать Терский областной съезд трудового народа, который и должен будет создать твердую власть.

¹ В казачьих областях *отделы* являлись административными подразделениями области. — Ред.

² *Георгиевск* — небольшой город недалеко от Моздока; туда перебрались из Грозного некоторые большевики. — Ред.

Предложение это было принято; областной съезд решено было созвать также в Моздоке. По всей области были разосланы воззвания с приглашением на съезд. Съезд собрался 7 февраля (25 января) 1918 года. В организации съезда принимали непосредственное участие казачьи офицеры, но большевики также мобилизовали свои силы для участия в съезде. Пятигорскую группу представителей на съезд возглавлял Киров, владикавказскую группу — большевик Ной Буачидзе.

Буржуазно-помещичья, казачья и горская контрреволюция ставила себе определенную задачу: добиться утверждения съездом уже начатой казачьей верхушкой подготовки войны против ингушей и чеченцев (наиболее ограбленных и потому наиболее беспокойных непосредственных соседей терских казаков). Это был новый провокационный маневр контрреволюции, подготовлявшийся в широком плане.

Перед большевиками стоял огромной важности принципиальный вопрос — какой тактики держаться на съезде перед лицом вооруженной до зубов контрреволюции, ловкими маневрами в ряде случаев увлекавшей за собой широкие массы трудящихся казаков и горцев.

К немедленному признанию пролетарской революции и Советской власти массы крестьян, казаков и горцев были несомненно не подготовлены. При этих условиях прямо поставить на съезде вопрос о немедленном признании власти Совета Народных Комиссаров значило изолировать большевиков, отбросить от них большинство делегатов съезда, толкнуть население в объятия контрреволюционного казачьего офицерства и не менее контрреволюционных горских феодалов и буржуазии, нефтепромышленников Чермоевых, князей Каплановых и их сподвижников, дать толчок войне между казаками и чеченцами и облегчить разгром большевиков.

Большевики с Кировым во главе решили применить другую тактику — тактику объединения всех трудящихся против наступавшей казачьей и буржуазно-феодальной горской контрреволюции.

Большевиками совместно с меньшевиками-интернационалистами и «левыми» эсерами было выдвинуто и осуществ-

влено предложение о создании «социалистического блока» — тактического объединения на съезде всех партий, которым угрожала обнаглевшая контрреволюция. К этому блоку присоединились также правые меньшевики и эсеры, втайне лелеявшие надежду протащить на съезде любезную их сердцу «учредилку».

«Социалистический блок» выступил под лозунгами объединения всех революционных сил и организации на местах действительной власти трудящихся, организации отпора контрреволюции и немедленного прекращения межнациональной войны.

Главным оратором и фактическим руководителем «социалистического блока» был Киров.

И вот на съезде, организованном контрреволюционным казачьим офицерством, в окружении реакционно настроенных казаков, на съезде, где в немалом количестве присутствуют те же казаки и осетинские офицеры (в то же время ингуши и чеченцы совсем не приглашены на съезд), Киров, благодаря тщательно продуманной тактике, благодаря необыкновенной силе своего пламенного красноречия, *добивается большинства* (сначала, правда, незначительного), *стоявшего за отказ от похода на чеченцев и ингушей*.

Киров выступает еще и еще раз. С каждым новым выступлением этого скромного человека, заряженного гигантским запасом революционной энергии и обладающего способностью просто и понятно разьяснять сложнейшие вопросы, слушают все более охотно, приветствуют все более горячо.

Дело доходит в конце концов до того, что открытые контрреволюционеры, вроде полковника Рымаря, вынуждены убраться со съезда, а его приспешники и единомышленники вынуждены молчать на съезде, больше того — вынуждены, стиснув зубы, изображать на лицах сочувствие речам и предложениям Кирова, чтобы не потерять окончательно влияния на рядовых делегатов съезда.

Крайне интересным было выступление Кирова на Моздокском съезде по поводу так называемого «заявления 132-х». На съезде под влиянием агитации «левой», непримиримой груп-

пы большевиков было составлено и поступило в президиум съезда за подписью 132 делегатов предложение немедленно обсудить вопрос об отношении к власти Совета Народных Комиссаров¹. Ясно, что принятие этого предложения в данной обстановке привело бы неизбежно к полному разгрому большевиков.

Киров от имени «социалистического блока» выступает против этого предложения, угрожающего внести раскол в ряды большинства съезда, которое с такими невероятными трудностями удалось создать. Съезд принял предложение Кирова и снял с обсуждения вопрос об отношении к Совету Народных Комиссаров. Однако все речи Кирова были пропагандой за признание Октябрьской революции и власти Совнаркома.

По предложению Кирова, учитывавшего неустойчивый состав делегатов съезда и крайне тяжелое внешнее окружение съезда в Моздоке был выбран временный Народный совет Терской области. Съезд обратился с составленным Кировым воззванием к народностям Терской области. Съезд был объявлен «первой сессией Народного съезда Терской области», и сейчас же была назначена вторая сессия съезда — уже в Пятигорске, где Совет находился под руководством большевиков и воинскими частями также руководили большевики. На новый съезд были посланы приглашения всем народностям Терской области, в том числе также ингушам и чеченцам.

29 (16) февраля в Пятигорске открывается вторая сессия Терского областного народного съезда.

На этом съезде большевики с Кировым во главе выступают уже признанными руководителями подавляющего большинства съезда.

В то же время правые эсеры и меньшевики, чувствуя, что почва ускользает у них из-под ног, формально еще оставаясь в рядах «социалистического блока», снюхиваются с представителями открытой или скрытой контрреволюции и совместно с ними пытаются провокационными маневрами

¹ Часть казаков готова была пойти на признание Советской власти в надежде получить вооружение и санкцию на военное выступление против горцев. — Ред.

если не сорвать съезд, то по крайней мере подорвать по силе возможности его значение.

Так, они пытаются взять на испуг и не допустить на съезд громадным трудом и риском приехавшую делегацию ингушей и чеченцев.

Однако провокация социал-предателей на этот раз не удается. Делегаты ингушей и делегат чеченцев, мужественный боец революции Асланбек Шерипов, появляются на съезде, и съезд встречает их бурной овацией; даже делегаты казаков приветствуют прибывших.

Несмотря на продолжающиеся кровавые провокации на местах, на съезде торжественно устанавливается мир между чеченцами, ингушами, осетинами, казаками, между всеми народами Терской области.

17 (4) марта съезд большинством 220 против 22 при 40 воздержавшихся под бурные аплодисменты принимает предложение большевиков о признании власти Совета Народных Комиссаров. Съезд посылает торжественную телеграмму председателю Совета Народных Комиссаров Ленину. Тактика терских большевиков, руководимых Кировым, увенчивается полным успехом.

По предложению большевиков с Кировым во главе съезд, несмотря на возражения меньшевиков и эсеров, принимает решение переехать всем составом в центр Терской области — Владикавказ — и там организовать правительство Терской области.

21 (8) марта, в 12 часов ночи, съезд под звуки оркестров, встречаемый массой рабочих и трудящихся города, торжественно прибывает во Владикавказ в поезде из товарных вагонов, разукрашенных флагами. Контрреволюционные офицеры, правда, устроили провокационную стрельбу из винтовок, но реального сопротивления съезду оказать не решились.

Во Владикавказе областной народный съезд избрал Терский совнарком с большевиком Ноем Буачидзе во главе.

Немедленно по прибытии съезда во Владикавказ возобновились провокационные убийства, организуемые контрреволюционерами. К самому зданию, где заседал

съезд, привозят трупы обезображенных осетин, убитых ингушами. Волна негодования охватывает осетинские селения, раздается призыв к кровавой мести. Осетинские и ингушские селения, расположенные иногда совсем близко друг от друга, обносятся окопами, начинается настоящая война между осетинами (которых поддерживают представители других народностей, а также и казаки) и ингушами. Особенно острое положение создается между ингушским селением Базоркино и осетинским селением Ольгинское, расположенными в километре друг от друга. Киров во главе делегации от Народного областного съезда выезжает на место, под пулями идет в окопы, уговаривает немедленно прекратить междоусобную войну, доказывает, что она выгодна только врагам трудящихся. Его товарищ по делегации балкарец Калабеков падает под пулями, но Киров не отступает и, производя неотразимое впечатление на горцев своей смелостью и решительностью, в конце концов добивается примирения враждующих сторон.

В середине лета с очевидностью выясняется, что предстоит борьба не на живот, а на смерть с бандами Деникина, наступающими с севера. В связи с наступлением Деникина удваивают свою энергию и местные контрреволюционеры; многие казачьи станицы превращаются в вооруженные опорные базы контрреволюции. Своими силами терским большевикам с этими задачами было не справиться.

На Кирова возлагается ответственное поручение ехать в Москву и там добиться помощи людьми, оружием, средствами.

Киров выезжает в Москву и забирает там оружие для северо-кавказских большевиков. В конце августа Сергей Миронович через Царицын и Астрахань по Калмыцким степям (Ростов уже был занят Деникиным) добрался до Георгиевска с транспортом оружия и боеприпасов. Но пробраться обратно на Терек ему уже не удастся. Пробыв несколько недель в Пятигорске¹, Киров возвращается опять в Москву и подготавливает новую, более крупную экспедицию на помощь

¹ Приезд Кирова на Северный Кавказ в августе — сентябре 1918 года документально не установлен, но подтверждается рядом товарищей. — Ред.

Северному Кавказу; однако на этот раз Сергею Мироновичу не удастся добраться даже до Георгиевска. Деникин овладевает Северным Кавказом и вынуждает XI армию красных отступить по пустынным пескам, по безлюдным степям на восток, к Астрахани.

Киров в декабре 1918 года, после безуспешной попытки пробраться на Терек, вынужден вернуться в Астрахань.

Работа Кирова на Северном Кавказе, его самоотверженная борьба за установление межнационального мира, успешно проведенное им объединение горской и русской бедноты под знаменем Советов, под лозунгами — мир, хлеб и свобода, имели значение далеко за пределами Северного Кавказа.

В крае, где господствовала дикость и патриархальщина, где, казалось, была безгранична власть казачьего и горского офицерства, мулл, горских князей и кулаков, Киров с горстью большевиков, которыми он руководил, создал крепкий фронт борьбы за Советскую власть.

В крае, который был русской Вандеей, где контрреволюция собирала и накапливала свои силы, Киров сумел революционизировать тыл белогвардейских армий, тем самым отсрочив и ослабив подготавливаемое контрреволюционерами наступление на молодую республику Советов.

ВО ГЛАВЕ ГЕРОИЧЕСКОЙ ОБОРОНЫ АСТРАХАНИ

В Астрахани открывается новая героическая страница революционной большевистской работы Кирова. Астрахань находилась на стыке деникинского и колчаковского фронтов. Задачей на этом участке фронта являлось не дать возможности соединиться белобандитским войскам Колчака и Деникина.

К моменту прибытия Кирова в Астрахань в январе 1919 года положение там создалось исключительно тяжелое. Уже с декабря 1918 года в Астрахань начали подходить вконец измученные труднейшим переходом через безлюдные астраханские степи части XI армии. По сути дела это уже были не организованные воинские части, а изголодавшиеся, обес-

силевшие, чуть ли не сплошь зараженные тифом массы людей, нуждавшихся в безотлагательной медицинской помощи, в длительном отдыхе, в восстановлении своих физических и моральных сил. О боеспособности этих отрядов, проделавших героический переход, в котором погибли тысячи людей и самые крепкие бойцы истощили все свои силы, конечно, в данный момент не могло быть и речи.

В самой Астрахани в это время почти не было крепких красноармейских частей, а между тем именно в этот момент там крайне необходимы были надежные вооруженные силы. В Астрахани — большом приволжском торговом городе с преобладающим мещанско-купеческим населением, с большим количеством церквей и попов, центре астраханского казачьего войска — к концу 1918 года собралось много помещиков, бывших царских офицеров, попов, крупных и мелких буржуа, бежавших из областей, охваченных гражданской войной, и надеявшихся подальше от красной Москвы найти себе убежище и простор для контрреволюционной работы.

Промышленного пролетариата в собственном смысле слова в Астрахани почти не было, за исключением рабочих нескольких сравнительно небольших судоремонтных заводов. Рабочие водного транспорта, матросы, грузчики, рабочие рыбных промыслов были крайне отсталы, неорганизованны; в огромном своем большинстве это были крестьяне, еще не порвавшие непосредственных связей с деревней.

Таким образом, силы контрреволюции в Астрахани были представлены очень густо, а в противовес этому крепкого революционного пролетарского ядра не было. Советские органы работали еще очень плохо. Многие важные отрасли работы находились в руках левых эсеров (Комиссариат просвещения, Комиссариат земледелия; в качестве заместителей левые эсеры работали и в других комиссариатах).

На почве тяжелого продовольственного положения не без успеха велась в широких массах городского населения контрреволюционная белогвардейская агитация, распространялись провокационные слухи. Работе контрреволюционных элементов не давалось надлежащего отпора в силу слабой

организованности и недостаточной сознательности рабочих, которые сами поддавались иной раз белогвардейской провокации. В профсоюзах и на многих предприятиях орудовали меньшевики, ведя разлагающую работу. Ко всему этому присоединилась жесточайшая эпидемия тифа, занесенная в город и все время питаемая вновь и вновь подходившими частями XI армии.

Извне же, с востока, Астрахани угрожал в то время колчаковский генерал Толстов, собравший отряды контрреволюционного казачества; с Каспийского моря к устью Волги подходили военные корабли интервентов-англичан, а вокруг Астрахани в рыбацких поселках и крестьянских селах зачастую верховодили кулаки, поддерживавшие связь с белобандитами.

Киров вскоре по своем прибытии в Астрахань занял фактически руководящее положение как в Реввоенсовете армии, так и в жизни города. Он быстро ориентировался в обстановке и определил важнейшие задачи, на которых должны быть сосредоточены все силы.

Первая задача — воссоздать из того добротного человеческого материала, который представляли собой революционные бойцы XI армии, новую, крепко сколоченную, твердо организованную армию, с которой снова перейти в наступление и очистить Северный Кавказ от Деникина.

Вторая задача — установить в Астрахани революционный порядок и во что бы то ни стало удержать Астрахань как наиболее удобный пункт для реформирования армии и как опорный пункт революции, охраняющий устье Волги от белогвардейцев и не дающий Колчаку и Деникину сомкнуть силы и создать единый контрреволюционный фронт.

Третья задача — обеспечить сохранение связей, помощь и руководство коммунистам, работавшим в подполье в Баку, в Закавказье, на Северном Кавказе, а также красным партизанским отрядам Дагестана и Терека, находившимся в тылу у Деникина.

Ввиду исключительно трудного положения и прежде всего для отпора внутренней контрреволюции, которая — это

ясно чувствовалось — снова поднимала голову¹, в Астрахани вскоре по прибытии туда Кирова организуется Временный военно-революционный комитет, который является высшей властью в Астраханском крае. Председателем Ревкома избирается Киров. На следующий день Сергей Миронович выпускает обращение «Ко всем рабочим и трудящимся Астраханского края», в котором он требует от всех сознательных и честных граждан чрезвычайного напряжения сил для борьбы с хозяйственной разрухой, с тифом, для помощи Красной Армии.

Обстоятельства были действительно чрезвычайные. Пришлось первым же приказом Ревкома (от 27 февраля 1919 года) ввести сокращение хлебного пайка всему населению ввиду крайне ограниченных запасов муки в Астрахани.

Ряд приказов Ревкома посвящен борьбе с тифом, они имеют задачей мобилизовать не только врачей и работников медицинских учреждений, но и все решительно население на борьбу с надвинувшимся на город ужасным бедствием.

Приказ Ревкома от 7 марта предписывает установить работу во всех гражданских учреждениях «применительно к работе военного ведомства» не только до, но и после обеда ввиду необходимости довести работу «до максимальной степени интенсивности».

Киров в этот период не только руководит Ревкомом и организует работу всех и всяческих военных и гражданских учреждений, но он спешит непосредственно связаться с рабочими массами, почти ежедневно выступает на партийных, профессиональных, рабочих и красноармейских собраниях. Сергей Миронович за короткое время успевает обеспечить крепкое настроение, поднять революционную энергию в массах. А именно сейчас это было особенно необходимо: 10 марта белогвардейцами был поднят мятеж, очень ловко ими организованный, — у них был тщательно продуманный и четко выполнявшийся план, были значительные силы, много оружия и опытные командиры, офицеры и генералы.

¹ В августе 1918 года Астрахань уже пережила очень крупное контрреволюционное восстание, организованное казачьим офицерством.—Ред.

Но большая работа, проведенная под руководством Кирова, сказалась: мятежникам был дан сокрушительный отпор, и через два дня мятеж был подавлен.

В приказе Реввоенсовета Каспийско-кавказского фронта и Ревкома от 11 марта, подписанном Кировым, — категорическое требование:

«Всех бандитов, мародеров и сопротивляющихся велениям Советской власти расстреливать на месте».

Так как в Астрахани в тот период собралось немало людей, враждебных Советской власти, пытавшихся организовать саботаж в момент выступления белогвардейцев, в приказе объявлено:

*«. . .кто не желает работать, тот не должен есть.
Все продовольствие — только работающим на Советскую Россию».*

Киров лично руководил борьбой с белобандитами, и именно благодаря его энергии и находчивости удалось быстро сломить белогвардейцев и ликвидировать восстание с сравнительно небольшими потерями с нашей стороны.

13 марта уже публикуется в газетах подписанный Кировым приказ Реввоенсовета, командующего военной флотилией и Ревкома о ликвидации мятежа:

«Красная армия, Красный флот и революционные рабочие Астрахани дружным ударом разбили впрах контрреволюционные банды, и Рабоче-крестьянская власть приобрела новые силы для борьбы за святой идеал, за социализм.

Белые банды еще раз должны будут убедиться в том, что, выступая против Советской власти в Астрахани, они тем самым идут против всей Советской России, которая непобедима, которая каждым днем своего существования доказывает это».

Через несколько дней Сергей Миронович издает специальный приказ Ревкома о порядке оказания скорейшей помощи семьям погибших бойцов и всем пострадавшим от белогвардейского восстания.

Для характеристики тягчайшего продовольственного положения в тот период приведем телеграмму члена Реввоен-

совета Анисимова от 3 апреля 1919 года, адресованную в Ревком Кирову:

«Примите экстренные меры к снабжению населения продовольствием смертность больных громадная от недоедания доходит до колоссальных размеров точка Выдача населению из запасов отдела снабжения пшеницы доведена до минимальных размеров на днях выдачу прекратим точка Результаты телеграфировать № 336

Член Реввоенсовета *Анисимов*
Начштаб *Нихсаев*».

В этой труднейшей обстановке Сергей Миронович не падает духом и не знает колебаний — он поспекает всюду, всех ободряет, воодушевляет своими пламенными речами и личным примером на преодоление всех и всяческих препятствий.

В ряду сохранившихся записей речей Кирова за этот период первой по времени является блестящая, полная мощного революционного энтузиазма речь от 26 марта, посвященная провозглашению Венгерской социалистической советской республики.

Мы здесь приведем воспоминания одного бывшего венгерского военнопленного:

«Я и все военнопленные плохо понимали русский язык. Но этот язык правды был нам понятен. Сергей Миронович призывал нас, вместе с русскими пролетариями, защищать завоевания Октября и вступить в красногвардейские отряды. После этой речи, протискиваясь к столу, мы спешили скорее записаться в красногвардейский отряд. Шестьсот венгерцев в тот день записалось в Красную гвардию».

На пленуме Астраханского горсовета 31 мая Сергей Миронович сообщает о захвате в Каспийском море парохода, на котором ехали белогвардейские агенты.

Это чрезвычайно интересный эпизод. На форт Александровский в Закаспии (форт был в руках белых) под руководством Кирова был произведен внезапный налет нашей флотилии, причем форт был захвачен врасплох настолько быстро и неожиданно, что радист даже не успел передать сообщение о нападении. Целые сутки радиостанция форта, уже находившаяся в наших руках, работала с Гурьевом, где был штаб ге-

нерала Толстова, и с Петровском, откуда поступали депеши Деникина для Колчака.

Киров лично занимается расшифровкой донесений Деникина Колчаку и по одной из телеграмм устанавливает маршрут следования по Каспийскому морю деникинского посланца к Колчаку генерала Гришина-Алмазова. Киров организует захват судна, на котором едет Гришин-Алмазов, и находит там письма и документы Деникина, которые раскрывают стратегический план белогвардейцев.

Свои доклады о положении на фронтах гражданской войны, вкрапывая туда вопросы международного положения и важнейшие вопросы нашей внутренней политики, Сергей Миронович, как правило, делал через каждые две недели на объединенных собраниях Горсовета, Совета профессиональных союзов, представителей фабрично-заводских предприятий и на других массовых собраниях. Таким образом Сергей Миронович держал в курсе важнейших событий весь партийный и беспартийный актив, заражая сотни и тысячи людей своим безграничным энтузиазмом, революционной решимостью и здоровым, ничем непобедимым оптимизмом.

Сергей Миронович никогда не прикрашивал действительности, строго выполняя ленинский завет — говорить рабочим то, что есть.

Откровенно говорил он о величайших трудностях, создающихся на фронте и в тылу. Ни в какой мере не преуменьшал успехов Деникина, захватившего 1 июля 1919 года нашу пролетарскую твердыню — Царицын.

Сергей Миронович прямо говорил о той величайшей опасности, которая создалась для Астрахани вследствие прекращения сообщения по Волге и возможного захвата белыми железной дороги Астрахань — Саратов, последнего средства сообщения с центром и единственного пути подвоза продовольствия, без которого Астрахань не могла продержаться буквально ни одного дня.

Но, сообщая самые тревожные, самые мрачные вести о деникинском фронте, Сергей Миронович тут же напоминал о наших успехах в борьбе с Колчаком и всю свою речь умел

пропитать таким мощным революционным оптимизмом, что в результате самых тяжелых его сообщений создавался новый прилив энтузиазма:

«Советская власть все равно опять восторжествует и не даст белобандитам возможности терзать пролетарское тело!»

После докладов Сергея Мироновича энтузиазм охватывал слушателей, и нередко тут же после собрания начиналась запись добровольцев на фронт на защиту подступов к Астрахани.

А нужда в укреплении сил на ближайших участках фронта была огромная. Дело в том, что первую, с большим трудом сформированную Кировым из остатков XI армии, крупную и надежную часть — 33-ю дивизию, — командование Южного фронта в июне вынуждено было взять из Астрахани для усиления других участков фронта, так как положение там было в это время исключительно тяжелое.

С уходом 33-й дивизии Астрахань фактически оставалась без сколько-нибудь серьезной защиты, а как раз в это время Деникин начал все крепче и крепче насаждать с запада, отлично учитывая важность захвата Астрахани. Дальнейшая оборона Астрахани в этот момент многим казалась делом совершенно безнадежным.

Предатель Троцкий вместе с теми «специалистами», которыми он себя окружил, уже давал в это время из штаба главнокомандующего указания о необходимости эвакуировать Астрахань — в целях «выравнивания фронта». Уже многие коммунисты в Астрахани сложили чемоданы. Однако Киров и Реввоенсовет заявили решительный протест против предательских приказов Троцкого и обратились непосредственно к В. И. Ленину. Ленин дал ответ: «Астрахань защищать до конца».

В своем докладе на партконференции 3 августа Сергей Миронович заявляет:

«...пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским!»

Киров, опираясь на призыв Ленина, переломил в короткий срок эвакуационные настроения, еще теснее сплотил коммунистическую организацию — гражданскую и военную, сумел вдохнуть в партийных и беспартийных большевиков Астрахани новую энергию и выполнил приказ Владимира Ильича.

Был ряд моментов исключительно опасных, особенно в начале июля, непосредственно вслед за взятием Деникиным Царицына. Но Киров, подкрепляя добровольцами те отряды, которые обороняли подступы к Астрахани, усиленно вел в то же время новые формирования. В трудные минуты Сергей Миронович сам появлялся на опасных участках фронта и своим мужеством и решимостью вдохновлял бойцов на новую борьбу, на новые победы.

Отметим здесь один эпизод, весьма характерный для этого особенно тяжелого периода.

Аэропланы интервентов почти ежедневно появлялись над Астраханью, сбрасывая бомбы, убивая людей, зажигая пожары и чрезвычайно нервирова широкие массы населения.

Должный отпор авиации противника дать было невозможно, так как наша «авиация» состояла всего из трех или четырех действующих самолетов устарелой конструкции и сильно изношенных (их именовали попросту «гробами»); к тому же и горючего почти не было. Безнаказанность белых налетчиков создавала гнетущее настроение среди всего населения, в том числе среди рабочих и красноармейцев.

Киров с этим помириться не мог: он вызвал летчиков Щекина и Короткова и убедил их взяться за почти безумное предприятие — вступить в бой с противником, силы которого во много раз и во всех отношениях превосходили наши силы.

Отважные красные летчики выполнили поручение, вступили в воздушный бой с противником, подбили и заставили снизиться один из самолетов противника (летчика и наблюдателя — английских офицеров — забрали в плен), остальные самолеты обратились в бегство.

Успех наших славных летчиков сильно поднял настроение в Астрахани и, главное, показал, что даже и при нашей

отсталой технике борьба с воздушным противником вполне возможна.

В июле белогвардейщина в самой Астрахани снова поднимает голову: попы и офицеры организуют заговор и ставят себе задачу — завладеть городом, организовать отравление всех руководящих коммунистов и единственной находившейся в Астрахани небольшой красноармейской части. Заговор был раскрыт, и его участники уничтожены.

Во все время своего пребывания в Астрахани Киров, развивая гигантскую работу по укреплению обороны и ликвидации прорывов, которые обнаруживались чуть ли не ежедневно на том или другом участке боевой или гражданской работы, продолжал самым интенсивным образом поддерживать связи с подпольными партийными организациями и с партизанскими отрядами, действовавшими в тылу у противника. Киров лично принимал товарищей, с опасностью для жизни прибывавших Каспийским морем на рыбацких лодках из Баку и Петровска (ныне Махачкала), снаряжал обратно надежных товарищей с оружием, письмами, деньгами, с коммунистической литературой на разных языках. Значение этой работы для товарищей, действовавших в Баку, в Закавказье, на Северном Кавказе, было огромно, так как только через Астрахань они могли сносятся с Москвой, только через Астрахань могли получить необходимую помощь и руководящие указания.

В то же время и Сергей Миронович получал от кавказских товарищей крайне важную информацию о положении в Закавказье и на Северном Кавказе и немедленно сообщал полученные сведения в ЦК партии, В. И. Ленину.

Нужно отметить, что сношения с Баку имели большое значение и непосредственно для Красной армии и в частности для обороны Астраханского района.

Сергей Миронович сумел, опираясь на героическую работу революционных пролетариев Баку и Петровска и революционных моряков Каспия, организовать получение из Баку и Петровска контрабандным путем, на рыбацких лодках, большого количества бензина и смазочных масел, так необходимых для наших военных автомобилей и особенно для военной авиации.

В июне из Баку, где владычествовали буржуазные националисты и англичане, на утлом баркасе через Каспийское море приехал в Астрахань Г. К. Орджоникидзе с товарищами. В Астрахани впервые встречаются С. М. Киров с Г. К. Орджоникидзе. Между ними завязывается тесная боевая дружба, длившаяся до конца их славной жизни.

Снабженный мандатом для проезда за подписью Кирова, Серго Орджоникидзе направляется в Москву для секретной информации Совета Оборона и Совета Народных Комиссаров о политическом и военном положении на Северном Кавказе и в Астраханском крае.

К августу положение под Астраханью улучшается. Многократные атаки белых на разных боевых участках отражаются с успехом. Становится уже очевидным, что Астрахань под руководством Кирова удалось отстоять. Теперь можно ставить вопрос о подготовке наступательных операций. В своих речах Сергей Миронович все чаще указывает на непосредственную близость решительного перелома на деникинском фронте.

Август — октябрь — это период подготовки XI армии к наступлению на противника, к борьбе за освобождение от белогвардейцев Царицына и Северного Кавказа. Эту работу Сергей Миронович проделывает вместе с В. В. Куйбышевым, прибывшим в Астрахань осенью 1919 года.

Но, конечно, и этот период ни в какой мере не может быть назван периодом сколько-нибудь спокойной работы. Об этом ясно говорит короткая, но исключительно сильная, огненная речь Кирова на одном из митингов в Астрахани 4 сентября 1919 года. Он говорит, что вся Россия разделилась на два борющихся лагеря — буржуазию и пролетариат. Кто прячется от этой борьбы — тот дезертир и предатель своего класса.

«Довольно быть беспартийными! — заканчивает с огромным подъемом свою речь Сергей Миронович. — Идите или к нам, или в противный нам лагерь, но не болтайте между нами и не мешайте нам! Середины уже нет и не может быть!»

Сергей Миронович, именем всего поднявшегося на борьбу пролетариата, требует, чтобы каждый честный трудящийся, большевик или беспартийный, немедленно встал в ряды бойцов большевистской армии, борющейся под руководством великого Ленина.

В ноябре XI армия перешла к наступательным действиям. Первой задачей в этом направлении было ликвидировать отряд белого казачества под командой генерала Толстова, который не переставал угрожать Астрахани с востока.

План операции против генерала Толстова был составлен под непосредственным руководством Кирова, наступление было начато 18 ноября и в десятидневный срок закончено с полным успехом. 1 декабря 1919 года Сергей Миронович сообщает в Москву ЦК партии, В. И. Ленину о результатах этой блестяще проведенной операции. XI армия под руководством Кирова принимает активное участие в осуществлении сталинского плана разгрома Деникина. 3 января 1920 года одновременным натиском частей X и XI армий взяты Царицын.

СНОВА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ. В ТБИЛИСИ

После взятия Царицына начинается под руководством товарища Сталина решительное наступление наших войск против Деникина. XI армия по плану, разработанному непосредственно по указаниям Кирова и Серго Орджоникидзе, двигается на Северный Кавказ по тем самым безлюдным, голодным степям, по которым армия отступала под ударами Деникина в 1919 году. Теперь, ровно через год, теми же путями, но в обратном направлении выполняется тщательно подготовленное и продуманное героическое наступление той же XI армии, правда, значительно укрепленной новыми силами.

29 февраля наши войска занимают Ставрополь.

17 марта Киров вылетает из Астрахани на фронт в город Святой Крест на старом, изношенном самолете, настоящем «летающем гробе». Самолет терпит аварию в момент посадки, но, к счастью, Киров остается жив и невредим.

Наступление на Северном Кавказе продолжается далее под совместным руководством Кирова и Серго Орджоникидзе и в короткое время завершается блестящим успехом. 30 марта Сергей Миронович вместе с Серго Орджоникидзе прибывает во Владикавказ, только что занятый частями Красной армии. Деникинские войска разгромлены, Северный Кавказ очищен от белобандитов.

В ночь на 28 апреля 1920 года красный бронепоезд вступает в столицу Азербайджана на помощь восставшим против муссаватистов¹ бакинским рабочим.

5 мая, через неделю после освобождения Баку от муссаватистов, на собрании бакинских большевиков Киров провозглашает:

«Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западноевропейских стран... — над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский советский коммунистический знак».

Еще в феврале — марте 1920 года на имя Кирова приходят от Ленина одна за другой срочные телеграммы с предложением направить все силы и, по открытии навигации, «...не теряя ни часа, с максимальными предосторожностями, перевезти всю нефть из Гурьева...» Киров буквально на другой день после своего прибытия в Баку организует отправку в Астрахань первых транспортов той драгоценной нефти, которая вскоре привела в движение пароходы и паровозы и помогла оживить парализованную промышленность Страны Советов.

После освобождения Северного Кавказа от белогвардейцев Киров, в качестве члена Северо-кавказского ревкома, включается в работу по организации Советской власти на Северном Кавказе.

Характерно, что Киров немедленно после занятия Северного Кавказа Красной армией делает доклад по земельному вопросу на заседании Северо-кавказского ревкома, происшедшем 27 апреля под председательством Серго Орджони-

¹ *Муссаватисты* — партия буржуазных тюркских националистов. Во время интервенции они выполняли роль лакеев сначала германского, а затем английского империализма. — Ред.

кидзе, и вносит предложение «очистить притеречные (т.е. лежащие по реке Терек) земли для ингушей и чеченцев».

29 мая 1920 года Киров получает новое чрезвычайно важное поручение: он назначается полпредом РСФСР в меньшевистскую Грузию; на него возлагается реализация только что заключенного с правительством Ноя Жордания договора. Перед отъездом из Москвы Киров в личной беседе с Лениным получает директивы о работе. 20 июня Сергей Миронович уже в Тбилиси, Там в день своего прибытия он произносит пламенную речь перед собравшимися около здания полпредства тбилисскими рабочими и передает пролетариям Грузии привет от пролетариев России.

Нельзя сказать, чтобы меньшевистское правительство было обрадовано прибытием советского посла.

В письмах к Ленину и Сталину из Тбилиси Киров рассказывает о том, как принимало его меньшевистское правительство. Большевики встречали полпреда Советской страны почетным караулом, а потом окружили Кирова шпионами, буквально не давая ему ступить шагу. Вынужденные после разгрома Деникина и провозглашения Советской власти в Азербайджане подписать мирный договор с Советской Россией, большевики все более и более осязательно чувствовали непрочность своего владычества и трепетали перед Советской Россией и ростом идей коммунизма в Грузии.

В силу договора с РСФСР от 7 мая 1920 года грузинское правительство обязано было отвести войска из пограничных с РСФСР районов и с горных перевалов, но из страха перед Красной армией оно не решалось это обязательство выполнить. Грузинское правительство по договору обязано было не оказывать никакой помощи, в каком бы то ни было виде, белым армиям, сражающимся против Советской России, но большевики пользовались всяким случаем, чтобы переправить в Крым деникинцев-офицеров или по сходной цене перепродать Врангелю бензин и нефть.

Правительство Ноя Жордания вынуждено было принять в Тбилиси посла РСФСР и представительство Внешторга, но, объятые страхом за свое существование, оно в каждом дипкурьере готово было видеть перебирающегося на территорию

Грузии вождя нового коммунистического восстания. Поэтому советское полпредство в Грузии и все, кто входил в какое бы то ни было соприкосновение с «агентами Москвы», были окружены стеной сыщиков и шпионов, которые арестовывали каждого, кто решался войти в полпредство или в торговое представительство. Меншевицкое правительство задерживало «по ошибке» дипкурьеров и «по ошибке» же вскрывало их багаж, приносило извинения и опять продолжало трусливо шкодить. Меншевики сделали даже наглую попытку снять советский флаг со здания торгового представительства РСФСР.

Но больше всего боялись и яростнее всего ненавидели меньшевики грузинских коммунистов, а по договору от 7 мая они обязались прекратить преследования коммунистов, освободив арестованных из тюрем. Ясно, что и этого пункта договора меньшевики не выполняли.

В Метехском замке, в тюрьмах других городов — в нарушение договора с РСФСР — томились десятки, сотни грузинских коммунистов без суда, без следствия. Беспрерывно производились новые и новые аресты, закрывались коммунистические газеты и т. д. Письма Кирова из Тбилиси, его сообщения в Наркоминдел, а также ноты меньшевицкому правительству Грузии с необычайной яркостью рисуют жалкую беспомощность, растерянность и злобу лакеев иностранной буржуазии, оставленных на произвол судьбы своими господами. С дикой злобой и ненавистью расправлялись меньшевицкие сатрапы с рабочими и крестьянами своей страны. После кровавой расправы над восставшим крестьянством Южной Осетии агенты меньшевицкого правительства согнали к советской границе тысячи осетин.

Киров настойчиво и решительно протестует против нарушения договорных прав Советской страны, посылая правительству Ноя Жордания чуть ли не ежедневно резкие ноты, в которых он разоблачает всю фальшь и лицемерие меньшевицких калифов на час.

В начале сентября Сергей Миронович принимает участие в I съезде народов Востока в Баку. Вскоре по своем возвращении в Тбилиси (около 10 сентября) он получает новое дипломатическое назначение — участвовать в качестве пред-

ставителя Советской России в переговорах о заключении перемирия, а потом и мира, с Польшей. В переговорах с поляками Сергей Миронович принимает самое деятельное участие.

После подписания договора с Польшей Киров возвращается на Северный Кавказ. Здесь в качестве члена Кавказского бюро ЦК, вместе со своим ближайшим другом Серго Орджоникидзе, по указаниям, а иногда и при непосредственном участии товарища Сталина, Сергей Миронович проводит очень сложную, в условиях многонационального Северного Кавказа, работу по укреплению рядов партии, по созданию и укреплению Советской власти. За этот период Сергей Миронович часто выступает с речами и докладами на больших собраниях во Владикавказе, в Пятигорске и других местах, разъясняя важнейшие решения партии и правительства.

В ноябре 1920 года наступает исторический день для народов Северного Кавказа. Собирается съезд народов Терской области. На этом съезде товарищ Сталин оглашает декларацию об образовании Автономной Советской Горской республики. После речи Сталина и выступлений Кирова и Серго Орджоникидзе съезд в своей резолюции торжественно приветствует предложение об образовании Автономной Горской республики как «великий акт социальной справедливости».

В феврале 1921 года Киров выполняет задачу огромного политического значения. В момент восстания, поднятого рабочими и крестьянами Грузии против меньшевистской тирании, Сергей Миронович подготавливает помощь восставшим и с этой целью организует переход через Кавказский хребет дигорских партизан Северной Осетии (через Гебский перевал) и частей Красной армии (через Мамисонский перевал). Эти переходы были делом исключительного геройства и самоотвержения. В зимнюю пору засыпанные снегом перевалы считались абсолютно недоступными даже для отдельных смельчаков, не говоря уже о целых воинских отрядах. Пламенный революционер Киров сумел вдохнуть в людей невиданный энтузиазм и воодушевить их на выполнение такой задачи, осуществление которой казалось совершенно невыполнимым.

На Северном Кавказе Киров неустанно работает над сплочением партийных рядов, над большевистским воспита-

нием членов партии; он ведет жестокую борьбу с троцкистами, выступившими против Ленина, против партии, уже тогда пытавшимися сорвать великую борьбу рабочего класса нашей страны за построение социалистического общества.

В январе — феврале 1921 года Киров выступает с целым рядом докладов (к сожалению, не сохранившихся) о роли и задачах профсоюзов. Он последовательно и твердо отстаивает ленинскую позицию в профсоюзной дискуссии. Троцкисты разгромлены: на Терской областной партконференции 16 февраля 1921 года за платформу Ленина подано 172 голоса, за троцкистскую платформу — 3 голоса. Киров единогласно избирается делегатом на X съезд партии. На съезде он выбирается кандидатом в члены ЦК.

После возвращения с X съезда Киров продолжает в качестве члена Кавказского бюро ЦК энергичную работу по сплочению и укреплению партийных рядов, по созданию и налаживанию правильной работы органов Советской власти, комсомола, профсоюзов на Северном Кавказе и в Закавказье. С докладами о X съезде партии, о внутреннем и внешнем положении Советской федерации он выступает во Владикавказе, в Пятигорске, в Тбилиси, в Баку.

16—22 апреля Киров руководит Учредительным съездом Горской республики во Владикавказе. Здесь он произносит ряд блестящих по форме и глубоких по содержанию речей. Особенно замечательна его речь о шариате¹.

В этой речи Сергей Миронович говорил:

«Вы знаете, что мы допускаем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это сделаете — этот вопрос ни с какой стороны нас не интересует. Это ваше дело. Пройдет время — будет подлинный

¹ *Шариат* — религиозное право мусульманских народов, определяющее религиозные, брачно-семейные, имущественные, правовые и морально-бытовые отношения мусульман, — имел глубокие корни в широких массах населения Чечни, Ингушетии и среди мусульман-осетин.

Единственно правильной политикой Советской власти в тот период было, разрешая шариат (несмотря на всю его чрезвычайную реакционность), вести линию на постепенное перевоспитание отсталых горских масс. — Ред.

коммунистический рай. Но все же это не значит, что все во всех отношениях на земном шаре будут острижены под одну гребенку. Возможно, что человечество очень и очень скоро заговорит на одном общем для всех языке».

И дальше:

«Здесь утверждается рабоче-крестьянская власть бедноты. Тут нужно прямо и твердо сказать, а не кивать на какую-то дипломатию, если кто недоволен, что Советская власть идет в защиту рабочих и крестьян и решительным образом требует создавать такие органы, которые укрепили бы ее как в центре, так и на окраине».

В первых числах мая Киров участвует в работах пленума Кавказского бюро ЦК партии во Владикавказе и избирается в состав президиума Кавказского бюро. В конце мая Киров в Тбилиси.

Летом 1921 года (12—17 июня) Кирову довелось еще раз выступить на борьбу с меньшевиками в Закавказье. Но теперь меньшевики уже «не ходят в министрах». Они укрылись в некоторых профсоюзах Грузии и пытаются там организовать саботаж Советской власти. С трибуны I конференции профсоюзов Грузии Киров разоблачает предательскую роль и подлое лицемерие меньшевистских «радетелей» рабочего класса.

В начале июля Сергей Миронович участвует в работе пленума Кавказского бюро ЦК РКП(б) в Тбилиси. В работах пленума принимает участие Сталин.

Киров участвует в разрешении обострившихся в это время пограничных споров — между Грузией, Арменией и Азербайджаном.

РУКОВОДИТЕЛЬ ТРУДЯЩИХСЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

В июле 1921 года Киров — в Баку. Он избирается секретарем ЦК коммунистической партии Азербайджана. В то время страна начала переходить на рельсы мирного хозяйственного строительства. Неотложной стала задача восстановления разрушенного империалистической войной и интервенцией народного хозяйства. Нужно было заставить на всю мощь работать промышленность, транспорт и сельское хозяйство.

Не легкие задачи возложила партия на Кирова. Первое — положить конец жестоким раздорам в рядах Бакинской организации, возникшим из-за разногласий по вопросам национальной политики, обеспечить проведение в Азербайджане четкой линии Ленина — Сталина в национальном вопросе, восстановить единство рядов крупнейшей пролетарской партийной организации в Закавказье.

Второе — возродить нефтяную промышленность, восстановить бакинские нефтяные промыслы, доведенные до крайней степени разрушения хищническим хозяйничаньем интервентов и муссаватистов.

Киров с величайшей осторожностью, но твердо и последовательно исправляет ошибки тюркских коммунистов. В то же время он одергивает не в меру ретивых молодых товарищей, в борьбе с национал-уклонистами позабывших об особенных условиях многонационального Азербайджана.

Вместе с Серго Орджоникидзе Киров ведет в Закавказье упорную и успешную борьбу с великодержавным шовинизмом и с местным национализмом. Эта борьба закончилась разгромом национал-уклонистов.

Киров смело и решительно ставит вопросы хозяйственного укрепления отсталых сельских районов Азербайджана (развертывание крупных работ по орошению, внедрение культуры хлопка и т. д.), настойчиво борется за насаждение грамотности, поднятие культурного уровня тюркской деревни, уделяет огромное внимание выращиванию национальных кадров, борьбе за освобождение порабощенной женщины-тюрчанки.

Почва выбита из-под ног национал-уклонистов, и они уже не находят себе поддержки в рядах партийной организации.

Через каких-нибудь полгода Киров, отчитываясь на IV съезде компартии Азербайджана о своей работе, имеет все основания заявить, что внутренняя борьба, так долго раскалывавшая ряды коммунистов Азербайджана, ликвидирована.

Установление правильной национальной политики и разгром национал-уклонистов в Азербайджане создали необходимые условия для выполнения указаний Ленина и Сталина об объединении Закавказских республик в Закавказскую федерацию.

Создание Закавказской федерации открыло надежный путь к изживанию местного национализма, к установлению действительного братского сотрудничества народов Закавказья в деле строительства социализма.

Киров был одним из основателей Закавказской федерации, работая над ее созданием рука об руку с Серго Орджоникидзе, под его непосредственным руководством.

Успешная работа Кирова в Баку скоро дала большие результаты.

Не случайно именно в Баку собирается в конце 1922 года I Закавказский съезд Советов. Выступая на съезде, Киров говорил:

«Пусть темно для западноевропейских рабочих сегодня, но они увидят величайшее солнце, которое озаряет Советскую страну. Этого солнца не заслонит никакая реакционная соглашательская политика».

На съезде избирается первый Закавказский ЦИК. Дорога к социалистическому расцвету Закавказья проложена, создана основная предпосылка для превращения в дальнейшем республик Закавказской федерации — по новой Сталинской Конституции — в союзные республики.

Первая, решающая часть этого мудрого плана Ленина — Сталина была выполнена Серго Орджоникидзе при непосредственном и ближайшем участии Кирова. Киров до самого отъезда своего из Баку (декабрь 1925 года) является одним из руководителей Закавказской федерации.

На Кавказе в трудных условиях его многонационального состава на опыте подтвердилась правильность ленинско-сталинской национальной политики.

На Кавказе в течение веков сталкивались в жестокой борьбе между собою многочисленные племена и народы Европы и Азии. Царское правительство, а после Октябрьской революции местные буржуазные националисты разжигали дикую межнациональную вражду, приводившую к зверским побоищам, к взаимоистреблению.

Водворив мир и содружество народов на Кавказе, Киров вместе с Серго Орджоникидзе и с лучшими большевиками Закавказья дал поучительнейшее доказательство великого значения, великой силы национальной политики Ленина — Сталина, и в день двадцатипятилетия Бакинской партийной организации Киров с гордостью мог заявить:

«Здесь, в Баку, на этом огромном пересечении дорог, ведущих во все углы земного шара, мы здесь на деле, в жизни, на практике, сумели осуществить один из величайших пунктов нашей программы — международное, межнациональное братство».

Много и упорно работал Киров над ленинским воспитанием азербайджанских коммунистов, в особенности над воспитанием тюркских партийных кадров, сплачивая партийные ряды под знаменем Ленина — Сталина.

Сергей Миронович неустанно призывал молодежь овладеть ленинизмом. В докладе на V съезде АКСМ он говорил:

«Изучайте Ленина, знайте его жизнь от доски до доски, знайте великие заповеди гениальнейшего во всем человечестве вождя до последней запятой».

В 1923—1924 годах Киров вместе с Серго Орджоникидзе борется со всеми антипартийными группировками и прежде всего с троцкизмом. Бакинская организация дает жестокий отпор попыткам троцкистов расшатать единство партии, столкнуть ее с ленинского пути.

В резолюции, принятой на расширенном пленуме Бакинского комитета АКП(б) 2 декабря 1924 года по докладу Кирова, говорится:

«Попытки заменить ленинизм троцкизмом должны встретить сильный и решительный отпор со стороны всей партии, как это было не раз в предшествующие годы».

Киров говорил на XIV Бакинской партийной конференции:

«Вокруг Троцкого группируется все то, что против большевизма, против ленинизма, против коммунистической партии».

Величайшей трудности задача стояла перед Кировым в борьбе за нефть. Без нефти немислимо было восстановление народного хозяйства. Ленин требовал установить постоянное наблюдение за работой бакинских промыслов.

Бакинская нефть — это был не только внутренний вопрос Советской страны. Вопрос о нефти приобретал международное значение. Иностранцы капиталисты не отказывались от надежды вернуть себе промыслы. На Генуэзской конференции они заявили, что кредиты на восстановление народного хозяйства Советская страна получит только в том случае, если бакинские промыслы будут возвращены их прежним владельцам.

Советская делегация, в составе которой находился и представитель Закавказья Нариманов, отвергла кабальные условия капиталистов. Страна начинала своими силами восстанавливать нефтяную промышленность.

С первых же дней приезда в Баку Киров берется за эту огромную работу. Он буквально изо дня в день бывает на промыслах, на нефтеперегонных и механических заводах, наблюдает, изучает людей, изучает условия и все особенности работы, быстро схватывает самое главное и со всей присущей ему энергией берется за дело.

А положение нефтепромыслов было не из легких. Начать с того, что Баку жил всегда привозным хлебом, а хлебом Советская страна была тогда совсем не богата. Баку зачастую приходилось испытывать острые продовольственные затруднения. Допотопное оборудование промыслов и заводов было в самом жалком состоянии, обеспечить же материальное снабжение нефтяной промышленности было исключительно

трудно. Ведь это было время, когда вся наша промышленность в целом и особенно металлопромышленность едва начинала восстанавливаться. И, наконец, что было всего важнее: вследствие плохого продовольственного снабжения и тяжелых условий работы сильно сократились кадры рабочих-нефтяников.

Но энергия Кирова неисчерпаема, его настойчивость непреодолима. Он заботится и о продовольствии, и о техническом снабжении промыслов, о рабочих и технических кадрах, об установлении твердой трудовой дисциплины. Его глаз всюду, его совет, а зачастую и решающее слово — в каждом значительном вопросе.

Собираются, сплачиваются кадры старых нефтяников. Киров подолгу беседует с инженерами и с рабочими. Он у каждого поднимает энергию, всех вдохновляет на борьбу и победу.

По прямым указаниям, по настояниям Кирова разворачивается успешная работа по освоению новых нефтеносных площадей: на площади Солбаз (Солдатский базар) под непосредственным повседневным руководством Кирова создается по заранее разработанному плану первый советский промысел.

На Солбазе до революции нефтепромышленники пытались уже работать, но им получить там нефть не удалось. Скептики предостерегали, что все затраты будут напрасны. Но Киров беседует с геологами, с инженерами, со старыми производственниками-рабочими и приходит к убеждению, что нефть на Солбазе должна быть, и, следовательно, промысел организовать нужно.

Киров вникает во все детали работы, бывает на промысле чаще, чем работники Азнефти. Заботится об оборудовании, материалах, о транспорте, обходит много раз каждую буровую. Весной 1922 года первые две скважины вошли в эксплуатацию. Промысел по требованию рабочих был назван именем товарища Кирова.

Киров форсирует работы по засыпке Биби-Эйбатской бухты (ныне Бухты Ильича). Здесь сопротивление маловеров

еще сильнее, а старые служащие «нефтяных королей» сознательно тормозят дело, стремясь сохранить в неприкосновенности нефтяные богатства на этом участке до возвращения своих «господ».

Киров, изучая самым серьезным образом вопрос о засыпке Бухты, приходит к убеждению, что работу проводить нужно, и сам берется за дело так же, как и на промысле Солбаз.

В это начинание не верят даже многие коммунисты. Они шлют жалобы в Москву, дело изображают так, что Киров выбрасывает в море драгоценнейшие силы и средства. Вопрос доходит до Центральной контрольной комиссии. В апреле 1923 года из первой буровой на Бухте забил мощный фонтан нефти.

Нужно здесь, пожалуй, еще добавить, что уже во время работы Кирова в Баку Бухта Ильича давала около 10 процентов добычи Азнефти, а позднее значение этого промысла еще более возросло.

Медленно, но неуклонно на промыслах восстанавливается жизнь. В середине 1922 года Баку начинает уже регулярно вывозить нефть. Каждый год дает рост добычи на миллион тонн. Промыслы спасены. Количество действующих скважин увеличено вдвое.

Товарищ Сталин выдвигает перед бакинцами смелый план технического перевооружения промыслов. Старая желонка¹ — свидетель рабского труда — отжила свой век. Ее должен заменить глубокий насос. Тихоходное ударное бурение, введенное капиталистами еще в прошлом веке, должно уступить место вращательному.

Киров руководит разрешением этой задачи: опираясь на лучшие кадры бакинских пролетариев, он разбивает сопротивление рутинеров, вдохновляет упавших духом, увлекает за собой колеблющихся. Киров — первый в борьбе за освоение новой техники.

А трудности были большие: консервативные или подкупленные старыми хозяевами промыслов инженеры уверяли,

¹ Желонка — большая железная бадья, спускавшаяся на канате в нефтяную скважину и служившая для вычерпывания нефти. Работа с желонкой была одной из самых тяжелых работ на промыслах. — Ред.

что вращательное бурение в бакинских условиях невозможно. Некоторые геологи вторили им, заявляя, что благодаря особенностям геологических пластов в Баку инструменты неизбежно будут ломаться.

Введение вращательного бурения и особенно замена желонки глубокими насосами вызывали чрезвычайное сопротивление отсталых слоев рабочих. Работавшие на желонках рабочие опасались, что с введением насосов они совсем останутся без работы.

Киров неустанно детально, тщательно разъяснял рабочим на собраниях и в беседах, которые вел при посещении промыслов, все огромное значение и выгоду для самих рабочих технических нововведений. Он беседовал с техниками, инженерами и многих превратил в энтузиастов новых методов работы.

Меньшевики, эсеры, дашнаки¹, контрреволюционеры всех мастей, используя предрассудки отсталых рабочих, вели усиленную агитацию против технических нововведений, распускали панические слухи, сеяли гнусную клевету, организовали вредительство в процессе самой работы.

Под твердым руководством Кирова в Баку были вскрыты и разгромлены контрреволюционные группы, создавшиеся по заданиям и на средства крупнейших капиталистов, прежних владельцев нефтяных промыслов, организовавшие в широких размерах систематическое вредительство, неоднократно устраивавшие поджоги промыслов. Все препятствия под руководством Кирова были сломлены, и техническая реконструкция нефтяной промышленности развертывалась быстро и успешно.

¹ Дашнаки — партия «Дашнакцутюн» — армянская буржуазно-националистическая партия.

Дашнаки стремились к созданию отдельного армянского буржуазного государства из русской и турецкой частей Армении. В 1918--1920 годах, встав во главе буржуазной республики Армении, дашнаки превратили ее в опорный пункт англо-французских интервентов и белогвардейских сил Закавказья в борьбе с Советской властью.

После установления Советской власти в Армении (29 ноября 1920 года) лидеры дашнаков эмигрировали и продолжают борьбу против Советской Армении. — *Ред.*

Накануне своего отъезда из Баку в декабре 1925 года Киров на VII съезде АКП(б) мог с законной гордостью сказать:

«В нашей нефтяной промышленности сейчас совершается величайшая промышленная революция».

На съезде Советов Азербайджана Сергей Миронович говорил:

«...если вы вспомните то нефтяное кладбище, которое осталось нам здесь после господства муссавата, вы должны будете согласиться с тем, что мы несомненно достигли здесь громаднейших успехов».

Огромную часть своего внимания и своих сил отдавая нефтяной промышленности, Киров ни на минуту не забывал и об отсталой и темной азербайджанской деревне, о необходимости крепить союз бакинского пролетариата с азербайджанской деревней.

«Можно произносить много красивых речей, можно сколько угодно хвалить свою работу, но до тех пор, пока мы не выведем крестьян из нынешней обстановки сельского хозяйства, наша работа не достигнет настоящих успехов».

Так говорил Киров на III Азербайджанском съезде Советов.

Одним из условий материального и культурного подъема азербайджанского крестьянства Киров справедливо считал развитие технических культур в Азербайджане, в первую очередь хлопководства.

«Огромная будущность ожидает нашу республику, — говорил Киров на VI съезде АКП(б) в мае 1924 года, — если мы сумеем в достаточной степени сделать пригодными для ценных культур наши громадные азербайджанские степи. В этом отношении первейшую роль должен будет играть хлопок».

Сергей Миронович уже в то время вплотную ставит вопрос Механизации сельского хозяйства: он лично дает указания, куда направить и как распределить те несколько десятков тракторов, которые были получены для Азербайджана из-за границы.

Киров едко высмеивает тех горе-специалистов сельского хозяйства, которые пытаются доказать, что буйвол гораздо лучше трактора, так как «у буйвола ноги хорошие», а «для трактора надо иметь квалифицированного шофера». Киров беспощадно бичует тех, кто мирится с отсталостью, с бескультурьем, патриархальщиной азербайджанской деревни, кто недооценивает важность борьбы с этой отсталостью.

«Принято думать, что половина населения Азербайджана снимает свою чадру. Это глубокая ошибка. Чадру носит не только половина населения Азербайджана... 90 процентов нашего населения до сих пор пребывает в чадре темноты, невежества, безграмотности и — надо сказать прямо — культурном невежестве... Нужно добиться всеми средствами, силами и мерами, чего бы это ни стоило, чтобы «чадру» эту дольше не носили».

Так говорил Киров на III Азербайджанском съезде Советов в декабре 1923 года.

Настойчиво и решительно Сергей Миронович вел борьбу за раскрепощение тюрчанки. В этой области ему приходилось преодолевать скрытое, а порой и явное сопротивление не только в широких массах беспартийных, но и в рядах партии и даже у некоторых руководящих работников-тюрок.

С помощью Сергея Мироновича, под его непосредственным руководством, в Баку был создан «Дом тюрчанки», опорный пункт широкой массовой работы среди тюркских женщин. Около «Дома тюрчанки» воспитался смелый и решительный отряд первых женщин-активисток, проводивших героическую борьбу за освобождение тюрчанок от вековых пут экономического и семейного рабства.

Киров был инициатором широкого жилищного строительства в Баку. Он лично наблюдал за постройкой новых домов для рабочих, интересуясь, просматривая, проверяя каждую деталь.

При непосредственной помощи Кирова был построен в Баку трамвай. Грязные, запущенные рабочие окраины под руководством Кирова быстро преобразались.

Широкие задачи, смелые социалистические планы Киров осуществлял с неизменным успехом, так как ни на ми-

нугу не терял непосредственной связи с теми скромными, незаметными участниками социалистической стройки, честная, беззаветная работа которых решает успех каждого дела. Киров ясно видел и твердо намечал главную задачу и отдавал этой задаче все силы. Занятый огромной работой, он всегда находил время разобрать жалобу промышленного рабочего на неправильное распределение квартир или ответить на письмо комсомолки, которая обращается к нему за советом о том, в какой вуз ей идти учиться. Нередко Киров заглядывал в жилища бакинских рабочих-нефтяников, беседовал об их делах, расспрашивал об их нуждах.

Вся работа Сергея Мироновича в Баку, как и везде, где он работал, была прежде всего работой в массах. Киров обладал исключительной способностью находить доступ к сокровенным мыслям и чаяниям трудящихся масс и поднимать массы на преодоление самых тяжелых препятствий. Таким Киров был везде и всегда. Он в совершенстве владел ленинско-сталинским стилем работы.

За 4 1/2 года работы в Азербайджане Киров завоевал горячую любовь рабочих, коммунистов и беспартийных, и всех трудящихся. Его выступления, его глубокие по содержанию и ясные, доступные по форме речи волновали, крепко запоминались тысячами и тысячами людей. Рабочие-тюрки, плохо знавшие русский язык, говорили после речей Кирова, что переводчик им не нужен, они и так понимают своего Кирова. Это происходило потому, что пламенные речи Кирова были прямым продолжением его практики талантливейшего организатора, дальновидного, вдумчивого руководителя, внимательнейшего товарища и друга бакинских рабочих.

Работа Кирова в Баку — это подготовка к первой пятилетке на одном из самых важных участков хозяйственного фронта Страны Советов.

Под руководством Кирова бакинские нефтяные промыслы начали давать Советской стране то драгоценное «черное золото», которое, растекаясь по железным дорогам, заводам и Фабрикам, возвращало к жизни нашу промышленность, наш транспорт.

ВО ГЛАВЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ БОЛЬШЕВИКОВ

Декабрь 1925 года. XIV съезд партии.

Предательская вылазка новой оппозиции против ЦК, против партии отбита, капитулянтские «теории» оппозиции отвергнуты подавляющим большинством партийного съезда, оппозиция разгромлена. Вся партия объединилась вокруг своего ЦК, вокруг Сталина.

Перед партией на очереди неотложная, ответственнойшая задача: выправить ряды ленинградских большевиков, часть которых оказалась в сетях наглой демагогии, обмана и клеветы Зиновьева и его приспешников.

Еще во время съезда Орджоникидзе, Киров, Микоян выезжают в Ленинград, выступают на собрании партийного актива Выборгского района, твердо стоявшего на партийной позиции, а также на партийных собраниях ряда заводов Ленинграда.

После XIV съезда ЦК партии для разъяснения ленинградским большевикам решений съезда и окончательного разоблачения зиновьевской оппозиции направляет в Ленинград группу членов ЦК: товарищей Молотова, Ворошилова, Кирова, Калинина, Андреева и других.

Зиновьевцы пытались закрыть доступ членам ЦК на партийные собрания, срывать собрания, на которых выступали члены ЦК, встречая их выступления свистом, улюлюканьем, пытались подтасовывать состав собраний, чтобы фальсифицировать решения партийных коллективов. Но члены ЦК и в их числе Киров твердо выполняли возложенное на них поручение, встречая горячий отклик у рабочих-партийцев.

Киров выступает 6 января на заводе «Электросила», 7 января — на фабрике «Красный ткач», 8-го — на фабрике «Красный маяк», 11-го — на заводе имени Егорова, 12-го — на объединенном собрании коллективов «Красного гвоздильщика» и «Электроаппарата», затем на «Красном путиловце», на целом ряде других заводов и фабрик, на собраниях профсоюзных работников, комсомола.

В течение месяца по приезде в Ленинград С. М. Киров сделал 15 докладов на заводах и фабриках. 6 февраля в докладе на IX Чрезвычайной конференции Петроградского района Сергей Миронович подводит итоги разгрома зиновьевцев.

«Достаточно было каких-нибудь четырех-пяти недель для того, чтобы здесь, в Ленинграде, произошел полный перелом. Это, товарищи, говорит о том, что партия как жила, так и живет здоровой жизнью».

Сложнейшие вопросы партийной политики становятся в речах Кирова для всех понятными, не допускающими ни малейших сомнений.

За внешним спокойствием речей Кирова все чувствуют огонь большевистской страстности, величайшую решимость и преданность делу партии.

Кирова, которого совсем недавно еще не знали в Ленинграде, провожали бурной, восторженной овацией на каждом собрании, после каждого его выступления — будь то в заводском коллективе, на профсоюзном или комсомольском собрании, на районной или губернской партконференции. Авторитет Кирова рос на глазах у всех. Скоро Киров, непоколебимый борец за генеральную линию партии, сделался самым нужным, близким, родным для всех трудящихся города Ленина.

В докладе на собрании комсомольского актива Выборгского района 15 января 1926 года С. М. Киров вдребезги разбивает все хитросплетения зиновьевцев и призывает комсомол идти по пути сплочения и единства со всей партией.

«Мы видим, что ленинградский пролетариат и ленинградские коммунары пошли уже по этому пути, и немного дней пройдет, товарищи, до того, когда вся сотысячная Ленинградская организация в унисон со всем миллионом членов партии, объединенная вокруг Центрального Комитета нашей партии, с решениями XIV съезда в руках, пойдет смело вперед и будет действительно по-настоящему, по-большевистски, по-революционному отстаивать заветы товарища Ленина, а за нею пойдет и комсомол».

10 февраля 1926 года собирается Чрезвычайная губернская партийная конференция, на которой ленинградские большевики разоблачают ложь и обман зиновьевской оппозиции и заявляют о своей полной готовности бороться до конца за дело социализма под испытанным руководством ленинского ЦК.

Отвечая на приветствие московской делегации, под бурные плодисменты всей конференции Киров заверяет делегатов Москвы, что Ленинградская организация рука об руку с Московской организацией и со всеми остальными организациями нашего Советского Союза будет укреплять великую миллионную ВКП(б). Больше 97% большевиков Ленинграда полностью одобрили решения XIV съезда партии и осудили зиновьевскую «новую оппозицию». Последняя представляла уже тогда генералов без армии.

Киров — секретарь Севзапбюро ЦК и первый секретарь Ленинградского губкома, руководитель ленинградских большевиков, пролетариев города Ленина.

«Дорогие товарищи, — писал Киров из Ленинграда бакинцам в феврале 1926 года. — На днях закончилась Чрезвычайная губпартконференция, на которой подведены итоги работы Ленинградской организации после XIV съезда партии. Оказалось, что за шесть недель, прошедших со дня окончания съезда, сто с лишним тысяч коммунаров Ленинграда вполне разрешили стоящую перед ними задачу. Они по-ленински оценили всю сущность новой оппозиции партии и решительно, как и следовало ожидать, встали на защиту всех решений съезда, лишив какого бы то ни было политического кредита свою делегацию на съезде...»

1926 год был не легким годом для Ленинградской организации. Снизу доверху шла перестройка партийных рядов.

В этой огромной перестройке — всюду и везде направляющая рука Кирова, его зоркий глаз. Он присматривается к людям, быстро оценивает, на кого можно крепко положиться. Беседует с одним, с другим, третьим, подкрепляет советом, своей теплой и твердой улыбкой, товарищески поправляет возможные на первых шагах ошибки, во всех вселяет ту же

уверенность, какой полон сам; своим личным примером, своим словом и советом в каждом поднимает энергию, преданность партии, великому делу пролетарской революции.

Замечательный организаторский талант Кирова развертывается в это трудное время во всем блеске. Пророчества оппозиционеров о якобы неизбежном развале работы, наглые заявления зиновьевцев о том, что без них Ленинградская организация никак не сможет обойтись, опровергнуты на деле.

Ровно через год после своего приезда в Ленинград, в январе 1927 года, Киров, отмечая несомненные успехи во всех областях работы, с полным правом от имени XXIV Губернской партийной конференции заявляет:

«Мы, товарищи, уже можем твердо сказать, что те шатания, те колебания, та неуверенность в отдельных звеньях нашей партии, которые имели место, теперь изжиты».

«... шлагбаум по дороге в Ленинград для оппозиции закрыт, закрыт окончательно».

Поставленный партией во главе Ленинградской организации, Киров быстро ориентируется в новой обстановке и крепко, уверенно выдвигает те вопросы, от которых в огромной степени зависит будущее ленинградской промышленности, будущее самого Ленинграда как крупнейшего пролетарского промышленного центра страны.

Полный глубочайшей уверенности в правоте учения Ленина и Сталина о возможности победы социализма в нашей стране, Киров в адресе по поводу 125-летия «Красного путловца» заявляет:

«Мы растем, мы крепнем, мы строим социализм, мы его построим и вместе с тем доведем до успешного конца и дело мировой пролетарской революции».

Исключительно большое внимание, которое уделяли ЦК партии и лично Сталин Ленинградской партийной организации и поднятию промышленности Ленинграда, сыграло огромную роль в успешном выполнении того ответственного задания, которое партией было возложено на Кирова.

В апреле 1926 года в Ленинград приезжает И.В.Сталин и выступает с докладом о хозяйственном положении Совет-

ского Союза(о работе апрельского пленума ЦК) сначала на пленуме Ленинградского губкома, а затем на собрании партийного актива Ленинграда.

Подлая демагогия оппозиционеров, нагло кричавших, что Ленинградом начинают пренебрегать, что ленинградской промышленности и ленинградским пролетариям отводится третьестепенная роль в общем плане индустриализации, была разбита вдребезги. Большую роль в этом сыграла резолюция, принятая пленумом Ленинградского губкома по докладу Сталина. Резолюция указывает:

«Особое значение производства средств производства в настоящей полосе развития требует усиленного внимания и к ленинградской промышленности, являющейся одним из главных центров машиностроения в нашем Союзе».

Вскоре Киров выступает на съезде металлистов и во всю широту ставит вопрос о роли Ленинграда и ленинградской промышленности в индустриализации страны. Сергей Миронович говорит:

«... наша партия, а вместе с ней, конечно, и рабочий класс должны будут в последующий период нашей работы *сосредоточить исключительное внимание на ленинградский заводах, на ленинградских фабриках*».

Киров возвращается к этому же вопросу в своей речи на торжественном заседании Губернского съезда профсоюзов в ноябре 1926 года:

«...город Ленинград и ленинградская промышленность в деле индустриализации страны должны будут сыграть, примерно, ту же самую роль, какую этот город и пролетарии Ленинграда сыграли во всех этапах нашей великой революции».

У Кирова слова никогда не расходятся с делом.

Киров изо дня в день следит за работой крупнейших заводов Ленинграда — «Красного путиловца», «Электросилы», завода имени Сталина, «Большевика», Балтийского завода и многих, многих других. В самые тяжелые периоды недостатка сырья, топлива, нехватки всяких материалов Киров лично

организует подвоз угля, чугуна, нефти, в особенно трудные периоды сам устанавливает порядок распределения дефицитного сырья по заводам.

Несмотря на все трудности, ленинградская промышленность быстро идет в гору и по количеству и по качеству своей продукции.

В декабре 1926 года на конференции Московско-Нарвского района Киров с законной гордостью говорит об освоении производств, не знакомых нашей промышленности в дореволюционное время, о постройке на Металлическом заводе паровых турбин, об организации на «Красном путиловце» производства тракторов, о том, что в Ленинграде создается громадная отрасль, «... которой в нашей 135-миллионной стране принадлежит, несомненно, гигантское будущее, это — налаживающееся текстильное машиностроение».

Киров скупно, в коротких словах упоминает в докладе об этих важнейших достижениях, и он, конечно, ни слова не говорит о том, что сам десятки раз бывал на Металлическом заводе, на «Большевике», на заводе имени Карла Маркса и особенно на «Красном путиловце», что он сам следил буквально за каждой новой турбиной, что он лично рано поутру, а еще чаще поздно ночью в тракторных цехах «Красного путиловца» не раз и не два вместе с инженерами и техниками, вместе со старыми рабочими-производственниками тщательно просматривал каждую деталь вновь организуемого производства, обдумывал, как преодолеть то или иное неожиданно возникшее затруднение, всегда находя самый короткий и самый верный способ разрешения вопроса.

Под непосредственным руководством Кирова, при его повседневной помощи было впервые в СССР организовано серийное производство тракторов «Фордзон путиловский». Это было немалой победой советской промышленности, советского машиностроения. Ленинградские пролетарии могут гордиться тем, что первые советские тракторы пошли на советские поля из Ленинграда, сделанные на ленинградском заводе руками ленинградских пролетариев, что первые мощные турбины на новые советские электростанции вышли с

ленинградского Металлического завода. Многие другие заводы Ленинграда осваивали производство новых машин, новых станков, новых сложных агрегатов. На заводах приступили к постройке новых корпусов, устанавливали новые станки, заграничное оборудование. Ленинград стал принимать ответственные заказы на оборудование для новых строек.

Под руководством ленинского ЦК, под повседневным руководством Кирова ленинградская промышленность, ленинградские пролетарии, преодолевая все трудности, шли к новым и новым победам.

Так *делами* Киров разбивал гнилые капитулянтские установки оппозиции, ее паникерские предсказания, так в повседневной практике мощной строительной работы объединял и спланировал Киров партийных и непартийных ленинградских большевиков вокруг ЦК ВКП(б).

Ленинградская промышленность работала исстари на привозном топливе и на привозном сырье. Киров в первый же год своей работы в Ленинграде смело и решительно ставит вопрос о создании собственной энергетической базы на местных видах топлива и об отыскании новых источников и новых видов сырья для промышленности.

Киров добивается того, что затянувшееся строительство Волховской гидроэлектростанции, наконец, заканчивается в декабре 1926 года.

«Созданная пролетариатом гидростанция, — говорит Киров на открытии Волховской электростанции, — даст новую, живую силу нашей промышленности...

Но всего этого нашей стране еще мало. Выдержан только первый экзамен. Выдержав его, мы должны продолжать идти вперед смелой и верной поступью».

Киров принимает непосредственное участие в разрешении вопроса о постройке мощной гидроэлектростанции на Свири и внимательнейшим образом следит за ходом работ.

Преодолевая сомнения многих «испытанных практиков», Киров смело ставит вопрос о сооружении самой северной в мире — заполярной гидроэлектростанции на реке Ниве, а также еще дальше на севере — станции на реке Туломе.

Сейчас Нивская и Туломская электростанции уже обеспечивают электрификацию Мурманска, северного участка Мурманской (ныне Кировской) железной дороги и становятся базой мощного индустриального развития Кольского полуострова.

Киров является инициатором постройки мощной Дубровской электростанции (на торфе), дающей энергию Ленинграду. По настоянию Кирова, под его повседневным наблюдением, с его помощью реконструируются другие ранее построенные электростанции Ленинграда, во много раз увеличивается их мощность.

Энергии и настойчивости Кирова мы обязаны тем, что осенью и зимой 1934 года, в последний год жизни Кирова, ленинградская промышленность впервые за много лет была полностью обеспечена электроэнергией.

Ставя задачей замену привозного угля и нефти местным топливом, Киров повседневно ведет настойчивую борьбу за расширение добычи торфа и за широкое внедрение торфяного топлива, преодолевая и здесь огромное сопротивление неповоротливых хозяйственников, не желавших тратить усилия на освоение этого вида топлива, требующего особенных забот в неблагоприятных климатических условиях Ленинграда.

Киров сам вплотную занимался сланцевой промышленностью, выезжал на Гдовские сланцевые рудники, спускался сам по мокрым и скользким лестницам в ствол опытной проходки и на основании лично, непосредственно произведенной проверки установил, что сланцы разрабатывать можно и должно и что они послужат одним из важных источников топлива и специфического сырья для Ленинграда.

По инициативе Кирова начата разработка тихвинских бокситов и под его непосредственным руководством создается первый в Союзе Волховский алюминиевый завод.

Точно так же, когда поставлен был под сомнение вопрос о возможности разработки апатитовой руды в мерзлой тундре за Полярным кругом, Сергей Миронович сам поехал в Хибины, сам все проверил и решил: апатиты можно и нужно разрабатывать, и притом немедленно.

Сергею Мироновичу обязана наша страна организацией разработки богатейших, имеющих мировое значение залежей апатитов в Хибинской тундре. Благодаря личному вмешательству Кирова вопрос о создании гигантского индустриального комбината и нового крупного промышленного центра в мерзлой тудре, в суровых условиях Заполярья был решен твердо и бесповоротно.

Роль Кирова в освоении богатств нашего Севера огромна. По его указаниям разворачивается строительство мурманских рыбных промыслов, мощного мурманского тралового флота, незамерзающего Мурманского порта, развитие Мурманской железной дороги и самого города Мурманска, превратившегося в большой промышленный и культурный центр на далеком и угрюмом Севере.

В своем докладе на IV Ленинградской областной партконференции в январе 1932 года Киров с законной гордостью говорит об успехах индустриализации Ленинградской области:

«...далеко от Ленинграда, за Полярным кругом, разворачивается на протяжении последних двух лет крупнейший Хибинский комбинат (апатиты).

Развивается новое производство, новая отрасль производства, и на этой базе вокруг Хибинского комбината создается целый новый город, город с 30-тысячным населением. В ближайшем будущем должен начать свою работу Аллюминиевый комбинат, расширяют работу бокситовые рудники, шире разворачивают работы по добыче всякого рода местных видов топлива...

Пример Хибин особенно показателен с точки зрения дальнейшего подъема производительных сил нашей страны.

Это нагляднейшее доказательство того, что в итоге свержения капиталистической системы создается невиданный размах развертывания производительных сил. *Мы во второй пятилетке покажем, что нет такого места на земле, которое нельзя было бы поставить на службу социализму».*

По прямым указаниям и настояниям Кирова производится широкое исследование скрытых в земле богатств Коль-

ского полуострова, давшее огромные результаты: открытие медно-никелевых руд (теперь уже разрабатываемых), железа свинца, редких земель и пр.

Киров в своей замечательной речи на XVII съезде партии, говорит:

«Даже на одном этом примере можно понять, в каких необъятных пределах на социалистических основах может разворачиваться дальнейший подъем производительных сил. То, что вчера казалось совершенно непробудным, куда, как говорили, Макар телят не гонял, куда в царское время только в ссылку людей ссылали, — теперь там волей большевиков, на базе природных богатств (апатиты, железо, молибден, слюда, торий, титан и др.), в полутундре, куда до сих пор нога человеческая не ступала, создан новый, быстро растущий индустриальный центр заполярного круга».

Активнейшее участие принимает Киров в строительстве Беломорско-Балтийского канала, связывающего Балтийское море и Ленинград с Белым морем и Северным Ледовитым океаном.

Много заботы и труда отдал Киров подъему сельского хозяйства Ленинградской области, количественным и качественным успехам коллективизации. Он крепко и четко поставил вопрос о превращении Ленинградской области из потребляющей в производящую. Неустанно заботился о механизации сельского хозяйства. Лично руководил организацией машинно-тракторных станций.

Под непосредственным руководством Сергея Мироновича осуществлялась в Ленинградской области на основе сплошной коллективизации ликвидация кулачества как класса.

На собраниях ленинградского актива, на пленумах Ленинградского областного комитета партии Сергей Миронович внимательно и детально разбирает все вопросы колхозного строительства, бичует недостатки работы на селе, в каждый данный момент умея найти *основное звено*, выдвинуть на первый план самое нужное, самое главное. Эти выступления Кирова, точно лучом прожектора, освещали путь преодоления трудностей и ошибок, вселяли огромную бодрость, желание

работать засучив рукава, организовывали и сплачивали людей на упорную борьбу за выполнение задачи сделать колхозы большевистскими, а колхозников зажиточными.

Замечательны речи Сергея Мироновича на съездах колхозников-ударников Ленинградской области. Эти речи просты, ясны и полны какой-то особенной убедительности.

«Надо понять, что если есть люди, — говорит Киров на I съезде колхозников-ударников Ленинградской области и Карелии в марте 1933 года, — которые думают, что, находясь в колхозе, можно построить новую жизнь, сидя на печке, то из этого дела ничего не выйдет. Никак не выйдет. Нигде, ни в какой социалистической книжке не написано, что, не работая, не трудясь честно, можно построить новую жизнь. Там написано как раз обратное — надо работать, надо стараться всем нам и каждому, а того, который предпочитает сидеть на печке, — не только гнать с печки, а если он не может исправиться, — то нужно гнать и из колхоза.

... Если ты хочешь быть достойным членом колхоза, то ты должен по-настоящему, по-большевистски — как мы говорим — работать.

К стыду нашему встречаются еще такие колхозы, которые, празднуют и на Фрола, и на Лавра, и по случаю всех святых, которые по случаю каждого праздника устраивают выпивки, в которых молодежь целыми ночами на мосту устраивает танцульки, а потом целый день «отдыхать» надо...

Лишь тот работает по-большевистски, кто выше всего ставит интересы социалистической стройки, кому дороже всего интересы нашего общего дела, кто подает пример дисциплины, более высокой производительности труда, образцового отношения к колхозному добру».

Приводя в пример колхозника, у которого за год выработано 35 трудодней, Сергей Миронович продолжает:

«Я вас спрашиваю — какой социализм может получиться, если за год человек будет трудиться 35 дней?

Это у помещика выходило так потому, что он имел большие тысячи десятин земли и сам ничего не делал, а люди работали за него. Помещик все 365 дней в году был прогульщиком и жил неплохо. Но если мы будем так работать, как помещик, или будем работать 35 дней в году, из этого ничего не выйдет, и наш колхоз протянет ноги».

Особенно горячо Киров призывает вовлекать в активную работу в колхозах женщин:

«Колхозницы — громадный источник силы колхозов. Если женский труд поставить по-настоящему, если сделать таким образом, чтобы та обязанность, которая лежит на женщине, ребят рожать, — а вперед тоже надо будет рожать, потому что ребята нам нужны, — не мешала женщине участвовать в общей колхозной работе, то колхозная стройка пойдет вперед еще более быстрыми шагами.

Надо поставить дело так, чтобы женщина не была вынуждена слишком много сил тратить на ребенка, чтобы как только этот маленький большевичок родился, матери помочь и дело так организовать, чтобы и ребенок рос хорошо и она могла работать.

Если и очаги для детей надо развить очень широко. Этого требуют как наши обязанности по отношению к детям, которые только что нас приветствовали, так и задачи хозяйственной работы в колхозах. Если хорошо поработать с колхозницами, то вы увидите, какой неисчерпаемый источник новой силы мы получим».

Участники съезда, колхозники и колхозницы, во время речи Кирова сидели не дыша, боясь проронить хоть одно слово, и несказанно потом удивлялись, откуда это Сергей Миронович так знает все колхозные дела и все сокровенные мысли и сомнения колхозников, как будто бы подслушал их разговоры и споры.

Киров первый выдвинул задачу широкого внедрения пшеницы на нашем Севере и, опрокинув возражения многочисленных скептиков и оппортунистов, добился полного успеха в этой области.

«Нам надо переключиться на разведение пшеницы очень смело и очень решительно», — настойчиво повторял Киров.

«Не верно, товарищи, что наш край какой-то особо бедный, озерный, болотистый. *Нет такой земли, которая бы в умелых руках при Советской власти не могла быть повернута на благо человечества.* Мы уже забрались за Полярный круг и там начинаем осваивать промерзшую почву, а не освоить наши здешние земли — это было бы просто позором для нас».

Киров непрестанно держал в поле своего наблюдения важнейшие работы многочисленных научно-исследовательских институтов Ленинграда и часто в трудную минуту приходил на помощь смелым исследователям. Использование сланца и торфа, выплавка чугуна на торфяном коксе, добыча металлического магния, способы использования нефелина (который является обременительным отходом при добыче апатита), получение этилового спирта из древесных опилок, новые способы использования пластмасс — все это и еще десятки других крупных проблем привлекали живейшее внимание Кирова, который следил за всем, помогал всеми силами и средствами выполнению наиболее актуальных работ.

Именно при непосредственной помощи Кирова профессору Лебедеву удалось успешно завершить важнейшую работу, разрешившую проблему синтетического каучука.

Исключительно много энергии и сил, много дней напряженной работы, много бессонных ночей отдал Киров делу укрепления мощи нашей Красной армии и Красного флота, укреплению обороны Ленинграда и всего Советского Союза. Часто бывал Сергей Миронович в красноармейских частях, почти каждый год вместе с товарищем Ворошиловым он плавал на линкоре «Марат» во время маневров Краснознаменного Балтийского флота, своим бодрым большевистским словом поднимая новую энергию красноармейцев и краснофлотцев в их борьбе за освоение военной техники.

«Горячий братский привет краснофлотцам, командирам и политработникам могучего «Марата» от рабочих города Ленина и от большевиков Ленин-

градской организации, — пишет Киров, покидая славный корабль после одного из очередных плаваний на нем. — Пролетарии Ленинграда не сомневаются, что зоркий часовой нашего славного города — краснознаменные балтийцы крепко овладевают военной и политической учебой и тем обеспечат наше общее победоносное социалистическое строительство под руководством боевой Коммунистической партии и ее испытанного рулевого товарища Сталина.

Да здравствуют неустранимые марафонцы!»

Товарищ Киров имел все основания заявить на V областной и II городской Ленинградской партконференции в январе 1934 года:

«Пусть знают все, кто хочет поправлять свои безнадежные дела за счет Советского Союза, что мы сумеем организовать полный разгром противника на фронте».

В немалой степени наша Красная армия и наш Красный флот успехами своего технического вооружения обязаны Кирову. За выдающиеся заслуги по укреплению обороны нашей родины С. М. Киров в десятую годовщину РККА был награжден орденом Красного Знамени.

Много внимания и забот, особенно в последние годы своей работы, уделял Киров обновлению Ленинграда, строительству новых домов, прокладке новых широких улиц, всем вопросам благоустройства Ленинграда, превращению его в подлинный социалистический город.

В своем докладе на ленинградском активе в июне 1931 года Киров подробно излагает решение ЦК партии о московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР. Киров четко ставит задачи в области коммунального строительства, которые возникают перед ленинградскими организациями и ленинградской промышленностью в связи с этим решением ЦК партии.

«...Что такое коммунальное хозяйство? Это, в конечном счете, тот участок нашего советского хозяйства, где наши рабочие проводят если не большую

часть своего времени, то во всяком случае половину. 7—8 часов рабочий работает на заводе, а остальное время он проводит в своем жилище, на улице, в саду, в театре, где хотите, т. е. проводит в коммунальном хозяйстве в широком смысле этого слова».

«...можем ли мы сделать, — продолжает Сергей Миронович, — более того, что мы сделали для нашего коммунального хозяйства, исходя из разного рода местных ресурсов? Должен сказать прямо: можно. Не сделали только потому, что на коммунальное хозяйство, к великому сожалению, смотрели сквозь пальцы».

Киров крепко предостерегал тех, кто надеялся, что помощь ЦК избавит ленинградские организации от необходимости напряженной работы:

«Было бы большой ошибкой, если бы, успокоенные последним решением ЦК, мы сказали себе: теперь займутся и нами. Занялись Москвой, займутся и Ленинградом. Это было бы неправильно — сидеть и ждать, что придет механизация, рационализация всяческих работ и пр. и пр. и что годика через 3 мы с вами будем жить в такой столице, что можно в любую Европу выезжать и хвастать, — не выйдет это, товарищи...»

В декабре 1931 года Ленинград был выделен в самостоятельный административно-хозяйственный центр. В докладе на I Ленинградской городской партконференции Киров указывает конкретные очередные задачи в области коммунального строительства. Неоднократно выступает он на эту тему. Яркие речи Кирова подкрепляются его повседневной практикой, личным примером. Он детально обсуждает с архитекторами проекты новых жилых домов в Ленинграде и со всей энергией борется против стремлений «во имя дешевизны строить пониже, потеснее, поплоше». Он сам рассматривает проекты перепланировки улиц, прикидывает, как это выйдет в натуре, сам каждое утро ездит к Зимнему дворцу, когда там не ладится асфальтирование огромной площади имени Урицкого, сам проверяет, как Октябрьская дорога

строит пересечку у завода «Красный путиловец» на улице Стачек, заходит по дороге в квартиры рабочих, чтобы проверить качество новой стройки.

Ежедневно утром Киров приезжает на ту или иную стройку. Он знает город Ленина лучше любого исконного ленинградца, и везде, куда он заглядывает своим зорким глазом, работа спорится лучше, люди набираются новой энергии, все трудности разрешаются быстрее.

Нет возможности перечислить здесь даже самые крупные из тех вопросов, которые поставлены на очередь и частично или полностью разрешены при участии, по указаниям и советам, а иногда под прямым руководством Сергея Мироновича.

Рабочий стол Кирова в его кабинете в Смольном — целая лаборатория: тут и новые краски для тканей и для окраски домов, первые слитки советского алюминия, изделия из чугуна, выплавленного на торфяном коксе, образцы редких ископаемых Кольского полуострова; тут бутылочка с этиловым спиртом, впервые добытым из древесных опилок, целая коллекция пробирок, показывающих все составные элементы и все переходные стадии образования синтетического каучука.

Кабинет Кирова был центром, куда сходились все нити гигантского строительства Ленинграда и Ленинградской области.

Не было буквально ни одной отрасли работы в Ленинграде и в Ленинградской области, где бы не чувствовался зоркий глаз и твердая рука Кирова, его вдумчивые и четкие указания.

Но больше всего и охотнее всего Киров думал и заботился о живых людях.

Рабочее снабжение, строительство домов для рабочих, для специалистов, вопросы жизни и быта рабочих, колхозников, советской интеллигенции, культурные запросы трудящихся города и колхозного села — занимали всегда важнейшее место в работе Кирова.

«Рабочий класс начинает завоевывать по настоящему культурные вышки, и не пройдет много

времени, когда весь арсенал современной культуры будет находиться в руках рабочего класса», — говорил Киров уже в 1930 году.

Одним из больших начинаний Кирова было создание на Островах (теперь — Кировские острова) гигантского Парка культуры и отдыха для трудящихся Ленинграда. Сделать жизнь веселой и радостной для сотен тысяч, для миллионов — было постоянной мыслью Кирова, вдохновлявшей его заветной мечтой.

Его заботы о молодежи, о детях, о школе, его огромная любовь к детям — всем известны.

Дети обращаются к Сергею Мироновичу со своими нуждами, со своими вопросами. Киров чутко откликается на письма детей, дает им практические, нужные советы.

«Дружным коллективом, под руководством своих учителей овладевайте знаниями, — пишет Киров пионерам и школьникам Ленинграда. — Соревнуйтесь в учебе между собой, помогайте отстающим. Настойчиво, с пионерским упорством изучайте математику, физику, химию, обществоведение, историю, родной и иностранные языки.

Изучайте нашу великую социалистическую стройку...

Крепите дисциплину в школе. Берегите школьное имущество и учебные пособия».

Сергей Миронович сурово корит лентяев, прогульщиков, опаздывающих на уроки, портящих парты, столы, стены, доски.

«...только тот пионер, та пионерка, которые хорошо учатся, станут в будущем настоящими борцами-коммунистами».

С глубокой радостью, с волнением отмечал Киров рост новых дарований, обязательно присутствовал на концертах юных музыкантов, отобранных на конкурсах, многим из талантливых детей сам лично помогал подняться на ноги.

С раннего детства Киров любил музыку, пение; хороший оперный спектакль был для него большой радостью. Зато плохого, шаблонного исполнения он не выносил.

Киров очень много читал: газеты, журналы, вновь выходящие книги. Он знал все новинки литературы и искусства, достижения науки и техники. Киров страстно любил природу. Дни отдыха Сергей Миронович обычно проводил на охоте, проходя пешком по лесным зарослям, по болотным трясинам десятки километров. Выносливый, неутомимый, он порой доводил до полного изнеможения даже самых крепких спутников, а потом сам же над ними добродушно подшучивал.

Пройдя через величайшую нужду, через тягчайшие испытания, Киров, может быть, именно потому особенно ярко чувствовал радость жизни, радость творчества.

«... мы здесь, на шестой части земной суши, видим, — говорит Киров на пленуме Ленинградского областного комитета партии в июле 1934 года, — как изо дня в день, из часа в час куется новое, социалистическое общество, строится действительно могучая жизнь трудящихся, и надо быть слепым, чтобы не видеть, как сейчас *весь земной шар раскололся на два гигантских, но не равных полушария: на одном — ночь, мрак и запустение и мертвое слово — смерть, на другом — жизнь, работа и творчество и победное слово — вперед к новой жизни. И, товарищи, нет людей счастливее тех, которые называются большевиками. На этом полушарии мы с вами несем вперед это победное знамя, и мы безусловно победим, если будем верны заветам Ленина.*».

В этом же 1934 году, последнем году своей жизни, своей работы, с трибуны XVII съезда партии, съезда победителей, Киров говорил:

«Успехи действительно у нас громадны. Чёрт его знает, если по-человечески сказать, так хочется жить и жить. На самом деле, посмотрите, что делается. Это же факт!»

Но тут же немедленно Киров добавляет:

«Но есть опасность: можно так увлечься всякими песнопениями, что перестанешь понимать, что кругом творится.

А без самокритики предупредить себя от головокружения никоим образом нельзя.

Самокритика — самое надежное, единственное и самое прочное оружие для предупреждения той болезни, которую товарищ Сталин назвал головокружением от успехов».

В Кирове была огромная сила, притягивавшая к нему всех, кто с ним соприкасался хоть раз в жизни. Источник этой силы — его безграничная преданность делу пролетарской революции, его глубокая принципиальность, его необычайная выдержка, решимость и твердость в борьбе за те задачи, которые поставлены партией, его проницательность и дальность зрения.

Киров всегда безошибочно выбирал то основное звено цепи, за которое прежде всего нужно ухватиться в работе. Он ставил в порядок дня именно те задачи, успешное разрешение которых обеспечивало наши новые огромные успехи. Наперекор тем, кто всегда опасается, «как бы чего не вышло».

Киров смело выдвигал крупнейшие новые проблемы и, побеждая нерешительность одних, рутину и консерватизм других успешно шел к достижению намеченной цели, не отступая ни перед какими препятствиями.

Киров умел по-настоящему воспитывать большевиков, Вопросы партийной жизни, партийного воспитания он всегда ставил крепко и остро.

«Самое ценное, самое дорогое, самое близкое для всякого большевика — это ленинское воспитание членов нашей партии», —

говорил Киров и подтверждал это прежде всего своей собственной работой.

«Каждый сознательный член партии должен заниматься учебой, работать над собой не только в школе», — не раз повторяет Киров.

«Каждый день нашей практики будет ставить перед каждым сознательным членом партии все новые вопросы, и разрешить их мы сможем только в том случае, когда сознательным кадрам, руководящим кадрам

нашей партии то, что называется основами ленинизма, будет действительно ясно, ясно настолько, что никакие отклонения, никакие соблазны в правую или левую сторону не смогут поколебать наших отдельных товарищей».

Сергей Миронович постоянно напоминает о необходимости поднятия общего культурного уровня общего развития каждого коммуниста:

«Возьмите такую область, как литература... Литература уже является заметной, солидной частью нашей теперешней жизни, теперь она приобретает совершенно определенное влияние на огромные слои трудящихся нашей страны. Мимо этой области может ли пройти сознательный, отдающий себе отчет в работе коммунист? Конечно, нет. Самым внимательным образом он должен во всем этом разбираться».

«Вся жизнь партии, вся ее работа есть огромная марксистско-ленинская школа — такой она и должна быть. Мы должны поставить дело так, чтобы каждое наше мероприятие — постановление, решение, декрет имели популярное идейно-ленинское обоснование, которое должно быть доступно широким массам, широким слоям партии и беспартийным трудящимся».

Киров много раз подчеркивает острейшую необходимость большевистского воспитания комсомола.

В своей речи на пленуме Ленинградского обкома партии в октябре 1934 года Сергей Миронович напоминает о только что закончившемся призыве в армию родившихся в 1912 году.

«Эти призывники родились за два года до мировой войны. Сегодняшний призывник был двухлетним карапузиком, когда началась мировая война, был пятилетним ребенком, когда началась великая русская революция. Этот человек сейчас идет охранять наше отечество, нашу родину. Ему 22 года. Призывники — цвет комсомола, цвет нашей молодежи, это будущее на-

шей страны, это самое сильное, самое ценное, что у нас сейчас есть... И для того, чтобы из таких людей выросли настоящие, выдержанные большевики, твердокаменные революционеры, которые действительно способны защищать нашу страну по-настоящему, и физически и идейно, необходимо хорошо поставленное ленинское воспитание. Ведь мы, люди старшего поколения, мы живем, я прямо должен сказать, пускай меня поправят люди моего возраста, — мы живем на 90% багажом, который мы получили в старые, подпольные времена. И тут правильно говорят: не только книжки, а каждый лишний год тюрьмы давал очень много — там подумаешь, пофилософствуешь, все обсудишь 20 раз, и когда принимаешь какую-нибудь партийную присягу, то знаешь, к чему это обязывает, что это значит. А комсомольцы — это всходы, выросшие уже на советской ниве, прекрасные всходы, и потому им нужно уделить особое внимание, им нужна такая школа, чтобы из них выросли настоящие строители социализма».

Киров постоянно бичует косность, разгильдяйство и самоуспокоенность, которые идут рука об руку и зачастую являются первопричиной крупных прорывов в нашей работе.

За несколько недель до трагической своей гибели Сергей Миронович в речи на пленуме Ленинградского обкома и горкома партии особо останавливается на этих вопросах. Он подчеркивает большую опасность того, что «у целого ряда наших работников, и здесь в области, и у вас в районах, существует глубоко вредное для нашей работы настроение, которое можно назвать настроением самоуспокоенности».

Далее Киров на конкретных примерах плохой работы по уборке исключительно хорошего урожая 1934 года показывает, «как из-за *самоуспокоенности* можно даже при великолепных объективных условиях терпеть неудачи в решении задач, поставленных партией».

«Самоуспокоенность — злейший враг работы, — заканчивает Киров эту часть доклада, — Нужно, чтобы нам в повседневной практической работе всегда со-

путствовала большевистская, честная благородная внутренняя тревога за дело партии».

Оппортунизм во всех его видах, ставку на самотек Киров разоблачал беспощадно и в своих речах, и в своей практической работе.

«Пафос и энтузиазм, а не отдых и самотек! Тот, кто рассчитывает выполнить план первого года второй пятилетки сложа руки, на волнах самотека, — плохой хозяйственник и плохой коммунист», —

говорит Киров на собрании ленинградского актива в январе 1933 года.

Десятки раз Киров доказывает в своих речах, что ставка на самотек — это характерная черта правых. В своей речи на совещании секретарей райкомов и председателей райисполкомов в июне 1931 года Киров, со всей остротой ставя вопрос о прорыве на топливном фронте, вскрывает причины невыполнения поставленных заданий.

«Ведь, только подумайте, товарищи, если мы, благодаря своему неумению, неорганизованности, безрукости не сумеем эти 30 тысяч рабочих бросить на дровозаготовки, не сумеем выделить нужную рабочую силу на торф, — что получится? А после этого будем говорить: «Мы, конечно, за генеральную линию партии, мы, твердокаменные большевики, «левым» и правым уклонистам даем сокрушительный отпор». А на деле что получится? Худшее проявление правого уклона, чем лишение рабочих и промышленности топлива в результате оппортунистического самотека, вряд ли найдешь».

Бичуя оппортунистов и самоуспокоенность, Киров крепко ставит вопрос о необходимости решительной большевистской самокритики:

«Рассуждения некоторых товарищей о том, не слишком ли много самокритики, — очень вредная штука, — говорит Киров на XVII съезде партии. — На самом деле, если плохо, если не годится, так где же об этом говорить, как не в среде нашей партии?»

Если я сегодня как будто ничего, смазливенький, а завтра стал неказистым, — куда же мне идти, кроме партии, за лечением? Только таким порядком можно мобилизовать партию. Тут иногда я, грешный человек, думаю, не страшно даже, если перегнешь; тут гораздо опаснее, если не догнешь, потому что «женевская» самокритика, которой там занимаются, — и так и этак, в которой не поймешь, плохо или хорошо, — нам не к лицу, нам такой самокритики не надо.

У нас, большевиков, так ведется: если самокритика — доводи до конца. И ничего тут не случится, никто никуда тут не провалится. Это только поможет исправить дело, и это предохранит партию от опасности зазнайства, о чем предупреждал товарищ Сталин».

В октябре 1932 года в своем докладе об итогах сентябрьского пленума ЦК на активе Ленинградской партийной организации Киров с предельной четкостью поставил вопрос о путях всяких внутрипартийных оппозиций:

«Было время, когда мы дрались с различными внутрипартийными группировками по вопросам, которые были принципиально ясны и бесспорны для громадного большинства членов нашей партии, но которые казались спорными для той или другой оппозиционной группы. Мы дрались с ними тогда внутри нашей партии, но мы в то же время предупреждали их, что борьба имеет свою логику, что всякая группа, которая будет упорствовать в своей оппозиционной борьбе против генеральной линии партии и ее ЦК, совершенно неизбежно логически скатится в лагерь контрреволюции. Сейчас все вопросы, по которым мы когда-то спорили с «левыми» и правыми оппозиционерами, решены победоносным строительством социализма в пользу ленинской линии партии».

«С врагами социализма, с людьми, которые выступают против завоеваний Октября, мы не спорим и спорить не собираемся.

Мы с ними ведем борьбу как с врагами, окончательно перешедшими на сторону белогвардейцев, в лагерь явных врагов пролетарской диктатуры.

Мы предупреждали в свое время вождей правой и «левой» оппозиции..., что если они вовремя не остановятся, то придут в лагерь контрреволюции. Мы их предупреждали, что, упорствуя в своих ошибках, они неизбежно скатятся на путь Троцкого — человека, который оказался по ту сторону баррикад, в стане злейших врагов рабочего класса. И теперь каждый может видеть, что мы были совершенно правы, что чем дальше мы продвигаемся по пути строительства социализма, тем ярче выступает контрреволюционный характер всяких оппозиционных течений¹.

В последнее время обанкротившиеся осколки разбитых партией оппозиций, правые и «левые» оппортунисты сомкнулись в объединенную контрреволюционную группу, поставившую себе задачей восстановление буржуазно-капиталистического строя. В этой группе мы находим немало людей, частью выброшенных из партии, частью посредством двурушничества оставшихся в ее рядах.

Эти жалкие банкроты пытались поколебать железную мощь пролетарской диктатуры.

Они встретят сокрушительный отпор партии и рабочего класса, они подписали себе окончательный приговор, они стали политическими мертвецами».

Ведя неустанную и непримиримую борьбу с врагами партии, с врагами социализма, с врагами народа, Киров сплачивал ленинградских большевиков, партийных и непартийных, вокруг Центрального Комитета нашей партии, вокруг Сталина.

С глубоким волнением, с огромной силой говорил Киров о Сталине:

«Трудно представить себе фигуру этого гиганта, каким является Сталин. За последние годы, с того времени, когда мы работаем без Ленина, мы не знаем

¹ Разрядка С. М. Кирова. — Ред.

ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны.

Я должен сказать, что это относится не только к строительству социализма в целом, но и к отдельным вопросам нашей работы. Например, если взять вопрос об обороне нашей страны, то надо со всей силой подчеркнуть, что всеми нашими успехами, о которых я говорил, мы целиком и полностью обязаны Сталину.

Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечивают партии своевременное проведение больших исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма».

«Товарищ Сталин, — говорит Киров, — это образец большевика в полном смысле и значении этого слова. Не случайно поэтому враги направляют свои стрелы прежде всего в товарища Сталина, воплощающего в себе непобедимость и величие большевистской партии».

Глубока, беспредельна была преданность Кирова делу партии, делу мировой пролетарской революции.

В своем вдохновенном докладе об итогах январского объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) на собрании партийного актива Ленинградской организации ВКП(б) 17 января 1933 г. Сергей Миронович говорил:

«Товарищи, много веков тому назад великий математик мечтал найти точку опоры, для того чтобы, опираясь на нее, повернуть земной шар. Прошли века,

и эта опора не только найдена, она создана нашими руками. Не пройдет много лет, как мы с вами, о пираясь на завоевания социализма в нашей Советской стране, оба земных полушария повернем на путь коммунизма»¹.

Член Политбюро и секретарь ЦК нашей партии, Киров принимал непосредственное активное участие в разрешении всех крупнейших вопросов внутренней жизни и международной политики Советского Союза.

На Кирова ЦК нашей партии возлагает ряд труднейших и ответственных поручений.

Так, осенью 1930 года Киров по поручению ЦК выезжает в Закавказье, чтобы восстановить поколебленные Ломинадзие единство и сплоченность рядов закавказских большевистских организаций. Киров в самый короткий срок с успехом выполняет это задание.

В 1934 году вследствие слабости и растерянности Казахской партийной организации создалась угроза потери богатейшего урожая в одной из житниц Советского Союза. В Казахстан ЦК партии направляет Кирова, и Сергей Миронович в короткое время организует большевистскую уборку урожая, обеспечив в самый короткий срок успешное завершение хлебоуборки и сохранение собранного хлеба.

Придавая огромное значение вопросам революционной теории, Киров участвовал в разработке ряда больших теоретических проблем (вопросы изучения истории СССР и другие).

«История большевизма, — говорит Киров в своем докладе в январе 1932 года на IV Ленинградской объединенной областной и городской конференции ВКП(б), — боевое оружие международного пролетариата в борьбе за коммунизм, непобедимое оружие рабочего класса СССР в строительстве социализма. История нашей партии учит тому, как освобождать трудящихся от гнета капитала, как завоевать диктатуру рабочего класса.

История нашей коммунистической партии есть история победоносной пролетарской революции и

¹ Разрядка С. М. Кирова. — Ред.

строительства социализма. Каждая страница, каждая строка истории нашей партии — это не просто хроника событий, это огромная глубокая наука, не зная которой нельзя делать пролетарскую революцию».

Киров глубоко интересовался вопросами международного рабочего движения и хорошо знал его. Нашу революционную борьбу, наши завоевания, наши победы он всегда неразрывно связывал с борьбой пролетариата в странах капитализма».

«Все народы, товарищи, трудящиеся всего мира знают, — говорит Киров на торжественном заседании Ленсовета, посвященном десятилетию Великой Октябрьской революции, — что Октябрьская революция — это не только наша революция, что Октябрьская дорога — это не только наша дорога; каждый угнетенный, каждый эксплуатируемый, если он действительно всерьез хочет выйти на дорогу, где он будет ломать и разрушать цепи рабства, должен знать, что это *дорога Октября* и никакая другая».

«Начало этой революции было положено у нас, но она пределами нашего социалистического отечества ни в какой степени не ограничивается, *она рано или поздно, но выйдет за пределы нашей страны и несомненно захлестнет своими красными волнами страны всего мира и несомненно сметет в историческую преисподнюю капиталистов и империалистов, угнетателей всех стран света*».

Киров был любимцем всей партии, пользовался огромной, исключительной любовью взрослых и детей, партийных и беспартийных большевиков, рабочих, колхозников, советской интеллигенции, всех трудящихся.

Он был в первой шеренге бойцов за единство партии, беспощадно разоблачал всех и всяких уклонистов и оппозиционеров, вел жестокую борьбу с врагами ленинской партии, был соратником и другом Сталина, был одним из руководителей великой социалистической стройки, одним из тех, кто закладывал фундамент счастливой и радостной жизни советского народа.

1 декабря 1934 года, в тот самый час, когда ленинградские большевики собрались во дворце имени Урицкого на до-

клад Кирова о пленуме ЦК партии, Киров у дверей своего кабинета в Смольном был сражен злодейской пулей подло подкравшегося сзади убийцы.

Жестокая весть о злодейском убийстве Кирова молнией пронеслась по городам и деревням, по цехам заводов и фабрик, по избам колхозников, лабораториям ученых, по детским школам и красноармейским казармам. Острой болью пронзила она нашу страну, тяжелой скорбью отозвалась в сердцах трудящихся всех стран мира.

Вся партия, весь рабочий класс, вся страна в эти дни замерла в одном общенародном горе. Сжалось сердце партии и рабочего класса, сжалось сердце всего народа. И весь народ во главе с партией и рабочим классом поклялся над гробом товарища Кирова отомстить злодеям, убившим его, покончить с охвостьем, с подонками контрреволюции в нашей стране, вымести с нашей земли всю нечисть, тщетно пытающуюся повернуть назад колесо истории, стреляющую в новых людей созданного нами нового человеческого общества, и победно завершить дело коммунизма в нашей стране, за которое так пламенно боролся товарищ Киров.

В своем письме к организациям партии, изданном в связи с злодейским убийством С. М. Кирова, ЦК партии указывал:

«Не благодущие нужны нам, а бдительность, настоящая большевистская революционная бдительность. Надо помнить, что чем безнадежнее положение врагов, тем охотнее они будут хвататься за «крайнее средство», как единственное средство обреченных в их борьбе с Советской властью. Надо помнить это и быть бдительными».

Вся партия, весь рабочий класс и весь народ нашего Советского Союза будет свято чтить, будет беречь, как зеницу ока, память о товарище Кирове, и он, наш народ, поставит великий памятник товарищу Кирову. Это будет не только необходимое увековечение его памяти, которое связано с наименованием именем товарища Кирова городов, областей, фабрик и заводов. Мы, партия и рабочий класс, поставим памятник Сергею Мироновичу в делах социализма, в победном шествии коммунизма вперед».

1918 год

ОБЪЕДИНИТЬ РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СИЛЫ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

*Доклад и заключительное слово на Народном съезде
Терской области в Моздоке
11 февраля (29 января) 1918 года¹*

Товарищи и граждане! Съезду угодно было по вопросу, поднятому 132 делегатами, выслушать мнение «социалистического блока». Последний возложил эти обязанности на меня. Я вполне учитываю всю трудность своей задачи.

Прежде чем изложить нашу точку зрения на поднятый здесь вопрос, я должен напомнить, что мы, социалисты разных течений, пришли сюда на съезд вовсе не за тем, чтобы демонстрировать перед съездом свои партийные различия. Напротив, наша задача — показать съезду те точки соприкосновения, которые нас объединяют, ибо мы знаем, что грозный момент, переживаемый нами, требует напряжения и объединения всех наших сил как авангарда демократии. Нам здесь нужно объединиться и создать прочный кулак, чтобы избежать нависшей опасности. Я думаю, что для нас сейчас важнее всего указать те пропасти, которые лежат на пути перед демократией нашей области и всей страны.

¹ Терская область до революции числилась казачьей областью, хотя казаки там составляли меньше 1/5 всего населения — вдвое меньше, чем горцы. Накануне империалистической войны казачество владело 60% годной для обработки земли, в разное время отнятой казаками у горцев. Составлявшие значительную часть населения так называемые «иногородние» крестьяне, как правило, своей земли вовсе не имели, а арендовали ее у богатых казаков на кабальных условиях или батрачили у этих казаков. В период Февральской революции все эти противоречия чрезвычайно обострились.

Тотчас после Октябрьской революции казахи верхи объединились с горской буржуазией и горскими феодалами и, опираясь на вызванные с фронта части «дикой дивизии» и казачьи полки, повели решительное наступление против революционных рабочих организаций, в то же время всеми средствами разжигая вражду между казаками и горцами, между казаками и «иногородними» крестьянами, между отдельными горскими народами.

Прежде чем перейти к изложению нашей точки зрения на вопрос, поднятый здесь, необходимо остановиться на другом — на характеристике текущего момента, которым живет сейчас Россия.

Несмотря на то, что мы лишены газет, мы чувствуем, что Россия переживает тяжелый момент, и нами должно руководить одно желание: спасти во что бы то ни стало завоевания революции. И если мы посмотрим на то, что делается на Руси, то для каждого из нас станет ясной необходимость того твердого общедемократического фронта, который может спасти завоевания свободы.

Если мы в этом отношении сговоримся, то тогда легко ответим на вопрос, как мы должны относиться к тем или иным органам, выдвинутым революцией.

Как живет теперь Россия?

Революционная Россия в настоящий момент разделилась на много отдельных оазисов, почти ничем между собою не связанных. В то время как в центральной России твердо установилась Советская власть, на окраинах творится совершенно иное. В Финляндии бьют на то, чтобы оторвать ее от революционной России; на юге вся Россия разбилась на многие районы, политически ничем не связанные, ведущие между собой жестокую борьбу. Каждая область хочет жить самостоятельно: одни стремятся водворить Советскую власть, как в Петрограде, другие борются за свержение Со-

В феврале 1918 года в маленьком городке Моздоке, с преобладающим богатым казачьим населением, был созван Народный съезд Терской области. Фактически он был организован контрреволюционным казачьим офицерством, которое и участвовало в нем в немалом количестве. В то же время ингуши и чеченцы совсем не были приглашены на съезд. Большевики мобилизовали свои силы для участия на съезде. Пятигорскую группу представителей возглавлял С. М. Киров, владикавказскую группу — большевик Ной Буачидзе.

Официальной целью съезда было создание «твердой власти». Казачье офицерство ставило себе на съезде определенную задачу: добиться утверждения съездом уже начатой казаками «войны на истребление» против ингушей и чеченцев (наиболее ограбленных и потому наиболее беспоконных непосредственных соседей терских казаков). Для «поддержки» своих предложений организаторы съезда вызвали в Моздок от каждой станицы по 50 «надежных» казаков в полном вооружении.

ветской власти. В последнем отношении особенно жестоко выступает «тихий Дон», который теперь превратился в широкий поток человеческой крови. На Дону засели большие силы контрреволюции, которые стараются воспользоваться былой дисциплиной казачества, силятся раздавить демократическое движение на Дону, а затем направить свои силы против центральной России. Страна, свыше трех лет изнемогавшая от страшной европейской войны, стонет теперь в тисках войны гражданской.

Россия разбилась на два враждебных лагеря. Одни борются за утверждение в России народовластия, другие не останавливаются ни перед чем, чтобы набросить на свободный народ мертвую петлю. Эта контрреволюционная волна началась с первых же дней революции.

Для народа важно было удержать власть в лице Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов.

Другая часть, буржуазия и крупные землевладельцы, если и не особенно скучают без царя, то без жандармского отделения жить не могут, и они начали борьбу с нами с первых же дней революции и определенно усилили ее после того, когда буржуазии промышленной и земельной стало ясно, что

К немедленному признанию пролетарской революции массы крестьян, казаков и горцев не были подготовлены. При таких условиях прямо поставить на съезде вопрос о признании Советской власти значило изолировать большевиков, толкнуть население в объятия контрреволюционного казачьего офицерства и не менее контрреволюционных горских феодалов и буржуазии.

Большевики с С. М. Кировым во главе решили применить тактику объединения всех трудящихся против наступления контрреволюции, лелеявшей надежду проташить на съезде любезную ее сердцу «учредилку».

Совместно с меньшевиками-интернационалистами и «левыми» эсерами большевики создали «социалистический блок» под лозунгами: объединения всех революционных сил и организации на местах действительной власти трудящихся, организации отпора контрреволюции и немедленного прекращения междоусобной и межнациональной войны. К этому блоку присоединились также правые меньшевики и эсеры. Фактическим руководителем «социалистического блока» был С. М. Киров.

На съезде под влиянием агитации нескольких «левацки» настроенных большевиков группой делегатов было выдвинуто предложение немедленно обсудить вопрос об отношении к власти Совета народных комиссаров.

трудо­вой народ преследует в револю­ции цели широких э­ко­номических завоеваний. Демократия России стремится соз­дать такой поряд­ок, чтобы вся тяжесть наследия войны пала на плечи богатых. Демократия борется за мир, за землю, за рабочий контроль на производстве. Демократия считает, что земля должна безвозмездно перейти в руки народа. Однако, как бы законны ни были эти стремления демократии, они встречают ожесточенное сопротивление со стороны владельцев земли.

И буржуазия энергично занялась мобилизацией своих сил, в центре которых стал генерал Каледин.

И если вокруг Каледина группируются все враги на­рода, от Пуришкевича до Милюкова¹, то мы, чтобы долж­ным образом встретить грозную опасность, должны выравнять революционный фронт, мобилизовав все активно-революционные социалистические силы. Мы знаем, что если победит контрреволюция, то погибнут не только большеви­ки, но и все социалисты.

Положение в Терской области то же, что и в России. Местами господствует, худо или хорошо, Советская власть, местами царит военная диктатура, берущая за горло социа­листов. И у нас, как и в России, положение крайне запуталось. Терская область разбилась на несколько частей, веду-

С. М. Киров от имени «социалистического блока» выступает против этого предложения, угрожающего внести раскол в ряды большинства съез­да, которое с такими невероятными трудностями удалось создать. Съезд принял предложение тов. Кирова и снял с обсуждения вопрос об отношении к Совету народных комиссаров.

Учитывая неблагоприятный состав съезда и крайне тяжелое внешнее его окружение, С. М. предложил не производить в Моздоке выборов постоянного верховного областного органа, отложив их до II сессии съезда. Съезд был объявлен «I сессией Народного съезда Терской области», и сей­час же была назначена II сессия съезда — уже в Пятигорске, где Совет и вои­нские части находились под влиянием большевиков. На II сессию съезда были приглашены все народности Терской области, в том числе ингуши и чеченцы. — Ред.

¹ Милюков П. Н. — организатор и лидер кадетской партии, вож­дь рус­ской либеральной буржуазии. После Октябрьской революции — активный участник всех контрреволюционных выступлений на юге России, опиравшихся на помощь иностранных государств. — Ред.

щих между собой кровавые бои. И если в России широкой волной разливается гражданская война, то у нас она представляет особенно грозную опасность. Если мы не создадим единого революционного крепкого фронта, то наше дело здесь будет погублено.

И во Владикавказе уже, где недавно боялись на общественном собрании назвать себя кадетами, теперь смело называют себя сторонниками старого строя. И вот эти люди с нетерпением ждут момента, когда *разные* народности кинутся друг на друга.

Нам необходимо сказать на всю область, чтобы демократия объединилась, перестала заниматься перемыванием косточек друг другу.

Если мы этого не сделаем, то будем разбиты по частям. Если перед победным шествием народа ничто в мире не может устоять, то это при условии, что он идет стройными рядами. Если он идет отдельными ротами, то будет разбит.

Невольно приходится ответить на запрос «социалистическому блоку» 132 депутатов о нашем отношении к Совету народных комиссаров. Прежде чем выяснить, что такое власть Совета народных комиссаров, надо ответить, как создать такой порядок, при котором интересы демократии будут удовлетворяться в первую очередь. Путь к этому один — это утверждение истинного народовластия. Здесь хотят признать власть Совета народных комиссаров, но те товарищи, которые думают, что Совет народных комиссаров одним мановением руки может водворить порядок, ошибаются. Только сама демократия Терской области может успокоить наш край, и никто либо другой. Ведь это в прежнее страшное время думали, что Питер, [царская власть], даст все нужное всей стране, и за это страна поплатилась миллионами напрасно загубленных жизней. Не Советы, *которые от нас сейчас далеко*¹, а сама демократия, только сам народ может вывести нас из полосы анархии. Если трудовой казак не будет жить мирно с трудовым горцем, то и Совет народных комиссаров вам не помо-

¹ Советская власть была установлена в то время только севернее Донской области, занятой бандами Каледина. — Ред.

жет. Здесь говорили, что декрет Совета народных комиссаров разрешил земельный вопрос. Вы ошибаетесь. Я сам принимал участие в создании земельного декрета. Там сказано, что вся земля с переходом власти к Советам переходит к народу. Но как получают землю Петр и Иван, там не сказано. Там важнейшая часть — инструкция, как делить землю, — написана со слов крестьян. Сам народ должен писать себе законы, и вы сами должны работать и думать, как лучше разделить земли помещиков и свободные земли. Если сам народ не организуется, не будет сам творить законы, то декрет вам не поможет, и земли вы не разделите и вообще не получите.

До сих пор мы не жили своей жизнью. Мы жили по милости терского, горского, войскового и других правительств. Сам народ не выделил еще народной власти. Пока этого нет — в опасности и земля и все завоевания революции. Поэтому мы думаем, что, прежде чем создавать власть, надо выделить демократии свои силы и слить их в одно.

Учитывая, что каждый день организуются черные силы, думающие в братоубийственной войне задушить все завоевания революции, мы говорим, чтобы прежде всего в каждой деревне, станице, ауле народ нашел в себе силы утвердить народоправство, создав органы власти.

Между Терской областью и Советом народных комиссаров стоит с полчищами генерал Каледин, и пока там не будут разбиты контрреволюционные полчища, с севера ждать помощи нельзя. Нам надо рассчитывать только на свои силы и задушить свою контрреволюцию. Поэтому, когда мы пришли на съезд, мы в нашем приветствии к вам призывали вас создать единый фронт. Мы хотели быть образцом для вас. Мы недавно сидели в Советах врозь, теперь стоим в одном ряду. И если в Терской области можно спасти положение, то только единым фронтом. Знайте, мы, революционная демократия, на это пошли во имя того, чтобы спасти область от кошмарного шествия гражданской войны.

Мы говорили, что пойдем на все, но не пойдем на то, чтобы вырыть между нами черную пропасть. Помните, что если легко признать и провозгласить Советскую власть, то

так же легко провозгласить и другую власть, от которой будет больно всем. Если вы не пойдете единым фронтом, то мы все погибли. Нам нужно расчистить кровавую атмосферу, дать населению свободно дышать, чтобы делегаты, сидя здесь, не боялись, что в станицах их дома разрушаются. У нас условия страшнее, чем на Дону. Мы все более и более погружаемся в пасть анархии. Если мы не создадим единого фронта, то на следующем съезде создастся такое положение, что демократ не будет понимать демократа. На нас наступают. Нам «не до жиру — быть бы живу».

В блоке смотрят на власть Совета народных комиссаров по-разному. Но у нас есть демократическая платформа, на которую мы призываем встать весь съезд; мы боремся за республику демократическую: рабочих, солдат и крестьян. Пусть все, кому дороги интересы крестьян и рабочих, интересы мозолистых рук, скажут: «Да здравствует Республика солдат, крестьян и рабочих!» (*Бурные аплодисменты.*)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Некоторые ораторы, ссылаясь на станичные наказания, призывали признать Совет народных комиссаров. Я не отрицал этого, я говорил, что, нужна народная власть, но заявлял, что для авторитета этой власти нужно объединение всех народов нашей области.

Здесь говорили: чтобы разбить ингушей и чеченцев, надо признать власть Совета народных комиссаров. Но ведь тогда завтра и ингуши соберут съезд и признают власть Совета народных комиссаров, чтобы разбить казаков. Вся беда в том, что казаками и горцами правили люди, чуждые интересам народа. Если мы будем признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти. Во имя народоправства надо отказаться от гражданской войны.

Отвечая далее на возражения ораторов, С. М. Киров подчеркивает, что демократия неизбежно приходит к признанию Советской власти.

Настал радостный момент, когда все искусственные препятствия, строившиеся врагами народа, рухнули и народ сам говорит о своих болях и запросах души.

Делегаты разъедутся по домам и там расскажут о голосе народа. Все, что боится народоправства, уже трепещет. Если они очищают дорогу, когда мы не успели еще собраться, то это первая победа Моздокского съезда. Будут другие великие победы. Мы начинаем понимать друг друга. Мы продолжим наши работы, и я надеюсь, что тогда с нами будут истинные представители других народностей, которых кое-кто считает за извергов. Тогда, в более спокойной обстановке, мы не предадим своих политических убеждений под угрозой оружия и признаем искренно власть Советов. Я слышу недовольные голоса. Но кто говорит против этого, тому остается лишь чистить винтовку, точить шашку.

Наша задача — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти. Объединение даст нам спокойную жизнь, и мы услышим свободную песнь радостной, мирной жизни. Создайте демократический фронт, и вы победите все, что стоит перед вами! (*Бурные аплодисменты.*)

С.М.Киров предлагает принять резолюцию следующего содержания:

«Обсудив вопрос в заседании 29 января о текущем политическом моменте, Терский областной съезд демократии находит, что создавшееся в Терской области положение определенным образом угрожает революции и является весьма благоприятным для сосредоточения контрреволюционных сил, которые не упустят возможности начавшейся гражданской войны и сделают все к тому, чтобы углубить ее и расширить.

Поэтому перед революционной демократией Терской области стоит чрезвычайная задача организации всех революционных сил, могущих противостоять надвигающейся опасности, и главным образом организации сельского населения без различия национальностей.

Вместе с тем безотлагательно необходимо, чтобы революционные органы, действующие в пределах края, сошлись на

мысли о том, что переживаемый революцией момент категорически диктует необходимость выявления на деле своего революционного поведения, объединения всех элементов страны, борющихся за Республику рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, ибо только в борьбе за эту Республику можно успешно побеждать контрреволюцию, выступающую со всех сторон.

В ряде практических задач, диктуемых интересами революционной демократии, необходимо прежде всего создать орган власти, способный объединить демократию Терской области и явиться авторитетным в глазах масс населения без различия сословий и национальностей.

Такая власть может быть создана только на общеобластном демократическом съезде рабочих, солдатских, казачьих и крестьянских депутатов, а также представителей народностей, населяющих Терский край.

Новая власть должна поставить в плоскость практического разрешения все вопросы, выдвинутые революцией, как то: земельный вопрос, правовой, рабочий, продовольственный, национальный, вопросы самоуправления и пр., проявить самую широкую инициативу в деле организации всей области».

Делегат съезда Науменко задает вопрос: «Кому будет эта власть подчиняться?»

Люди так привыкли кому-либо подчиняться, что, не успев создать власть, спрашивают, кому ее подчинить. Сейчас фактически вашу власть вы никому подчинить не можете, пока там, на Дону, царит Каледин. Часть Кавказской армии признала власть Совета народных комиссаров. Ей были посланы деньги, но их перехватил Каледин. Вы создайте революционную демократическую власть, и она, конечно, будет подчиняться только общенародной власти.

Резолюция ставится на голосование и принимается съездом в составе свыше 400 делегатов единогласно под гром аплодисментов на всех скамьях и многочисленной публики у входов.

ЗА РЕСПУБЛИКУ РАБОЧИХ, КРЕСТЬЯН, КАЗАКОВ И ГОРЦЕВ!

*Доклад и заключительное слово на II сессии
Народного съезда Терской области в Пятигорске
5 марта (20 февраля) 1918 года*

Товарищи и граждане! Если на первой сессии Народного съезда в Моздоке мы говорили о том, что общероссийские условия жизни и условия жизни Терской области проходят под знаком борьбы трудового народа, то вторая сессия съезда проходит под знаком таких событий, которые должны возбудить в нас последнюю силу и волю к борьбе за осуществление наших надежд. На нашем внешнем фронте произошли события, перед лицом которых мы должны признать, что все наши стремления могут быть осуществлены только при том условии, если во всей России осуществится Республика трудовых масс.

На нашем западном фронте началось наступление германских полчищ. Этому наступлению предшествовал длительный период мирных переговоров, на которых я не хочу останавливаться, но которые, закончились тем, что германский империализм наотрез отказался признать формулу революционного мира без аннексий, т.е. без захватов, и контрибуций, и на основе самоопределения народов.

Германский империализм, долго наблюдавший внутреннюю жизнь России, убедился, что в самой России нет элементов, которые могли бы вернуть ее в лоно буржуазного строя. И в то время, как Россия окончательно утверждала Республику рабочих, солдат и крестьян, германские полчища двинулись в глубь России и имеют намерение проникнуть к самому революционному сердцу ее — Петрограду. Я не знаю, насколько правдивы сведения, но есть основание считать, что германские войска действительно идут на Республику Советов, и есть основание опасаться, что они не остановятся перед тем, чтобы набросить мертвую петлю на Великую российскую революцию. Германский империализм, который потерял надежду внутри России получить необходимые ему контррево-

люционные силы, решил собрать свои собственные силы и вы пустить кровь из российского пролетариата и идущего с ним об руку революционного крестьянства.

Есть один документ, в действительности которого вряд ли можно сомневаться, который говорит, что на согласие народных комиссаров на занятие части русской территории, германские империалисты ответили, что они «не воюют» с русским народом, но что «вопли» со всех концов России «о помощи», «заставляют» их идти против советской власти. Вот каковы «задачи» германского наступления, по словам германцев.

При таких условиях все удары контрреволюции, возможные в центральной России, сугубо угрожают и Терской области.

Поэтому, если на Моздокском съезде мы мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты Республики рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, то теперь мы должны сплотить наши силы для еще большего торжества этого лозунга.

Говорят, что нам необходимо расширить базу нашей опоры. Но это? верное на первый взгляд, утверждение может быть опасным для дела революции в Терской области. Будем говорить откровенно — революционный год прошел, в сущности, мимо Терской области. Если Терская область и улавливала до последнего времени что-либо из Великой российской революции, то больше грязную пену революционных волн, чем ее здоровое содержание. Достаточно сказать, что после каждого переворота к нам сюда попадали все те элементы, какие выбрасывались из центральной России. Достаточно примера того генерала, который слишком увлекся удушением революции и после июльских дней очутился здесь, и не рядовым лицом, а желанным гостем — ему было поручено формирование национальных полков. (*Голос*: «Половцев»¹.)

В то время как в центральной России господствовала власть Советов, здесь царила крупная земельная буржуазия.

¹ *Половцев П.* — генерал, летом 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа. Руководил подавлением июльского выступления петроградских рабочих и разгромом «Правды». После Октябрьской революции — белоэмигрант. — *Ред.*

Так, например, у нас еще существует терско-дагестанское правительство, которое считает себя живым. У нас только теперь начинают сплываться силы революционной демократии. Только 25 января, почти через год после начала революции, демократия Терской области могла встретиться без посредников и заявить твердо, смело и определенно, что она собралась не для слов, а для революционного творчества. И если это так, то лозунг защиты Республики крестьян, рабочих, казаков и горцев должен приобрести для нас еще большее значение. Надо понять, что внешнее наступление таит в себе грозную опасность потому, что оно будет встречено не без ответа внутри России. Ибо если у настоящих революционеров сейчас болит душа и они собирают все силы для борьбы с внешним наступлением, то есть элементы, которые постараются внутри России создать условия, благоприятные для взрыва. И если мы теперь же не отметем в сторону контрреволюционные силы именно этим лозунгом, то они постараются разложить и погубить нас. Огромнейшее значение приобретает задача разделить население области на две части — имущих и неимущих — и тем дать возможность демократии осознать себя.

Вы все помните, что первым словом, какое нам пришлось услышать на Моздокском съезде, было слово война. Нам указывали на необходимость начать борьбу с теми племенами, которые создали себе такую дурную славу. Нам говорили о необходимости ударить по этим племенам так, чтобы покончить не только с абречеством, но, как говорили некоторые горячие головы, и с обоими племенами. Я хочу верить, что это говорилось только в пылу страстей.

Вокруг нас горели костры гражданской войны. Но, так или иначе, нам удалось тогда погасить эти шовинистические порывы и предотвратить пожар войны. К сожалению, полученные вчера известия говорят о новых продолжающихся вспышках гражданской войны, и опасность организованных выступлений с той и другой стороны налицо. И я не ручаюсь, что в настоящий момент, когда я говорю это, на Сунже такое организованное наступление не ведется.

Если вы признаете, что это так, что опасность в Терской области есть, то это еще более должно убедить вас в необходимости сплотиться вокруг лозунга «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев». Надо сказать откровенно, что за 12 месяцев революции были испробованы все способы устройства жизни в Терской области. И ни один из этих способов не дал положительных результатов.

Не надо думать, что мы могли бы своими силами потушить пожар и справиться с Терской областью. Все те, которые выступали вчера с весьма решительными заявлениями, — я думаю, что в них говорит не разум, а голос политических страстей, — если бы они выслушали внимательно нашу мирную делегацию, которая вела переговоры с ингушами, они бы поняли, что между нами и ингушской демократией уже есть связующие нити. Надо только продолжить их, и мы без оружия дошли бы до разрешения всех вопросов.

Я может быть слишком подозрителен, но обратите внимание на следующее. После 25 января в области наступила успокоение. И вдруг 15-го числа, в день открытия съезда, именно 15-16 февраля, на Сунже начались бои.

После Моздокского съезда во Владикавказе бывали ингуши, и с ними ничего не случилось. Но стоило только открыться второй сессии Народного съезда, как во Владикавказе убито три ингуша. Это были не делегаты, а только сопровождавшие их. Тот, кто знает бытовые и нравственные устои туземных народов, тот понимает, на что было рассчитано это грубое убийство. А что было бы, если бы убитыми оказались делегаты?

Черная рука работает, чтобы сорвать Народный съезд, сорвать дело единения трудящихся.

Так же работает она и в Чечне.

И не только шовинисты стоят поперек революции, но стоят и те, которые еще недавно считали себя поборниками революции.

Только вчера вы слышали телеграмму из Налчика о том, что окружной комитет не признает народной власти и заявляет о поддержке терско-дагестанского правительства в созыве им Учредительного собрания.

Все это зовет нас, товарищи, к объединению, ибо, я утверждаю, если мы не сумеем укрепиться на фундаменте единения сил трудовых народов, то наша революция в Терской области будет сорвана, будет сорван наш путь ликвидации мирным путем всех недоразумений и столкновений.

Вам будут говорить, что вот это можно делать только во всероссийском масштабе, а это только тогда, когда во всей России будет установлено единообразие. А в это время черная рука контрреволюции будет натравливать один народ на другой, и от демократии Терской области, как организованной силы, не останется и следа.

События, которые сейчас происходят на нашем западном фронте, стоят в тесной связи с тем, что произошло на Дону.

Вы знаете, что там шла титаническая борьба революции с контрреволюцией, которая завершилась победой пролетариата. И когда пал Дон, оплот реакции, началось немецкое наступление.

Вам известно, что реакционные силы, собравшиеся на Дону, находились в какой-то связи с капиталистами наших «союзных» стран. И немедленно после падения Дона империалисты решили наступать извне на Республику рабочих, солдат и крестьян.

И вы должны понять, что с падением Дона реакционные банды передвинулись на Кубань, а оттуда перейдут на Терек.

И это должно заставить нас твердо придерживаться принятого курса. Ибо никто не сумеет доказать, — я это утверждаю, — что мы вступили на неправильный путь.

За очень короткий срок сделано уже много, когда работа шла в условиях крайне неблагоприятных. В Моздоке было сказано, что в борьбе с экономической разрухой, в борьбе с анархией Терский народный совет должен уйти с головою в гущу сельской жизни.

И пока в каждом ауле, в каждой станице и селении не будет утверждено народовластие, — никто не имеет права сказать, что мы взяли неправильный курс. Дайте нам утвердить, народоправство всюду и везде, без всякой примеси элементов, чуждых интересам народа, и тогда говорите, насколько правилен наш путь.

Те же депутаты, которые с Моздокского съезда вернулись сюда, говорят, что народная власть уже дает положительные результаты. *(Аплодисменты.)*

Характерно, что главные враги революции в Терской области, землевладельцы и князья, затрепетали после 25 января.

Кумыкские князья, которые спокойно жили вблизи Грозного даже в период власти там грозненского пролетариата теперь совершенно растерялись.

Характерно, что все они бегут из столицы области на места, чтобы там спасти хоть что-нибудь.

Кумыкские помещики торопятся присоединить Кумыкскую плоскость к Дагестану, чтобы таким путем спасти свои земли, свое княжеское господство.

И вот, не в обиду и укор будет сказано «туземцам» — при встречах с нами их трудовые элементы всегда говорят, что мы всегда с социалистами, разделяем их взгляды и будем идти с ними рука об руку. *(Аплодисменты.)*

Но, к сожалению, так сложна и запутана их жизнь, что на деле они этого почти не проявляют.

Когда, например, князь Капланов, потерявший доверие у всех, должен был бежать из Владикавказа, то уже через несколько недель он председательствует на окружном съезде трудовых кумыков.

И я повторяю, что если мы все не сплотимся деятельно вокруг лозунга «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев», мы не только все здесь потеряем, но не окажем поддержки и тем, кто борется сейчас с опасностью извне. *(Аплодисменты.)*

Надо сказать, что при всем росте сознания нашей демократии мы все-таки не имеем здесь настоящего революционного сознания. Ибо и сейчас еще на съезде раздаются речи, которым здесь по-настоящему не место.

Моя речь была бы неполной, если бы я не указал конкретно на схему основ организации власти. Я не хочу быть слишком смелым, но скажу, что кто непосредственным образом не обжигался о пламя гражданской войны и не задыхался в парах человеческой крови, тот невольно призывает к творчеству власти по

четырёхчленным и иным системам. Когда мы возвращались с Моздокского съезда, нас многие спрашивали, как мы относимся к созыву местного Учредительного собрания. Нам говорили: пока вы не выясните своего отношения к этому вопросу, дело устройства области останется сомнительным.

Я скажу то, что говорил в Моздоке. Там мы признали одну простую истину, что для того, чтобы устроить жизнь в области, надо отбросить всех богов. Надо внимательно взглянуть на почву и посмотреть, что на ней произрастает и много ли там плевел. Мы говорили, что нам надо собрать свои силы, объединить их и выявить под углом защиты интересов трудящихся масс. Что же касается местного Учредительного собрания, то оно нас принципиально мало интересовало. Практически же мы знаем, что если оно будет создано, то в нем первую скрипку будут играть те, которых мы еще не успели сбросить в исторический тартар. *(Шумные аплодисменты.)*

Мы говорим, что готовы явиться в какое угодно Учредительное собрание, являться хоть каждый месяц, но только при одном условии: с надеждой на успех утвердить в нем народо-властие. И пока наши ряды не упрочены, пока мы знаем, что этой надежды нет, — ибо как раз сторонниками скорейшего созыва Учредительного собрания являются наши враги, — пока казак не может говорить с чеченцем, а ингуш с казаком, Учредительное собрание будет для нас только ловушкой.

Я знаю, что нам будут много возражать сторонники быстрейшего созыва Учредительного собрания, но я прошу их осветить одно обстоятельство: как прошли выборы во Всероссийское учредительное собрание? Результаты неизвестны до сих пор, и во многих местах области они не производились вовсе. Нам возразят: а как же съезд собирается аккуратно? Но разница между Народным съездом и Учредительным собранием огромна. Мы зовем сюда, на съезд, все живое, все энергичное, что таится в недрах демократии, наиболее активные элементы ее, которые явятся к нам во что бы то ни стало. Нас не пугает то, что при выборах того или иного депутата будет нарушена какая-нибудь формальность, — это пустяк. Но мы знаем, что при выборах в Учредительное со-

брание как раз это обилие формальностей будет играть наруку нашим врагам и погубит нас.

И я кончу так, как начал: мы готовы выполнить все формальности, мы готовы явиться куда угодно, одеться в какой угодно костюмчик, но мы сделаем это тогда, когда не будем бояться встречи с нашими врагами не только на улице, но и в парламенте.

Мы готовы расширить нашу базу, наше основание — ведь это является такую понятною истиною. Но мы говорим, что опираться на три кулака, чем на четыре, если один из них будет стараться сбросить народную власть. А такие примеры в истории всех революций бывали, сколько угодно.

Если сейчас непрерывно, и день и ночь, из самого живого тела Терской области льется кровь, если расхищаются скудные богатства края, если самые цветущие места области превращаются в пустыню, то это потому, что положение мало изменилось. Хотя мы и имеем радостное явление, свидетелями которого являемся сейчас¹, но условия кругом нас страшно тяжелы. Я не знаю, как мы справимся с задачами, какие стоят перед нами, если соотношение сил на этом съезде не изменится. Я говорю с глубоким сожалением, что среди туземных депутатов здесь нет представителей тех народов², которых здесь называли огульно врагами порядка и мира. Я не смотрю на них так безнадежно и считаю, что революционности у них имеется достаточно. И если завтра они были бы среди нас, на девяносто процентов дело революции было бы у нас спасено.

Но даже теперь я утверждаю, что, если на Сунже и Тереке льется человеческая кровь и ведется организованная или неорганизованная война, — там победителей не будет, там будут только побежденные. Когда я говорил, что на Дону льются потоки крови и что там победит революционная демократия, вы аплодировали этому, но войне на Тереке и Сунже аплодировать не придется. Поймите, наконец, что единственный путь и для вас, казаки, и для вас, горцы, — это во что бы то ни ста-

¹ С.М.Киров имеет в виду достигнутое на съезде единство всех трудящихся против наступления контрреволюции. — *Ред.*

² С.М.Киров имеет в виду ингушей и чеченцев. — *Ред.*

ло, ценою каких угодно жертв протянуть друг другу братскую руку. Ибо какие бы вы жертвы при этом ни приносили, они будут несравненно меньше тех жертв, какие дает война. Вот война длилась только один день — 15-го — 16-го, и уже погибло с обеих сторон сто человек. Сколько их погибнет еще? Я спрашиваю воинственных — сколько они еще потеряют?

Представители горной Чечни говорят, что там народ уже задыхается: там платят 150 рублей за 5 пудов кукурузы, там голодают, там пухнут от голода. Вот к чему привел этот способ ликвидации всех больших вопросов.

Представители казачьей фракции говорили здесь, чтобы доставить первым их вопрос о войне и мире. Товарищи казаки! Вы пропустили способ решения вашего вопроса. Для этого надо было решить все вопросы, стоящие в программе работ съезда, — вот путь, на который мы вас звали все время. И, как и в Моздоке, мы призываем вас к этому, говорим, что единственное, что нам остается, это чтобы каждому рабочему, солдату, крестьянину, трудовому казаку и трудовому горцу шире развернуть наше революционное знамя и идти с ним к братству народов.

(Оратор покидает трибуну под гром аплодисментов, переходящих в овацию.)

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи и граждане! Мне чрезвычайно прискорбно, что при краткости времени приходится возобновлять перед вами те основные положения, какие я выдвинул в своем докладе. Но, к глубокому моему сожалению, все выступавшие по моему докладу — или, вернее, по части моего доклада — не усвоили основную линию доклада. Все положения возражающих сводятся к двум: одни говорили, что центр тяжести всего Киров направил в сторону казаков, другие утверждали, будто я не дал прямого ответа на вопрос о войне и мире. Мне особенно прискорбно слышать это от тех депутатов, которые были на Моздокском съезде. Я все время подчеркивал, что с нашей точки зрения мы не видим никакой разницы между демократией русской, каза-

чьей и горской, и мы закрепили это даже в своем воззвании ко всем народам Терской области на Моздокском съезде. Я думаю, что это простое недоразумение. Было бы по меньшей степени странно, чтобы на демократическом съезде, в докладе представителя социалистического блока, проглядывала та племенная вражда, которую мы призваны ликвидировать. Мы зовем всех трудящихся к объединению, и я далек от мысли возлагать ответственность за все то, что происходит в области, на ту или иную национальную группу. И те, кто говорят, что в этом повинны ингушский и чеченский народы, — те творят политическое преступление. (*Голоса: «Правильно». Аплодисменты.*)

Но я говорил, что так же преступно считать и все казачье население враждебным по отношению к туземным народам. Я говорил о горячих головах казаков и горцев, и говорил не без основания. Тот, кто знает события в Грозном, кто читал об этом в газетах, тот помнит, вероятно, как около Назрани ингушская молодежь бросилась с винтовками на пассажиров поезда и как старики-ингуши удерживали их и спасали русских и казаков, закрывая их полами своих черкесок, своим телом. Вот горячие молодые головы из ингушей! Но и среди казаков есть такие головы. В моем распоряжении имеется документ, источник которого я не хочу называть, но который отлично известен многим казакам. В нем один казачий «военно-революционный комитет» в очень резкой, грубой и недопустимой форме от имени казаков, которые истомились и исстрадались, требует прямо покончить дело с чеченцами войною. Я этот документ привожу не потому, что хочу кого-либо скомпрометировать, но я хочу сказать казакам, что раз и навсегда надо покончить с точкой зрения огульных обвинений целого народа. И если полного осуждения достойна та фанатичная часть туземного населения, которая подбрасывает письма с требованиями принять мусульманство, если такую агитацию мы называем преступною, то как назвать те формы выражения мыслей, какие допущены в вышеуказанном документе?

И совершенно прав тот оратор, который говорил, что мы, демократия Терской области, собрались вместе почти впер-

вые и что нам надо договориться до конца. Ибо если мы часто будем обвинять друг друга в том, в чем мы совершенно невинны, то из этого ничего хорошего для нашего общего дела не будет. И, конечно, не нам, социалистам, вы можете говорить, что мы обвиняем какой-нибудь народ. Зачем пришли сюда представители социалистических партий? Вы можете нас обвинять в чем угодно, в каких угодно преступлениях, но в одном преступлении вы нас упрекнуть не имеете права: будто мы возлагаем всю ответственность за происходящие сейчас в области события на один народ. Это обвинение достойно тех господ, которые сидят сейчас во Владикавказе и распускают провокационные слухи о первом почине народного творчества. Здесь мы имеем дело со всею объединенной демократией Терской области и только с нею. *(Аплодисменты.)*

Этого заявления, я думаю, совершенно достаточно, чтобы рассеять всяческие недоразумения.

Один из ораторов говорил, что мы пришли сюда за правдой и ждем ее от новых людей — социалистов. Я готов приветствовать это искреннее желание найти правду. И тот же оратор сказал, что если эту правду мы не найдем, то мы погубим и революцию и Россию. И мы, социалисты, говорим, что необходимую для народа правду мы пришли сказать до конца. Вот для этой правды и составлена программа наших работ. И я имею смелость утверждать, что если мы не решим всех этих вопросов, то мы не доведем нашего правого народного дела до конца. Я говорю это потому, что один из ораторов сказал мне в ответ: достаточно признать власть народных комиссаров, и все будет сделано, все вопросы будут решены. Но кто решит их и кто сделает за нас? Ибо от принятия одной резолюции жизнь не устраивается, и демократия не будет чувствовать себя в лучших условиях.

Горская демократия знает, что горцы собирались не раз на всякие съезды и совещания и выносили не раз всякие прекрасные резолюции. Но что осталось от всех этих резолюций? — спрашиваю я горцев. Надо понять, наконец, что если мы сами не решим всех этих вопросов, то за нас никто их не решит. В нашей программе имеются все большие вопросы, которые мучают демократию: и вопрос о земле, и

национальный вопрос, и рабочий вопрос, и т. д. И если мы теперь же не найдем общего языка вокруг этих вопросов, если мы теперь же не сумеем договориться до конца, то дело революции от этого не выигрывает никак, и нам останется действительно решать все войною.

Когда я говорил об этих вопросах и о горячих головах, то это не значит, что я предлагал не обращать внимания на то, что делается на Сунже и Тереке. Это не значит, что я предлагал не предпринимать никаких мер и спокойно смотреть на то, как льется кровь наших братьев. Именно Киров говорил о необходимости принять немедленно такие меры, какие ясно бы указывали всем и каждому, что народная власть не может спокойно смотреть на то, как льется кровь наших братьев, поддерживающих эту власть, — будут ли то казаки или чеченцы — все равно.

Других возражений против положений, выдвинутых в моем докладе, не было. Были некоторые замечания по поводу схемы основ организации власти, но они вызваны сплошными недоразумениями, какие я постараюсь разъяснить.

Если мы на Моздокском съезде провозгласили лозунг: «Республика рабочих, крестьян, казаков и горцев», то за это время ничего нового не произошло, что бы могло поколебать этот лозунг. Наоборот, мрачные тучи, какие сгустились над всей Россией и Терской областью, должны только упрочить этот лозунг. И пусть все те, которые не хотят признать этот лозунг, знают, что никакими учредительными сеймами, никакими иными богами они нас не соблазнят, ибо у нас есть один бог, которого мы признали на Моздокском съезде. (*Шумные аплодисменты.*)

И этому богу мы верим. И уже никакими фетишами с этого пути нас сбить нельзя.

Когда я говорил о четырех кулаках, то один из казаков почему-то решил, что четвертым, нежелательным и опасным, кулаком являются казаки. Надо помнить мои слова, а я говорил, что если в нашем объединении не будет хоть одного народа, то оно никогда не будет прочным. И вот теперь, когда опасности надвигаются со всех сторон, если бы мы приняли в нашу семью тех, кто уже просится к нам, этот новый ку-

лак был бы тою силою, которая помогла бы нам окончательно упрочить дело революции. Надо отбросить все племенные различия, надо собрать ягнят всей демократии в одну семью и ни одного волка буржуазии в эту семью не пускать, ибо в момент острой опасности этот волк может всех нас посорить. И я утверждаю, что среди чеченцев и ингушей есть непобедимое стремление быть с нами, в нашей семье. Но у них много волков, и они ходят в причудливых шурах. И вот эти-то волки мешают чеченской и ингушской демократии слиться с нами.

Я вернусь к вопросам порядка дня съезда. Я вернусь к тому товарищу, который говорил, что достаточно признать власть народных комиссаров, а вопросов никаких решать не надо. Этот товарищ рассуждает наподобие того, как говорит буржуазия: мы готовы отдать демократию кому угодно во власть, лишь бы она не касалась этих вопросов¹. И когда демократия Терской области поставила эти вопросы вплотную перед помещиками, то кумыкские князья, например, стараются присоединить Хасав-Юртовский округ к Дагестану, чтобы сохранить за собою земли и положение. И я скажу больше: враги народа готовы присоединить ту или иную область не только к Дагестану, а к какой угодно отдаленной губернии или даже государству, чтобы спасти свои земли и свое богатство. И всякий говорящий, что эти вопросы не надо решать, играет наруку тем господам, которые не хотят расставаться со своими землями и экономиями при помощи каких угодно средств.

Было бы глупо, товарищи, непроходимо глупо, если бы на рабочем съезде не говорили об устройении условий труда и рабочего быта. И вот здесь съехались люди от сохи, сельчане, и вы хотите, чтобы они не решали вопроса о земле, те вопросы, без решения которых они не могут вернуться обратно; и я знаю, что когда мы разовьем наши работы, то может быть совершенно неожиданно для многих обнаружится связь земельного вопроса с теми событиями, какие имеют место в Терской области.

И, возвращаясь опять к мрачным обстоятельствам текущего момента, я хочу напомнить заявление казаков о том, что

¹ Имеются в виду вопросы о земле, о рабочем контроле и т. д. — *Ред.*

они являются давно уже социалистами и революционерами. И если, говорил этот казак, мы раньше не умели формулировать наши убеждения, то теперь наши слова тверды и определены. И я готов приветствовать казаков за то, что их дорога и дорога честных социалистов и революционеров одинакова. Но я также приветствую слова горцев, которые они произносили на своих съездах, что пусть знают там, в России, что горцы будут не последними среди тех, с кем придется воевать всем тем, кто покушается на свободу. (*Шумные аплодисменты.*)

И если мы собрались сюда не для кошуинства, то наше слово должно претвориться в дело. И если мы безжалостно хотим отбросить все контрреволюционные силы, то мы должны вновь подтвердить наше единение, нашу братскую общность, революционный, я бы сказал — священный союз. Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии¹.

(Оратор покидает трибуну под громовые аплодисменты всего съезда, которые превращаются в овацию.)

¹ На II сессии Народного съезда большевики с С. М. Кировым во главе выступали уже признанными руководителями подавляющего большинства съезда. Меньшевики и правые эсеры, формально еще оставаясь в рядах «социалистического блока», начали закулисную кампанию против большевиков, договариваясь с представителями открытой и скрытой контрреволюции.

После принятия съездом решения об организации местной власти и решения по аграрному вопросу в духе советского декрета о социализации земли большевики выдвинули на обсуждение съезда вопрос о признании власти Совета народных комиссаров. Меньшевики и правые эсеры выступили против признания власти Советов, однако, съезд большинством 220 голосов против 22 при 40 воздержавшихся принял предложение большевиков и послал приветственную телеграмму председателю СНК В.И.Ленину.
— *Ред.*

1920 год

ЗНАМЯ III ИНТЕРНАЦИОНАЛА — ЗНАМЯ БРАТСТВА ВСЕХ ТРУДЯЩИХСЯ

**Доклад по текущему моменту на I Общебакинской
партконференция 5 мая 1920 года¹**

Товарищи! Ровно в полночь 27 апреля у дверей, ведущих в страны Восходящего солнца, совершилось событие, от которого подгнившая буржуазная капиталистическая система мира потерпела новый удар и новое поражение. Это событие заключается в том, что изнывавший под беко-ханским игом Азербайджан повенчался с великой Советской страной — рабоче-крестьянской Россией. Правда, через несколько дней мы, вероятно, услышим, как буржуазная Европа будет по нашему адресу метать громы, будет называть это новое бракосочетание незаконным, будет указывать на то, что мы не спросили разрешения у пап Западной Европы — Ллойд-Джорджа, Клемансо, Мильерана и других. Но мы знаем, что тот союз, который был заключен на днях, является единственно верным союзом, который рабоче-крестьянский Азербайджан заключал когда бы то ни было и с кем бы то ни было. Правда, надо сознаться, что злые языки, особенно из бывших социалистических партий, до некоторой степени будут правы, когда будут изображать перед трудящимися массами Азербайджана, что та невеста, которую приобрел революционный Азербайджан, не совсем пригожа. Она действительно не особенно румяна, не особенно дебела, особенным приданым не обладает. Наша страна — Советская Россия — представляет в смысле экономическом почти в полном смысле слова сироту. Но азербайджанские массы должны в то же время знать, что

¹ В январе 1920 г. по указаниям товарища Сталина и под непосредственным руководством Кирова и Орджоникидзе разворачивается наступление XI армии на Северный Кавказ. 31 марта Киров вместе с Орджоникидзе во главе частей XI армии прибывают во Владикавказ, только что занятый красными войсками, а к 1 мая они уже в Баку, где восставшие бакинские рабочие при поддержке подошедших красных бронепоездов свергли власть муссаватистов и провозгласили власть Советов. — Ред.

их нареченная одна только остается честной, непоруганной и целомудренной, какой не имеет сейчас буржуазный мир в своих границах. От этого союза, будем надеяться, произойдет такое потомство, которого ханам и бекам производить не удавалось. От этого союза явятся такие ростки, которые сумеют оплодотворить и другие капиталистические страны. Здесь мы положим начало великому объединению народов цивилизованной Европы и так называемого отсталого, некультурного Востока.

Для того чтобы оценить положение молодой рабоче-крестьянской Азербайджанской республики, необходимо прежде всего посмотреть на вторую половину этого союза — молодого революционного жениха. Нужно, товарищи, сказать определенно, что революция в Азербайджане вспыхнула не сама по себе, не благодаря тому, что скопившиеся здесь революционные силы не находили больше выхода и взорвались, независимо от какого-либо внешнего революционного влияния. Революция в Азербайджане глубоко связана с тем, что происходило у нас в Советской России. Для того чтобы уверенно строить молодую рабоче-крестьянскую власть в Азербайджане, необходимо и теперь очень внимательно, очень серьезно следить за всем тем, что происходит в России, нужно раз навсегда сказать, в тысячный раз подтвердить, что чем больше будет укрепляться рабоче-крестьянская Россия, тем крепче будут устои Советской рабоче-крестьянской власти в Азербайджане. Я думаю, что рабочие Баку в достаточной степени хорошо и полно были ознакомлены с тем, что происходило в России; здесь, пожалуй, не во всем Азербайджане, а именно в самом Баку, каждое наше слово, каждая наша мысль улавливаются с первого же мгновения, именно здесь рабочие без различия национальностей воспринимают особенно полно те задачи, которые ставит перед собой Советская Россия. Я думаю, едва ли в этом зале найдется человек, который на одну минуту усомнился бы в прочности и незыблемости рабоче-крестьянской власти в России.

Не подлежит теперь, товарищи, не только для нас, но и для наших заклятых врагов, почти никакому сомнению, что

не существует больше смертельной опасности, которая могла бы встать на пути российских рабочих и крестьян, строящих новую жизнь. Я не думаю, чтобы сейчас можно было найти здорового человека, который еще мечтал бы о воцарении в России новой соглашательской или какой-нибудь иной власти — такой, которая могла бы повернуть большевистско-коммунистический руль, твердо направляющий сейчас Россию. Даже заклятые враги говорят, что на этой территории есть только одна сила: они ее называют большевизмом, а по-нашему она называется коммунизмом. И действительно, Россия теперь приобрела такой крепкий стеновой хребет, так укрепилась, что мы сможем, вероятно, в ближайшие месяцы покончить с теми теньвыми сторонами, которые еще сейчас в достаточной степени режут нам глаза. Опыт показал, что все попытки задушить революционную непокорную страну, откуда бы эти попытки ни исходили, извне или изнутри, оказались совершенно безуспешными. Правда, нужно сказать, что именно потому рабоче-крестьянская Россия стала до такой степени изможденной, как это мы видим сейчас, что ей пришлось пройти через невероятно тяжелые испытания, отражая не только врагов внутри, но, главное, натиск международного капитализма. Были, действительно, такие моменты, о которых можно вспомнить без содрогания только потому, что они уже прошли, потому, что они от нас очень далеко, и мы глубоко уверены, что они вновь не повторятся. Но если те неслыханные трудности, перед которыми временами оказывалась рабоче-крестьянская Россия, изобразить перед вами, то вся та огромная борьба, которую наша Советская республика выдержала, должна будет вырисовываться перед вами как невероятный подвиг, не записанный еще в истории ни одного народа. Эти два с лишком года рабоче-крестьянской революции в России представились бы каким-то сплошным кошмарным восхождением на Голгофу через море человеческой крови. И тем не менее мы можем уверенно сказать, что основной курс, основная линия нашей политики была взята вполне правильно и целесообразно. Если недавно еще мы видели, как разгружались в окраинных портах России танки, пулеметы и прочее

смертоносное оружие для белых армий, то теперь в тех же самых портах начинают появляться орудия для восстановления советской хозяйственной жизни. В балтийских портах выгружают американские паровозы, сельскохозяйственные орудия. Если еще несколько месяцев тому назад кое-кому казалось, что мы должны, пожалуй, отдать нашу большевистскую душу богу, то теперь положение изменилось. Очевидно, в Европе почувствовали, наконец, что на краю пропасти стоит не большевистская Россия, а капиталистическая Европа. Если европейская буржуазия прежде со злорадством смотрела на пожары гражданской войны, которой была охвачена вся Россия, то теперь буржуазии капиталистических стран приходится любоваться на эти схватки не издалека, а видеть их в своей собственной стране. 1 мая буржуазии пришлось быть свидетельницей того, как восемь миллионов английских рабочих бросили заводы и фабрики и демонстративно вышли на улицу. Западная Европа понимает, что пролетариат даром с фабрик не уходит, что восьмимиллионные колонны рабочих для шуточных дел не создаются, что если идет такая рать пролетариев Европы, то, очевидно, недалек тот день, когда рабочие от пассивного протеста в форме забастовок перейдут к нашим, решительным, «азиатским» способам борьбы с капиталом. На шикарных улицах Парижа рабочие, прошедшие жесткую капиталистическую выучку, к тому же поголовно грамотные, являющиеся на фабрики не иначе, как в воротничках и манишках, громят уже кондитерские, недалек тот момент, когда они воспримут наш «азиатский» способ ведения гражданской войны. Западная Европа с каждым днем все более и более начинает понимать, что неизбежностью в современном мире является не только война империалистическая, но что такое же неизбежное явление — война гражданская. Убедившись в том, что большевистской силы в России оружием сломить нельзя, что все резервы контрреволюции, которые, можно было бы двинуть, чтобы залить революционный пожар в России, уже иссякли, буржуазия Европы думает уже сейчас под тем или иным видом войти в добрососедские отношения с Советской Россией. Буржуазия в Западной Европе теперь уже думает, что чем больше они отгораживаются

от России, тем более Россия приобретает соблазна в глазах западноевропейских рабочих.

Западная Европа помаленьку начинает снимать блокаду, которой была окружена Россия. Буржуазная Европа знает, что, помимо всего прочего, ей жить без России очень мудро, так как Россия располагает богатством всякого сырья, которого хватит не только ей самой, но в котором нуждается также изнуренная войной Западная Европа. Вот для того, чтобы выкачать нужное им сырье, с одной стороны, и для того, чтобы попробовать разжечь старую капиталистическую страсть купли и продажи в гражданах Советской страны, буржуазные хозяева Западной Европы стараются сейчас вступить с нами в деловые, торговые сношения. Правда, с нами, как Советской страной, Западная Европа открыто до сих пор пока не разговаривает. Она говорит с нами через посредников языком в достаточной степени эзоповским, заботясь, чтобы так или иначе не нарушить свою капиталистическую целомудренность. Западная Европа хочет говорить пока что только с нашими советскими кооператорами.

Мы командидуем за границу людей, которые прошли большую школу в области коммерции, и думаем, что западные империалисты не сумеют обойти нас так, чтобы мы остались в дураках. Мы понимаем, что вслед за паровозами из-за границы могут попасть к нам и другие, более или менее неприятные, вещи, но мы вовсе не думаем, что если на паровозах будут английские и французские марки, то какой-нибудь рабочий или крестьянин будет особенно на это негодовать.

Я вспоминаю историю, когда во время войны на далеком Севере мы вступили в переговоры с командующим английскими войсками с таким же предложением об установлении торговых сношений и дали гарантию, что ни одна рабоче-крестьянская прокламация ни в одной спичечной коробке не попадет к ним. Этот командир сказал: «Это все правильно, но вот вы все-таки так или иначе сумеете на тех самых предметах, которые двинете в Англию, поставить большевистский герб. Если бы вы знали, каким магическим действием обладает эта небольшая, в достаточной степени плохо нарисованная

фи-гурка: каждый рабочий, каждый житель Лондона постарается узнать, что это символизирует, и само собой понятно, что нам придется объяснить, в чем у вас тут дело, и в конечном счете это поведет к тому, что население проникнется желанием узнать все о том, что делается в Советской России».

Тут дело очень просто: капиталистическая Европа и в первую очередь миллионы ее подданных-рабочих еще не вкусили, что такое Советская власть, что такое начало социальной революции, и, конечно, помимо всего прочего, у них возникнет естественная жажда поинтересоваться, что представляет собою эта новая рабоче-крестьянская Россия.

Но мы в Советской России гарантированы от такого соблазна. Мы не имеем сейчас ни малейшего желания интересоваться тем, что такое западноевропейская «культура», потому что достаточно каждому из нас пощупать свою спину, чтобы снова почувствовать все прелести этой «культуры». Правда, русский мужик еще далек от восприятия полностью коммунистических идей, у него еще от коммунистической пропаганды поднимается в голове путанный вихрь, и нужно сказать правду, что коммунистические идеи будут проникать в эту среду болезненно, это будет сопровождаться жестокой ломкой. Но мы все-таки имеем основание быть уверенными, что этот новый период мы пройдем успешно и что та борьба новыми методами, которую сейчас начинает с нами Западная Европа, окажется тщетной, как было и до сих пор.

При новом способе единоборства, которое сейчас принимает все новые и новые формы, мы все-таки выйдем победителями, как выходили до сих пор в вооруженной борьбе. Правда, еще и на фронте вооруженной борьбы есть отдельные вспышки, оружие сверкает до сих пор на границах нашего рабоче-крестьянского отечества. Выступила на арену еще новая сила, в достаточной степени внушительная — панская Польша. Дела на этом участке борьбы в последние, дни приняли весьма серьезный оборот. Польские паны сумели в достаточной степени одурачить польское население, сумели в достаточной мере распропагандировать своих людей. Белополяки бросили свои силы в одно из самых слабых мест на

нашем фронте. Нашествие идет довольно стремительно, но мы полагаем, что, как бы ни были страшны эти новые враги — польская шляхта, — наш большевистский бог будет достаточно милостив к нам. Не нужно быть, товарищи, особенным пророком, чтобы предсказать, что не только польские войска, которые сейчас так быстро двинулись от Варшавы сюда внутрь России, будут отброшены назад, но и те самые исторические города за нашей теперешней границей, которые не имели еще возможности за все время великой революции испытать на практике, что такое режим Советской России, получают удовольствие наблюдать его непосредственно. В этом, товарищи, может быть порукой то, что освободившиеся огромные силы с кавказского фронта будут двинуты туда, на Запад, и они сумеют быть защитниками не только молодого рабоче-крестьянского Азербайджана, но сумеют также усмирить и ту блудницу — панскую Польшу, которая пытается стать на пути рабоче-крестьянской России.

Есть у нас еще одно бедствие — хозяйственная разруха.

Вы знаете, что Россия никогда не располагала особенно сильным, могущественным и гибким хозяйственным аппаратом. Но я думаю, что и здесь те начинания, которые проводятся рабоче-крестьянской властью, увенчаются успехом. Особенно теперь, когда Азербайджан идет рука об руку, в дружеском объятии с Советской Россией, и бакинская нефть потечет быстрым потоком в Россию, рабоче-крестьянская Россия получит возможность вздохнуть если не полной грудью, то в достаточной степени свободно. Если теперь по всем артериям побежит живительная черная влага, то в ближайшие же месяцы хозяйственная работа пойдет гораздо быстрее, гораздо энергичнее.

В этом важный залог восстановления хозяйственной жизни России.

Нужно сказать, что в России имеется одна сила, которая, мобилизуя все для борьбы с хозяйственной разрухой, выйдет несомненно победительницей и здесь, как она выходила до сих пор победительницей на всех фронтах. Этой силой является наша партия.

Если вспомним историю борьбы с Колчаком, то увидим, что перелом наступил только тогда, когда партия бросила все силы, которые имела, на восточный фронт. Именно тогда в течение нескольких дней наступил перелом. Так же было и на нашем фронте. Там, где коммунистическая партия бралась за дело всеми силами, заставляя каждого коммуниста думать день и ночь об одной задаче, об одной опасности, — там мы всегда выходили победителями. Точно так же победителями выйдем мы и в борьбе с хозяйственной разрухой.

Здесь хотелось бы сказать о политической линии нашей коммунистической партии, которая в конечном счете определяет всю политику Советского государства. По мере того как мы пробивались в глубины Кавказа, нам все чаще, даже из собственной нашей среды говорили, что мы стали победителями потому, что наша физиономия изменилась, что мы-де не стали уже теми красными, от которых все шарахаются в сторону, что мы-де даже не выносим вида человеческой крови, и когда выходим на фронт — начинаем митинговать и пропагандировать вместо того чтобы рубить и стрелять. Говорят, что в нашей коммунистической политике в период последней тяжелой борьбы все острые углы стерлись, что говорить теперь о смертных казнях в России — дело совершенно невероятное, что у нас нет теперь даже и «чрезвычайек». Вот эти самые небылицы, которые распространяли о Советской России, оказались для нас в иных случаях весьма полезными. Мне самому приходилось видеть целые дивизии, которые сдавались без единого выстрела, и когда начинали со сдавшимися разговаривать, то оказывалось, что они имели о нас именно такое представление. Но вот для коммунистов, находящихся во вновь занятых местностях, эти рассказы принесли и весьма много вреда. Оказалось, что эта болтовня в сильной степени подпортила наши коммунистические мозги: представители нашей партии в этих местах (не в упрек будь это им сказано) из революционных коммунистов чуть-что не превратились в каких-то христианских коммунистов, и первый манифест, который ими был выпущен, до последней степени не соответствовал нашей коммунистической политике.

Во всяком случае надо здесь сказать, что все то, что было начертано с первых дней Октябрьской революции, — все это остается на знаменах коммунистической партии совершенно незабываемым. Если мы перестали казаться какими-то вельзевулами, то это только потому, что препятствия, которые мы встречаем теперь, — не больше как карточные домики. Если раньше, например под Царицыном, приходилось биться четыре месяца, то когда мы подходим теперь — нас встречают хлебом и солью. При таких условиях особенно часто обращаться к нашему советскому трибунальскому лексикону не приходится, и, действительно, в повседневном обиходе чрезвычайные комиссии показывают свое лицо гораздо меньше, чем раньше.

Во всяком случае, говоря о Советской России, мы должны сказать, что ни от чего, что мы там сделали, мы не отрекаемся и что весь опыт, проделанный многомиллионным народом, со всеми положительными и теневыми его сторонами, целиком лежит на ответственности нашей коммунистической партии. Мы с гордостью и с большевистским мужеством в свое время, в великие Октябрьские дни, отбросили всю социал-предательскую сволочь, и на протяжении двух с лишним лет мы ни разу об этом шаге не пожалели. И теперь с той же гордостью, с тем же сознанием коммунистической правоты мы повторяем, что, какие бы тяготы мы ни переносили, какие бы отдельные ошибки мы ни делали, мы все же на протяжении двух с половиной лет ни разу не вступали на одну дорогу с людьми, которые заигрывают с капиталистами и строят глазки буржуазии. Мы с этими людьми ничего общего не имеем, мы их отбросили раз и навсегда. Об этом мы заявляли всему миру и прежде всего всем рабочим Западной Европы. И вы должны помнить: как бы мало вас ни было, какую бы численно ограниченную группу людей вы собой ни представляли, гоните от себя всех молодцов, которые умеют писать длинные революционные программы, но которые на деле всегда оказываются предателями. В этом, товарищи, главный залог успеха коммунистической партии; мы сумели на протяжении двух с половиной лет, благодаря такой непри-

миримой и последовательной политике, показать всему миру на деле, какую силу мы, коммунисты, собой представляем.

Мы должны перейти в общих чертах к нашим задачам здесь, в пределах Азербайджана.

Медовым дням, которые мы переживаем сейчас, надо положить конец. Надо перестать бить в торжественные литавры, а поприспальнее посмотреть на азербайджанскую действительность глазами марксистов, большевиков-коммунистов.

Первое, что бросится нам в глаза, — это то, что в сущности настоящая, потрясающая самые основы буржуазного строя, революция в Азербайджане еще не произошла, что массы азербайджанского населения просто оглушены тем, что случилось, но не больше. Нужно напрячь все усилия, чтобы вызвать к активности силы трудящихся в пределах Советского Азербайджана. Нам нужно, с одной стороны, помочь всем тем, кто имеет стремление присоединиться к нам, помочь им освоить те пути, которые разворачиваются перед нами. С другой стороны, нам нужно добиться, чтобы огромные массы средних слоев населения поняли требования революционного порядка. Среди них есть много людей, которым место в наших рядах; но есть среди них и такие люди, которые не пойдут под нашими знаменами, — нам надо определить этих людей и отмежеваться от них.

Лучшее средство достичь этого разделения всего азербайджанского населения — это произвести первый решительный удар по беко-ханскому строю. Декрет о передаче всех земель трудовому народу без всякого выкупа — лишь первый удар по беко-ханскому строю. Именно в этом направлении нам, коммунистам, нужно приложить как можно больше сил, развернуть борьбу с беками и ханами шире, полнее.

Следующий удар должен быть по крупному капиталу. Все то, чем богат сейчас Азербайджан, все то, что является приманкой для всех западноевропейских стран, прежде всего наши нефтяные промысла, — над всем этим должен быть поставлен рабоче-крестьянский советский коммунистический знак.

Полный переворот в жизни фабрик, заводов, промыслов нужно провести решительно, безапелляционно, без всякого колебания, без какого-либо соглашательства¹.

Вот эти два мероприятия, как огромные камни, брошенные в беко-ханское азербайджанское болото, поднимут такое волнение, которое пробудит всех мешчан, спящих безнадежным сном. Когда революция подойдет к основам жизни азербайджанского жителя, когда коснется земельки, на которой он сидит, то тут пробудится от сна и сожмет кулаки каждый. Тот крестьянин, который ходит по горам и полям Азербайджана и пасет баранов, как только почувствует, что пастбище можно расширить, что баранту можно умножить, не боясь бека или хана, — он станет весьма и весьма активным участником устройства Советского Азербайджана.

Не надо забывать, что революционный декрет не может быть написан иначе как человеческой кровью! Нужно это запомнить раз и навсегда, запомнить окончательно, и, чтобы не проливать человеческой крови напрасно, надо действовать решительно и твердо.

Надо нам знамя III Интернационала, знамя братства всех трудящихся развернуть здесь так, как подобает развернуть его истинным революционерам. Тому, что делается в Карабахе и в других местах Азербайджана, тому, что называется племенной враждой, должен быть положен конец окончательно, раз и навсегда, под знаменем Советов. Это может быть сделано при одном условии — если будет действовать советская организация, которая не знает компромиссов и соглашений, знает лишь прямоту и последовательность.

Если эти три основные задачи мы сумеем разрешить в ближайшее время, то, поверьте мне, все остальное пойдет просто и планомерно.

Сейчас очень часто нам приходится выслушивать целые делегации, являющиеся от так называемых социалистических партий. Здесь есть местные, чисто азербайджанские, разновидности их, которые мелкая буржуазия подносит нам

¹ Вскоре (27 мая 1920 г.) был опубликован декрет Азербайджанского ревкома о национализации нефтяной промышленности. — Ред.

под малопонятными для нас названиями, но мелкобуржуазная соглашательская сущность их всех чувствуется определенно.

Ни малейшей тени взаимного содружества, никаких коалиций, или, как любят говорить старые меньшевики, «контактной работы», которая была до прихода англичан и Бичерахова¹, с ними теперь не должно быть.

Чтобы провести твердую революционную линию, от этих молодцов нам, коммунистам, нужно раз и навсегда отмежеваться.

Другое дело — советский государственный аппарат: он требует огромного количества людей, здесь приходится использовать и не вполне советские элементы.

В Советской России работает большое количество буржуазной интеллигенции, которая, с одной стороны, за Советскую власть, а с другой... если придет Деникин — наполнит, конечно, его департаменты.

При последних выборах в Московский совет депутатов произошла недопустимая вещь: в него было выбрано 40 или 50 эсеров и меньшевиков. Они прошли в Совет на плечах буржуазной интеллигенции. Эти люди способны разжигать мозги; они местами начинают так действовать и на рабочих. Это заметно в Екатеринославском районе и в Донском бассейне. Они заявляют, что стоят на платформе Советской власти обеими ногами, они говорят, что только коммунистическая партия высоко несет знамя свободы, а они-де сами за нами робко шествуют, «помогая» нам не споткнуться по дороге. Но они имеют особую способность замечать только отрицательное в действиях Советской власти. Их бичераховская психология заключается в том, чтобы, выставя отрицательное, умалчивать о положительном в работе коммунистической партии.

Мы должны строить жизнь под нашим коммунистическим знаменем, и никаких других знамен нам не надо.

¹ *Бичерахов Л.* — полковник царской армии, затем начальник белоэсерского отряда, субсидируемый англичанами, боролся против Советской власти. Участвовал в оккупации Баку англичанами в июле 1918 г. — Ред.

Это явится, товарищи, лучшей гарантией того, что наше дело пойдет быстро и успешно и мы скоро придем к нашей желанной цели, к тому, чтобы заложить основы социализма. Нам могут сказать, что мы мало знаем, что мы мало опытни и так далее, но нам нужно пользоваться опытом, который дан Советской Россией.

Мы смело подходили к каждому новому вопросу, мы с каждым днем все решительнее перестраивали жизнь по-своему, мы уже создали в России начерно Советское государство. Оно, правда, не ласкает рабочего и крестьянского взора особым блеском и внешним лоском, но его фундамент, его стены выстроены так твердо, что нет крестьянина и рабочего в России, который сомневался бы в прочности своего дела.

Я знаю, что здесь в Азербайджане есть другие трудности, тут есть резкие различия — религиозные, племенные. Это будет служить дополнительным препятствием в нашей работе, но, если мы сумеем сохранить чистоту партии и с первого дня легального существования создадим стройную партийную организацию, если будем помнить, что каждый должен отвечать за всех и все за одного, если будем уверены, что в нашей среде нет таких, которые пришли разлагать наши коммунистические ряды, — мы сумеем двинуться стройной колонной вперед, и, поверьте, наши заветы, написанные на знамени коммунистов Азербайджана, будут служить той правдой, которая примирит племенную рознь и религиозные противоречия.

Чем более мы будем жестки к своим врагам, тем более жестки мы должны быть в своей коммунистической среде к тем, кто пытается подорвать наше единство. И верьте, товарищи, что рабоче-крестьянская Россия стала великой Советской страной именно потому, что руководящая всей работой коммунистическая партия не представляет собой собрания Петровых и Сидоровых, как отдельных личностей, а составляет единое целое, коммунистическую скалу, которой распоряжается Центральный Комитет партии так твердо и уверенно, как не распоряжался еще ни один военачальник своими армиями.

Пусть не пугают нас те, которые говорят, что мы задохнемся в атмосфере национальной вражды. Мы знаем, что мы располагаем ленинской программой, перед которой не посмеет обнажить меч ни один проклятый дашнак, ни один бесчестный муссаватист, и пройдет немного времени, как эти люди забудут собственные свои имена. *(Громкие аплодисменты и крики «браво!»)*

Если кто-нибудь из них, из дашнаков или муссаватистов, из той или другой партии, попытается набраться смелости и начнет играть на темных религиозных или племенных чувствах, то мы сумеем обойтись с ними так, что не только голоса, а и запаха этих насильников, власть которых проклятием тяготела так долго над Азербайджаном, не будет слышно. *(Громкие аплодисменты, крики «браво!»)*

ТРИ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНУ ¹

I

Тифлис, 20 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Ваши предвидения о моей работе здесь подтверждаются блестяще и на каждом шагу. О том положении, в котором оказалось здесь наше представительство, Вам Чичерин вероятно сообщал.

Достаточно сказать, что до сих пор не изжиты еще самые уродливые формы проявления к нам совершенно своеобразного внимания со стороны агентов грузинского правительства. Эта невероятная «бдительность» привела к тому, что даже такие невинные органы наши, как представительство Наркомвнешторга, оказались не в состоянии вести какую бы то ни было работу: всякий, выходящий из помещения представителя Наркомвнешторга, подвергался задержанию или аресту, или высылке за пределы Грузии. Все мои дипломатические шаги, предпринятые к устранению этого, ни к чему не привели, и я вынужден был заявить категорически грузинскому правительству, что мы должны будем поставить грузинское представительство в Москве в такое же точно положение, в каком находимся мы здесь. И только после этого стало замечаться несколько иное отношение к нам. Много содействовало такому действию грузинского правительства по отношению к нам развитие операций Врангеля. Каждый успех Врангеля вселял здесь большие надежды, и это чувствовалось во всем. Совершенно иное настроение замечается теперь, когда мы так блестяще громим поляков. Особенно сильное впечатление

¹ В 1920 г. после заключения мирного договора РСФСР с грузинским меньшевистским правительством С. М. Киров назначается полномочным представителем РСФСР в Грузии.

Два с половиной месяца С. М. ведет борьбу посредством дипломатических нот и протестов с правительством Ноя Жордания из-за невыполнения последним важнейших пунктов мирного договора, особенно той его части, которая обязывала прекратить преследование коммунистов.

Эти письма написаны С. М. Кировым в бытность его в Тбилиси. Письма печатаются с копий, найденных в личном архиве С. М., с пометкой его рукой: «Письма товарищу Ленину»; на копиях подписи С. М. Кирова не имеется. — Ред.

произвело здесь предложение Керзона открыть мирные переговоры с Польшей. Это и ответ Чичерина на предложение Керзона произвели здесь буквально ошеломляющее впечатление. Грузинское телеграфное агентство, а также Министерство иностранных дел не нашли возможным опубликовать в газетах это сообщение, исходившее от нашего информационного отдела. Директор агентства заявил, что это сообщение «переворачивает все»... Подробно о ходе своих работ здесь я сообщаю Чичерину и сейчас у Вас не буду отнимать время. Скажу только, что, как и следовало ожидать, пункт нашего договора, предусматривающий легальное существование коммунистической партии, оказался не по зубам здешним меньшевикам. Организованные в высшей степени прочно, грузинские меньшевики, освободив заключенных коммунистов и дав возможность остальным объявиться, немедленно предприняли широкие репрессии в отношении партии коммунистов. Пользуясь самыми невероятными, фантастическими предлогами, грузинские меньшевики повели аресты и ликвидацию партии коммунистов, и в настоящее время партия переживает чрезвычайно тяжелый момент: газеты закрыты, ряд организаций ликвидирован совершенно, многие товарищи в тюрьмах, много выслано из Грузии. Тем не менее местные товарищи делают все к тому, чтобы так или иначе продолжить свое легальное существование и ни в каком случае не забираться в подполье. 17 июля одновременно были закрыты обе выходившие здесь коммунистические газеты, сотрудники все арестованы. Сегодня товарищи подают заявление о выпуске новой газеты. Само собой понятно, что на все это я соответствующим образом реагирую. В заключение хотел бы обратить Ваше внимание на необходимость возможно скорее определить наше отношение к Армении. Этот вопрос для нас здесь имеет весьма большое значение. Надежда мусульманских и армянских масс на то, что Советская Россия разрешит, наконец, мучительные для них вопросы, может определенно поколебаться. Я об этом неоднократно сообщал Чичерину, но, очевидно, из наших переговоров с армянской делегацией в Москве пока ничего не выходит. Тем не менее вопрос как-нибудь разрешить надо.

С горячим коммунистическим приветом.

II

Тифлис, 24 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Ваши заветы исполняю в точности. Думаю, что Вы достаточно хорошо осведомлены из докладов Чичерина о здешних делах, поэтому об этом говорить не буду. К настоящему письму я прилагаю статью из одной кемалистской¹ газеты, характеризующую «Отношение мусульман к большевизму». Помоему, эта статья дает довольно точную характеристику того настроения, которое господствует сейчас не только в Турции, но также в Персии и других отсталых странах Ближнего Востока. Я на днях прочитал в «Правде» отчет о Вашем докладе на втором конгрессе III Интернационала о нашем отношении к народам отсталых в капиталистическом отношении стран и думаю, что эта статья будет для Вас иметь кое-какой интерес. В ней, мне кажется, одно из многочисленных подтверждений Вашего блестящего анализа по указанному вопросу.

Не буду отнимать у Вас больше внимания.

С горячим коммунистическим приветом.

III

Р. С. Ф. С. Р.

**НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ПО ИНОСТРАННЫМ ДЕЛАМ
ПОЛНОМОЧНЫЙ ПРЕДСТАВИТЕЛЬ
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ В ГРУЗИИ**

Тифлис, 30 августа 1920 г.

Дорогой Владимир Ильич.

Посылаю Вам резолюции, вынесенные на заседаниях «Анатолийского и Румелийского общества защиты прав». Хотя эти резолюции приняты год тому назад, они имеют и сейчас большой интерес, так как в основе программы дея-

¹ Кемалисты — сторонники вождя турецкого национально-освободительного движения Мустафы Кемаля, ныне умершего президента Турецкой республики. — Ред.

тельности правительства Мустафы Кемаля лежат именно эти резолюции.

Здесь особых новостей нет. Грузинское правительство по-прежнему стоит в раздумье, не зная, куда ему совершенно определенно качнуться — к нам или к Антанте. А тем временем хозяйственная жизнь Грузии расстраивается с каждым днем все больше и определеннее, и весьма уже недалек тот момент, когда Ною Жордания¹ вместе с экзархом² Грузии придется запеть «На реках Вавилонских»³.

С горячим коммунистическим приветом.

¹ Жордания Н.Н. — лидер грузинских меньшевиков, ярый социал-шовинист. С 1918 г. по февраль 1921 г. глава меньшевистского грузинского правительства, заключившего соглашение с Деникиным для совместной борьбы против большевиков. — Ред.

² Экзарх Грузии — титул высшего представителя грузинской церкви. — Ред.

³ Это предположение С.М. вскоре оправдалось. 25 февраля 1921 г. в освобожденный от меньшевиков Тбилиси вошел Ревком Грузии, а правительство Ноя Жордания эвакуировалось в Батуми и оттуда в Париж. — Ред.

1921 год

МНОГОМИЛЛИОННЫЕ НАРОДЫ РОССИИ, ПЕРВЫМИ ВСТАВШИЕ НА ПУТЬ ВЕЛИКОЙ БОРЬБЫ, ПЕРВЫМИ ПРИДУТ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

**Доклад на Учредительном съезде Советов
Горской ССР 18 апреля 1921 года**

Товарищи! Для того чтобы подойти к осуществлению той задачи, которая стоит перед вами, — к созданию новой формы управления, для того чтобы дать основные директивы, основные указания той новой власти, которую вам предстоит избрать на этом съезде, для этого необходимо прежде всего дать себе более или менее точный и ясный отчет во всем том, что происходит сейчас по всей Российской республике. Тут нужно подходить к делу без всякого лишнего теоретизирования, а просто, прямо, непосредственно.

Всякий участвующий в создании новой республики должен знать, насколько прочно, насколько обеспеченно чувствует себя общероссийская рабоче-крестьянская власть. Только при этом условии можно будет смело, без оглядки подходить к разрешению тех миллионов практических вопросов, которые встанут перед вами с завтрашнего дня.

РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКАЯ ВЛАСТЬ УСТАНОВЛЕНА ТВЕРДО

Скрывать не буду: всякий приехавший сюда из своей станции, аула знает, что среди населения много идет разговоров на тему о том, что Советская власть — такая власть, которая за собой особой прочности не чувствует, что очень легко может случиться так, что Советская власть будет сброшена, — в этом направлении ведется агитация среди чеченцев, путают казаков, работают злые языки среди всех народностей Горской республики. Вокруг всякого вопроса, который имеет то или иное политическое значение, создаются сплетни на тему о прочности Советской власти.

Я не буду говорить о том, что происходит в вопросе о так называемом «переселении казаков». Присутствующие здесь казаки об этом знают. Казакам говорят, что центральная Советская власть не только приостанавливает дальнейшее выселение, но будто бы намерена обратно вселить казаков, которые выселены из Сунженской линии. С другой стороны, говорят чеченцам, что всякий из вас, который рискнет переселиться в станицу, который по своей воле это сделает, — этот человек рискует своей головой, что не сегодня-завтра власть перевернется и придется жестоко поплатиться за самовольный захват казачьей земли. Об этом говорить будет специально. Я сейчас напомнил об этом, чтобы лишний раз показать, какая масса разных слухов распространяется в целях подрыва Советской власти.

Здесь, на этом ответственном Учредительном съезде, надо поставить вопрос прямо. Если действительно с прочностью Советской власти дело обстоит не совсем благополучно, нужно призвать все честное, всех, кто идет не за страх, а за совесть за Советскую Россию, чтобы организованно, единодушно выступить на укрепление и защиту рабочекрестьянского государства. А если дело этого не требует, то можно сказать, что мы можем спокойно приступить к нашей созидательной работе.

Естественно, что, живя в аулах, в далеких ущельях, куда не заглядывает никто из центра, куда не попадают газеты, — а если попадают, то часто некому их прочитать, — население питается рассказами шептунов, которым нет другого дела, которые тем только и занимаются, что распространяют всякий вздор.

Для всяких слухов почва у нас в горах чрезвычайно богатая, и мы знаем, что в сравнительно недавнем прошлом приходилось сталкиваться с такими последствиями нашептываний и слухов, из-за которых лилась человеческая кровь, так как люди были одурачены всяким вздором.

Сейчас мы переживаем такой момент, когда можно говорить о совершающемся в стране совершенно открыто, не надо быть особо сдержанным, как это было года полтора тому на-

зад, когда приходилось не всегда все говорить, чтобы население не особенно пугать, чтобы оно не теряло веры в правоту и надежды на успех нашего дела. Теперь ничего этого нет.

Вы знаете, что несколько месяцев тому назад мы закончили последний этап гражданской войны, борьбы с внутренней и внешней контрреволюцией. Побили Врангеля и всех тех, которые претендовали на власть в России, далеко выбросили их за пределы государства. И сейчас у нас, если не считать мелких, едва заметных на территории громаднейшего государства вспышек, можно сказать, что у нас руки совершенно, в полном смысле слова, развязаны. Мы чувствуем себя как власть особенно прочно, настолько прочно, что можем совершенно спокойно кому угодно рассказать, вывернуть на какую хотите изнанку все, что имеем сейчас, и все то, что делается сейчас в рабоче-крестьянском государстве. Мы знаем, что население настолько сроднилось с Советской властью, а мы настолько научились управлять государством, что полная откровенность для нас решительно нестрашна. Мы теперь и на местах и в центре всему населению, в том числе и вам, определенно заявляем, что рабоче-крестьянская власть в России — это не случайность, она не явилась в результате случайно выигранной войны или в результате неоконченной борьбы, которая еще может завтра повернуться иначе. Нет, *это настоящая твердо установившаяся государственная власть.*

Если мы полтора-два года тому назад зывали к нашим окраинам, к тем или иным областям, объясняя, что мы-де в таком-то тяжелом положении, звали на помощь и так далее, то теперь мы этот язык оставили и со всеми этими договорами покончили; теперь мы определенно и твердо говорим, что власть рабочих и крестьян в России это есть *подлинная государственная власть, поддерживаемая миллионами населения, это власть, которая имеет в своем распоряжении достаточно многочисленную и хорошо организованную Красную армию.*

И со всяким, который независимо от племени, национальности, языка и состояния и всего что угодно встанет хотя бы

в малейшее противоречие с интересами рабочих и крестьян России, государственная власть поступит с ним как с врагом рабочих и крестьян.

И разговариваем мы таким тоном и языком не только потому, что мы чувствуем себя прочно, а главным образом потому, что у нас слишком много государственных задач и вопросов, которые стоят перед нами. Если бы у нас было время и была возможность до некоторой степени торговаться с теми или другими группами, тогда иное дело. Но сейчас, в силу наших общегосударственных интересов, всякий день и каждая минута нам дороже, чем все то золото, которым располагает наша Республика, нам торговаться, выражаясь грубо, церемониться не приходится. Мы слишком бедны и слишком заняты; поэтому там, где рабоче-крестьянская власть встречает какое-нибудь сопротивление, там мы действуем решительным ударом и всякое сопротивление, которое мы встречаем в своей работе, устраняем и будем устранять точно такими же приемами, ибо для других приемов у нас нет ни времени, ни возможности.

Как бы ни считали вас отсталыми, вы должны знать и понимать, в каком положении может оказаться государство, которое ведет в течение почти семи-восьми лет войну.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНЫ ПРИВЕЛИ К ХОЗЯЙСТВЕННОЙ НЕУРЯДИЦЕ И ТЯЖЕЛОЙ НУЖДЕ

Вы знаете и помните, что международная война много миллионов людей поставила под ружье, собрала все, что было в государстве, все живое и мертвое — все было двинуто на фронт. И в конечном итоге все, что было создано трудами поколений, было погублено самым безжалостным образом. Миллионы человеческих жизней загублены, загублено несметное количество всяких материальных богатств.

Это было в стране, которая и до того времени далеко не отличалась особым избытком продуктов промышленности, сельского хозяйства и прочего.

Дальше наша страна вступает в период революционной борьбы, снова начинается уничтожение.

Каждый из вас видел, в какие формы выливается гражданская война в смысле уничтожения всяких благ и средств.

Вы знаете, сколько аулов сравнены с землей. Вы знаете, какое количество станиц приведено в расшатанное состояние. Вы знаете, что на железных дорогах нет ни одного нетронутого места, все уничтожалось. Каждый понимает, что в период гражданской войны всякий хозяин не следит уже, чтобы все в хозяйстве было в порядке, чтобы не расхищалось его добро а умножалось, об этом не думали, а всякий думал о том как бы сохранить свою голову и как бы поудачнее бить своего противника. Вот какой философией руководствовались каждый гражданин в период гражданской войны.

Естественно, когда ставится вопрос о жизни или смерти, — человек не щадит ничего, он жертвует всем, вплоть до своей жизни, чтобы выйти из борьбы победителем.

И вот три с лишним года мы вели такую борьбу. Естественно, наше государство за это время понесло очень тяжелые потери.

Не нужно скрывать, — нужно сказать прямо, что мы сейчас находимся в состоянии ужаснейшего обнищания, ужаснейшей нужды во всех отношениях. У нас нет самого необходимого, самого насущного, что в мирной обстановке может понадобиться на каждом шагу. Сейчас вы необходимого не найдете не только в селах, аулах, но даже и в городах. Голод, нужда дошли до крайних пределов. Не могу не вспомнить здесь той картины, которую мы видели в глухом Дагестане или здесь, на Тереке: когда женщине нужно было выйти за водой, то объявлялось, чтобы мужчины сидели дома, не выходили на улицу, ибо женщины выходили за водой в чем мать родила, — им нечем было прикрыть свою наготу.

Вот до каких пределов дошла наша рабоче-крестьянская Россия в смысле отсутствия самого необходимого и насущного.

Это положение сейчас, по окончании гражданской войны, раскрылось перед нами во всей своей наготе.

Таким образом выходит, что внешне в смысле борьбы мы чувствуем себя совершенно обеспеченными людьми. Нас

теперь никто не беспокоит, и будем надеяться, что никто и не осмелится беспокоить.

Но выявляется другой фронт — фронт экономической неурядицы и хозяйственной нужды.

Если дагестанская женщина должна искать случая для того, чтобы, пойдя за водой, не быть под угрозой пытливого и не совсем целомудренного взгляда какого-нибудь молодца, то наши рабочие в России чувствуют себя плохо в другом отношении: временами бывает решительно нечего есть.

Здесь помимо общих причин, последствий жестокой войны, сказывается и то, что население огромной России, миллионы людей далеко еще не целиком втянуты в интересы рабоче-крестьянского государства. Некоторые смотрят еще так: лишь бы у меня в Ардоне было хорошо, а что будет в Иваново-Вознесенске, то это меня не касается. Бывает также вот что: когда нам нужно что-нибудь просить у государства, то оказывается нас полмиллиона, а когда заходит речь о том, чтобы помочь государству спасти от голодной смерти московских рабочих, оказывается у нас населения не полмиллиона, а только двести тысяч. Это говорится не в виде упрёка. Нужду государства надо почувствовать. И если посмотреть ту Красную Армию, которая вчера проходила перед вами такими стройными рядами, когда вы вскрыете душу этой армии, то увидите, чем болеет рабоче-крестьянская армия. И если посмотрите в сердце красноармейца, вы в нем прочтете, что вместе с мужественной стойкостью, которая поражает каждого из людей, это сердце наполнено огромнейшими страданиями. Подчас буквально сгибаются колени под тяжестью ноши, которую они несут на своих плечах. Наша эмблема — красное знамя, которое видим всюду, — не только красного цвета — это знамя буквально насыщено кровью, и нужно быть слепым, чтобы не видеть, как с него широкими ручьями льется настоящая человеческая кровь.

Вот каково положение. Мы хотели бы, чтобы были обеспечены интересы не только угнетенных горских рабочих и крестьян; задача, которая стоит перед нами, это за-

дача освобождения трудящихся всего мира. Об этом нужно говорить совершенно прямо, откровенным языком.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ НА ПУТЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ПОБЕДИТ РАЗРУХУ

Нужно сделать так, чтобы все наши съезды представляли собою коллективную, общую работу и чтобы они приняли несколько иной характер и давали другие результаты, чем те, которые были до сих пор. Мало того, чтобы собраться, принять резолюции и разойтись. Нужно почувствовать себя хозяином всей нашей государственной семьи, нужно, чтобы все, что будет сделано и записано на этом съезде, действительно являлось обязательным, как коран для правоверного магометанина. И нужно с оружием в руках карать как врага Советской власти человека, нежелающего выполнять те обязанности, которые написаны на знамени нашей революции. Мы теперь всегда и всюду стараемся дать населению совершенно неприкрашенную, яркую характеристику всего того, что про. исходит в нашей Республике. Мы говорим, что власть нужна такая, которая справится с самым опасным фронтом в Республике — фронтом нужды: нам нужна власть рабочих и крестьян. Несмотря на всю нашу отсталость, некультурность, неумение работать, слабую практику в области государственного управления, несмотря на это, мы, несомненно, если захотим, сумеем расшевелить многомиллионные массы рабочих и крестьян, сумеем заинтересовать каждого в судьбе своего государства. И мы, несомненно, выйдем из этого трудного положения.

Всякий из вас на примере своего хозяйства знает, что тут не хватает этого, там недочет в том, кто-то собирал, кто-то ремонтировал, но каждый чувствует, что всему этому скоро будет конец, что нужны новые источники, нужны новые ресурсы, которые бы дали широкий государственный размах работе, чтобы все машины завертелись, чтобы все то, что сейчас мертво, заснуло — фабрики и заводы, — чтобы они зашевелились. И чтобы этого достигнуть, центральная Советская власть в данный переходный момент, когда от войны мы переходим к другой работе, к осуществлению других за-

дач, вовсе не желает изображать из себя сатрапа, который сидит наверху и ничего знать не хочет; она, наоборот, протягивает руки к населению и старается вызвать в нем желание работать и инициативу. Мы, учтя момент и взвесив прошлое, решили установить отныне такие приемы управления, чтобы дать возможность более широким пластам народа подняться к участию в государственной работе. И здесь, когда вам будут докладывать о нашей продовольственной работе и земельном вопросе, вам скажут, что разверстка, замененная налогом, означает не только новую форму продовольственной политики, но открывает совершенно новую хозяйственную полосу вообще.

Мы хотим сделать так, чтобы население, сознающее нужду государства, понимающее задачи государства, имело развязанные руки и получило возможность вкладывать в свое хозяйство все то, чем оно располагает.

Мы все, конечно, за Советскую власть и уважаем коммунистическую партию и во всех наших резолюциях все клятвенно заверяем в своей готовности содействовать проведению тех огромных задач, которые стоят перед нами; но когда тот или иной гражданин приходит домой, для него его хозяйство становится выше всяких хозяйственных интересов Республики. Так будет еще до тех пор, пока мы не научимся жить по-коммунистически.

Государственная Советская власть понимает, что тут насилием взять нельзя, что нужно действовать так, чтобы найти другой выход, найти точки соприкосновения между интересами рабочих и крестьян.

С этой стороны и нужно рассматривать новую продовольственную политику. И мы полагаем, — по крайней мере в России мы уже это чувствуем, — результат этой политики будет хороший. Крестьянские массы это учли, и их не особенно доброжелательные отношения теперь резко изменились, они снова идут плотными, твердыми рядами с рабоче-крестьянским правительством.

Мы полагаем, что на окраинах эта политика также даст свои благоприятные результаты.

Во всяком случае то, что намечается в этой области, и то, что отчасти уже сообщалось, это должно быть принято отнюдь не как какая-нибудь уступка или как результат неуверенности Советской власти в том, что она прочна; это отнюдь не означает, что мы — новые соглашатели и соблазняем кого-то своими уступками, чтобы добиться большей устойчивости. Это вздор. Новая экономическая политика диктуется вовсе не этим, а тем, чтобы создать большой интерес у большего количества населения к государственной работе, к укреплению нашей страны, к умножению материальных, экономических богатств рабоче-крестьянского государства.

Так обстоит дело у нас внутри страны. И мы думаем, что эта новая политика даст много новых возможностей дальнейшего укрепления рабоче-крестьянского государства.

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ СУМЕЕТ СУРОВО РАСПРАВИТЬСЯ С ТЕМИ, КТО ПОПЫТАЕТСЯ ПОЙТИ ПРОТИВ НЕЕ

Все то, что здесь рассказывают о кронштадтских событиях, о широких волнениях, которые происходят в России, — это вздор.

Мы знаем, как во многих аулах изображались Кронштадтские события: будто бы дело доходило до того, что пора складывать рабочим и крестьянским представителям свои пожитки и бежать в дикие ущелья. Нет. То, что было, то ушло безвозвратно. То, что произошло в Кронштадте, было действительно самым настоящим, вооруженным бунтом: Кронштадтское «правительство» возглавлялось бывшими царскими генералами, руководилось нашими политическими противниками — меньшевиками и эсерами, все это было, и была самая настоящая драка, отчасти происшедшая потому, о чем я говорил, — слишком тяжело и голодно в центре. Люди под влиянием ежедневной нужды очень легко поддаются на всякие авантюры.

Но кончилась эта авантюра печально не для нас, а для тех, кто хотел пошатнуть рабоче-крестьянское государство.

И если Советская власть очень часто прибегает к широким уступкам трудовым слоям населения, то она в то же

время жестоко наказывает за измену, где бы она ни происходила, хотя бы и в Кронштадте. Горцы должны почувствовать и понять, что всякие новые попытки в этом направлении будут оканчиваться тем же, чем окончилось в Кронштадте. Горский народ был отрезан от нас еще совсем недавно огромным фронтом, на котором стояли враги, вооруженные с ног до головы и снабженные лучшей современной военной техникой, всеми теми чудовищами, вроде танков, которые вам вчера показывали. Это ведь их техника! Если и в то время горцы смотрели с огромной надеждой на ту власть, которая сидела чуть ли не в одной Московской губернии, то теперь не имеется основания сомневаться, что мы можем хотя бы на одну йоту почувствовать себя непрочно. Всякий, кто встретит в ауле у себя какого-нибудь агента, шептуна, вроде Ахмета Цаликова¹, который попробует нарисовать ему картину возможного возврата к прошлому, пусть плюнет этому человеку в глаза и предложит оставить все несбыточные надежды.

Прошлое ушло в историческую вечность. И каждый, к какой бы партии и группировке он ни принадлежал, должен твердо и определенно сказать себе: *Советская власть есть и будет, в этом нечего сомневаться.*

Нет такой силы и возможности внутри рабоче-крестьянской России, которая могла бы не только сбросить, а хотя бы только поколебать власть в этом огромном государстве. Поэтому все те, у кого есть истинное и искреннее желание укреплять рабоче-крестьянскую власть, те должны на это отдать все свои силы, а тот, кому эта власть наступает на мозоль, — должен смириться. Если же она кого-нибудь задевает слишком, тот должен как-нибудь сжаться. Другого выхода нет. Если барашек нужен Советской власти, то, как ни перекрашивайте его в черный цвет, она его возьмет, если только барашек не пойдет сам и на своем бараньем языке не заявит, что принадлежит Советской власти.

¹ Цаликов А. Т. (Ахмет) — помощник присяжного поверенного, осетинский меньшевик, буржуазный националист. В 1921 г. — член контрреволюционного Азербайджано-Северокавказского комитета, образовавшегося в Тбилиси, ставившего своей целью борьбу против большевиков на Кавказе. После советизации Грузии эмигрировал за границу. — Ред.

Наша задача и задача населения всех республик, входящих в огромную Советскую федерацию, сводится именно к тому, чтобы везде и всюду, приехав в аулы, собравши стариков и молодых, прямо сказать: «Хорошо ли, плохо ли, полагается по шариату или не полагается, — Советская власть никуда не уйдет. Единственный способ избавиться от Советской власти — это последовать примеру Чермоева, Джабагиева, Цаликова: забрать все, что есть, и направиться в отдел пропусков и взять пропуск на проезд, сначала поехать в Грузию, потом дальше куда-нибудь, за пределы нашей огромной РСФСР. Если душа не терпит, то надо постараться переломить себя, — будет легче, так как рано или поздно мы приведем все в советский порядок».

Теперь, по окончании гражданской войны, мы чувствуем себя твердым государством, которое может и имеет право разговаривать с каждым, как с сыном одной огромной семьи, где никаких раздоров и междоусобиц поднимать нельзя. И что это действительно так, об этом свидетельствует не только то, что мы вам заявляем здесь и имели честь докладывать, — об этом так же думают и наши противники, наши враги.

НАШЕ ВНЕШНЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ УПРОЧИЛОСЬ

Прочность всякого государства зависит не только от того, как внутри дело обстоит, но зависит и от того, как смотрят на него соседи.

Вы хорошо знаете, что было время, когда у нас здесь было несколько государств, от Базоркино нельзя было проехать в Ольгинское¹, потому что там уже было другое государство. Так было недавно.

То же самое представляла и наша Республика. Она была окружена со всех сторон бандитами, которые имели огромное желание каждый день и каждую минуту наброситься на рабочих и крестьян России. Если это перевести на время, то выйдет, что полгода мы воевали с отечественными врагами и три года воевали с иностранной контрреволюцией, ибо белогвардейцы все для войны получали от Антанты. Оттуда все шло.

¹ Базоркино — ингушское, Ольгинское — осетинское селения, расположенные в километре друг от друга. Здесь были наиболее ожесточенные столкновения между ингушами и осетинами в 1918 году. — Ред.

Теперь мы посмотрим, как сейчас о нас думают в Западной Европе. Вы знаете, Европа нас за государство не считала и делала все, чтобы завоевать Советскую Россию, бросала на это большие деньги и т. д. А теперь, когда пришлось барону Врангелю, не как библейскому, а как новоявленному маленькому Ною, сесть в ковчег и выехать за наши пределы, наше положение стало настолько приличным, так что мы ходим сейчас по Европе, как и всякий там живущий.

Раньше мы, чтобы провезти туда хотя бы одного человека посмотреть, как живут в буржуазном мире, брали массу пропусков и документов, и нельзя было все-таки проехать, чтобы не быть где-нибудь арестованным.

Сейчас ничего подобного нет. Сейчас представители рабоче-крестьянского государства в Европе во многих местах если не первые люди, то приняты в «самом хорошем обществе». Если вчера они считались «бандитами» и опасными, которых нельзя допускать в буржуазные страны, то теперь ничего подобного нет. Сейчас с ними разговаривают таким языком, на котором принято говорить с представителями организованных твердых государств. И там, где нам не открывали двери вчера, сегодня — «почет и уважение», не боятся, что ты коммунист, что ты большевик, который устроил беспорядок в России. С нами разговаривают как с представителями огромной организованной страны. Даже когда мы делаем какую-нибудь неосторожность и даем повод вмешаться в наши дела, этого вмешательства не происходит. Антантовские пароходики, скользя мимо Черноморского побережья во время недавних событий в Грузии, только для приличия дали несколько залпов по железной дороге, проложенной по берегу, — и дело ограничилось. А раньше, если грузинское правительство сказало бы: «Пойдемте бить большевиков», если бы меньшевики закричали о помощи, то вся Европа стала бы им помогать, очередь устроила бы, чтобы помогать бить русскую большевистскую Красную Армию. Теперь эта мода прошла. Теперь Европа все чаще и чаще посылает таких людей, которые разговаривают не винтовками, а дипломатически ведут переговоры во фраке и белых перчатках, как полагается в буржуазных государствах.

НЕТ СЕЙЧАС ТАКОГО БУРЖУАЗНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, КОТОРОЕ МОГЛО БЫ ХОДИТЬ СПОКОЙНО, ПО БЕЗОПАСНОЙ ДОРОЖКЕ

Это происходит вовсе не потому, что мы выцвели, побледнели, легче стали брать на поворотах, чтобы не свалиться под откос автомобилю, на котором едет русский пролетариат. Нет, мы какими были, такими и остались. Так же будем заниматься тем делом, которым занимались, вести борьбу за интересы трудящихся и будем помогать освобождению всех угнетенных и обиженных на всем свете. Изменились не мы, изменилось положение нашего противника, самой Антанты. Если вчера Антанта представляла из себя нечто могущественное и грозное на земном шаре, то теперь от такой Антанты не осталось и следа. И теперь об этом антантовские бабушки рассказывают как о прошлом.

Прежде по малейшему мановению английского адмиралтейства английский флот запирали все выходы и входы великой Советской страны. Теперь ничего не выходит. Всякий приказ наталкивается на то, во что сейчас уперлись главные бандиты на международном поприще — руководители буржуазной Англии. Эта страна исстари славилась тем, что прекрасно была всех на морях и называлась «владычицей морей». Последняя война показала, что она не менее могущественна и на суше. Теперь эта могущественная страна, которая дирижировала всем миром и задавала тон, от которого до сих пор очень солоно, — она сейчас стоит перед вопросом своего собственного существования. Миллионы английских рабочих забастовали самым настоящим, самым безжалостным в отношении буржуазии образом, — эта штука может легко привести к тому, что в Англии произойдет революция. И скрывать не станем: несмотря на то, что мы как бы узаконили главу английского правительства — Ллойд-Джорджа (он для нас в высокой степени заманчивая персона), недавно заключили с ним договор, — но все-таки «торговать» с рабочими нам приятнее, чем якшаться с антантовской буржуазией. Пророчествовать не стану, но возможность такого поворота не исключена. Об этом говорит и знает само английское правительство, которое и день и ночь занято тем, чтобы собрать надежные воинские

части английской армии, поставить их во все уголки государства, чтобы в каждую минуту быть готовым верным ударом расправиться с бастующими рабочими. Удастся это или нет — я не знаю. Но, во всяком случае, государство, которому приходится ставить одну часть населения против другой, это государство переживает очень невеселое время.

У нас таких вещей не бывает. А там, где рабочие напирают на буржуазию, мы там приложим свои руки самым настоящим образом. (*Аплодисменты.*) Мы бастующим английским рабочим скажем: поможем всем, чем можем. Люди мы небогатые. Все, что от нас зависит, сделаем, но главное — посоветуем вам: поставьте дело так, чтобы ваша коммунистическая партия, которая у вас есть, повела бы вас вперед, ибо только она может вывести вас из тяжелого положения. Если, бросив работу на заводах и фабриках, станете ходить заложив руки в английские штаны и ждать, то так у вас ничего не выйдет. Дождетесь того, что было с ленскими рабочими в 1912 году, о чем мы вспоминали вчера. Это дело не подходит. Если остановите английские фабрики и заводы и шахты будут заливать водой, конечно, буржуазия не будет на вас смотреть и, конечно, будет бить. Чтобы не дожидаться этого момента, есть один исход: как в Октябрьскую революцию, взять инициативу в свои руки, подойти, развернуться и хлопнуть самому, действовать так, как это у нас было в Октябрьскую революцию. Приехали в Петроград — такой-то полк — за нас, такой-то — против. Мы видим, что с той стороны, у Керенского, не твердо. Одни говорят: «соглашательством действуйте», другие — «уступками». Нет, таким моментом надо пользоваться. И мы начали наступать. Из Питера тогда вся буржуазия стала катиться на юг и на север. Такое положение сейчас по всей Европе. Нет такого правительства, которое могло бы ходить совершенно спокойно, по безопасной дорожке. Всякое правительство в Европе сейчас ходит по канату, балансируя, как бы не сломать себе голову. Это не слова, а действительность. Об этом свидетельствует то, что происходит в Англии, что наблюдается в Германии. То, что было у нас во времена керенщины, — примерно то же сейчас в Германии. Если слышим: «могущественная культура, огромное государство»,

— это вздор. Теперь этого нет. Это было в старой Германии, а сейчас в Германии что ни область, то и свое особое положение, все держится на вооруженной белогвардейской солдатчине и больше ни на чем. Даже и в Англии все старые дружины теперь лопаются и трещат. Таким образом, то изменение отношений к нам, которое произошло в Европе, совсем не объясняется тем, что мы стали более причесанными и выцвели за эту гражданскую войну. Если понадобится, покраснеем еще больше, но не побледнеем ни на йоту. Это мы заявляли всегда. *(Аплодисменты.)*

С Англией плохо. Дома у английской буржуазии неблагополучно. Пока они занимались Российской республикой и смотрели за рабоче-крестьянской Россией, вместо того чтобы посмотреть у себя дома, они свои дела просмотрели, так как дом-то оказался разоренным. И теперь, что ни день, все начинает разваливаться по всем швам. От прежнего авторитета не остается и следа. Дело дошло до того, что на предложение персидского правительства вывести войска Англия отвечает: «С полным нашим удовольствием». *(Аплодисменты.)*

Если недавно те же английские генералы успешно заправляли войной против Мустафы Кемалья на турецком фронте, то теперь настолько изменилось положение, что турецкая делегация принята в Лондоне и начинаются деликатные переговоры. Дело дошло до того, что кемалисты бьют по носу Антанту, а несчастным грекам настолько плохо, что они растрепаны совершенно. *(Аплодисменты.)*

При таких условиях ничего другого не остается, как стать на путь переговоров, которые уже начались с турецким правительством. Политика хождения по канату сейчас заставляет Антанту искать дружественных отношений и устанавливать торговую связь с теми, с кем они вчера воевали, кого хотели уничтожить. Хорошо, отвечаем мы, если придет к нам паровоз из буржуазной Америки, мы купим и скажем: «С полным удовольствием». *(Аплодисменты.)* Наши советские рельсы его выдержат. Подписывая с нами договоры, страны Антанты знают, что одновременно мы устанавливаем дружественные отношения с врагами Антанты — с правительством Ангоры, которое, конечно, ближе нашему советскому сердцу, ибо

борется с нашими врагами за свое освобождение. (*Аплодисменты.*) И Антанте приходится мириться с этим, так как выхода у нее нет. Это лишь доказательство того, до какого состояния европейские государства доведены: им приходится молиться и корану, и евангелию, и чему угодно. Главная наша задача была в том, чтобы с мертвой точки сдвинуть европейский порядок, и мы его нарушили несомненно. Весь европейский лоск покрыли самым настоящим нашим «азиатским» налетом, и не сегодня-завтра трещины, которые продолжают углубляться нашими договорами и нашими братскими отношениями с западноевропейскими коммунистами, еще больше увеличатся. Таким образом все приводит к тому, что Антанта разваливается. Нет уже больше былой стройности, нет того величия. Напрасно страны Антанты поклялись защищать друг друга до последней капли крови. Клятву пришлось нарушить. Каждый сам себя защищай. Поучителен пример маленькой Грузии, которая попала в самое трудное положение, и Антанта должна была бы встать по всем правилам на защиту ее от грузинских рабочих и крестьян, так как Грузия является членом Лиги наций. Если теперь английским рабочим придется взять за торло Ллойд-Джорджа, Париж не отзовется, а скажет: «Как-нибудь сами справьтесь, так как у нас здесь тоже плохой ветер дует и с каждым днем и часом у нас, в нашей мировой столице, все более популярным становится коммунист». Вот какое положение сейчас в Европе. Таким образом, если мы говорим, что внутри у нас вопиющая нужда в самом необходимом и жизненном, то в смысле политическом рабоче-крестьянское государство прочнее, чем любое государство Европы, и можно сказать, что мы живем в самом счастливом, обеспеченном государстве.

Кто-то из буржуазных представителей Европы сказал, что в Советской России можно наблюдать смену одного наркома другим и третьим и все-таки в России проводится одна политическая линия. Ничего подобного нет ни в одном европейском государстве. Там идет правительственная чехарда, вызываемая обостряющейся борьбой между капиталом и трудом. Эта борьба принимает такой характер, что хотя нет открытых вооруженных столкновений, но те, которые находятся

во главе государств, сидят не крепко. Со времени, когда стал признанным факт существования рабоче-крестьянской страны, ломаются все министерские кресла Западной Европы.

НЕ УПУСКАЯ НИ ОДНОЙ МИНУТЫ, ЗАБОТИТЬСЯ ОБ УКРЕПЛЕНИИ РАБОЧЕ-КРЕСТЬЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА

Сейчас наша задача внутри страны — добиться того, чтобы всякий честный и порядочный человек, который понимает хотя немного больше того, что есть у него под носом, сознательно относился к строительству рабоче-крестьянской власти. Все должны понять, что сейчас нужно не упускать ни одной минуты, возможно дружнее и храбрее подойти к нашему фронту нужды, потому что от этого будет зависеть не только удовлетворение собственных экономических интересов каждого трудящегося, но это и перед лицом европейских государств поможет нашим интересам. А мы знаем, что существование Советской власти в одном оазисе — России — полностью и окончательно обеспечено не будет, а в то же время каждый лишний день нашего прочного существования расшатывает Европу.

Советская Россия самым фактом существования ведет агитацию среди всех народов, и всякий, кто в Европе упомянет о нас, о том, что Россия первая подняла знамя мировой революции, тем самым покоряет сердца рабочих и, несмотря на старания бандитов в Кронштадте, агитирует за нас, указывая, что все же в Кремле сидит Совнарком.

Народ в Европе видит и знает, что рабочие и крестьяне России крепко держат власть в своих руках. Это в России, самой некультурной стране, рабочие и крестьяне не только взяли власть, но и правят государством свыше трех лет. Враги говорили, что правят какими-то особыми приемами: грабят, режут, насилуют, глотают живых кроликов и умирают голодными. Но оказывается, что и в нужде и в радости поют «Интернационал» и верят в правоту своего дела. Очевидно, на русских рабочих клеветают, так как они вовсе не звери. Этого достаточно, чтобы Европа революционизировалась.

Теперь нам нужно не только подписывать торговые договоры, но и делать все, чтобы содействовать укреплению рабоче-

крестьянской власти, и, как прежде мы все несли на фронт войны, теперь нужно нести на фронт хозяйственной нужды.

По мере того как мы будем побеждать на этом последнем фронте, перед нами все шире и шире будут открываться двери к нашей конечной цели. Для всемерного содействия борьбе на фронте хозяйственной нужды мы решили использовать все возможности не только внутри нашей страны, но и вне ее.

Мы не задумаемся заняться торговлей, «спекуляцией» в международном масштабе. Мы посылаем для этой цели всюду нашу советскую агентуру. Мы объявили свободными для входа иностранных торговых судов все наши советские порты, куда могут иноземные торговцы привозить любые товары, за которые мы будем платить золотом, сырьем, которым располагаем в изрядных размерах.

Идем мы и дальше: можем дать под разработку иностранным капиталистам огромные нетронутые лесные пространства, залежи угля и прочее.

Для нас все равно, куда они будут отправлять это сырье. Куда угодно, в любую страну! Только бы не попасть нам в новое рабство, только бы скорее видеть и там, в Европе, красное знамя, раздвинуть фронт борьбы, которая закончится победой труда над капиталом.

Капитал Европы, конечно, против нас, но тем не менее и капиталистам не так весело, как это принято думать: им также приходится изощряться, искать выхода, — сказываются последствия продолжительной войны и хозяйственное истощение в результате ее.

Мы сейчас находимся в такой стадии существования, когда вскрываем все возможности к укреплению рабоче-крестьянского Советского государства: мы заключаем торговые соглашения с капиталистическими странами, мы даем возможность проявить инициативу всей огромной массе крестьянства, которая еще не может воспринять коммунистические идеалы, которая укрепляет свое собственническое мелкобуржуазное хозяйство. Как бы ни был ответственен и труден тот момент, который переживает Советское государство, мы все же имеем и много возможностей для того, чтобы начать со всех сторон обогащать и укреплять Советскую Россию. Возможность развер-

нуть настоящие широкие творческие силы рабочих и крестьян нашей страны мы имеем полную. *(Аплодисменты.)*

Каждый наш успех будет немедленно отзываться в Европе и на Востоке. На нас смотрели с полной безнадежностью и думали, что как только в России окончится гражданская война и рабочие и крестьяне примутся за восстановление разрушенной промышленности и сельского хозяйства, тогда мир будто бы увидит, какие большевики безнадежные хозяева.

Нам нужно сейчас как можно скорее показать, что мы способны не только разрушать, но умеем и созидать, а это явится огромным плюсом в деле освобождения трудящихся. *(Аплодисменты.)*

НА ПУТИ В ЦАРСТВО СОЦИАЛИЗМА

Задача наша поставлена. Наш последний партийный съезд совершенно откровенно вскрыл и перетряхнул весь хлам. Оказалось, что мы приехали к мирной гавани очень усталыми. Но мы установили, что в огромной, многомиллионной России, для того чтобы осуществлять те священные заповеди, которые имеются на всех языках, и идеалы лучших умов человечества и подлинных защитников угнетенных, — для этого в России еще найдутся силы.

Наступает новая эра, когда царство небесное строится здесь, на земле, созидается братская жизнь. Мы поставили Россию на верный и надежный путь, и, идя по нему, мы скоро получим подкрепление с разных сторон и, несомненно, победим.

Многомиллионный трудящийся народ, вышедший на свободную социалистическую дорогу, не может, если бы даже и захотел, повернуть назад и надеть цепи рабства, которые с таким трудом разбил.

Многомиллионный народ, открывший новые горизонты, как бы он ни устал, он хочет жить и радоваться, он идет к счастью, и ничто не вергнет его в анархию.

Этот народ первым вышел на путь великой борьбы и первым придет в царство социализма.

(Продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию.)

О ШАРИАТЕ

Речь на Учредительном съезде Советов Горской ССР
21 апреля 1921 года

Товарищи! Я немного времени отниму у вас только для того, чтобы дать некоторый отвод не совсем точному толкованию отношения Советской власти к вопросу, который долго и слишком горячо дебатировался здесь сегодня.

Дело в том, что горячность эта совершенно понятна потому, что между нами, носителями рабоче-крестьянского красного знамени, и многомиллионным Востоком наши противники стараются вбить клин, часто спекулируя именно на этом вопросе — на вопросе о шариате.

Как мыслим мы это дело?

С первого дня мы заявили, как мы относимся к религии. Во что каждый верует, этого мы ни с какой стороны не касаемся. Можно молиться, верить и надеяться на что хочешь; это первое положение установлено нами давно.

Что такое шариат — все вы знаете. Если бы весь вопрос сводился только к религиозной стороне дела, все было бы просто. Но тут затрагивается другая область — область общего управления.

И вот маленькие справки из той области, как Советская власть смотрит на этот вопрос.

Что такое Советская власть? Это такая власть, которая должна быть в полном смысле слова властью рабочих и крестьян. Управлять может крестьянин и рабочий и каждый выбранный ими, лишь бы эта власть была такой властью, которая народу, рабочим и крестьянам, была понятна и близка от начала до конца, и все то, что наполняет Советскую власть было бы целиком и полностью воспринимлемо и непосредственно было бы годным для этих широких трудящихся масс.

Отсюда вывод. Раз это так, — а это несомненно так, — то не придумать власти рабочих и крестьян, которая была бы по методам своей работы одинаковой для всех народов.

Если мы будем по одному шаблону строить наши суды, — о чем говорилось здесь, — естественно, из этого реши-

тельно ничего не выйдет. Это совершенно определено и понятно. Отсюда, с этой трибуны, ответственные представители Советской власти вам не раз говорили: «Если вы желаете судиться по шариату — судитесь по шариату: это дело ваше» — в том смысле, что, очевидно, только такая форма суда в данном случае понятна народу. Только на основании такого судопроизводства для известных групп национальностей, живущих здесь, Советская власть будет понятна, доступна и может быть ими воспринята.

Вот как просто стоит для нас этот вопрос. И только то, что в старое время сплошь и рядом этот вопрос принимал здесь совершенно неправильную, уродливую форму, привело к тому, что здесь товарищи из отдельных национальностей подходили к нему несколько сгоряча.

Никоим образом наша коммунистическая партия никогда не собиралась устанавливать какого-либо контроля над вашим шариатом. Это дело ваше. Коммунистическая партия не касается этого вопроса ни с какой стороны.

Те новые формы вашей внутренней жизни, которые намечаются здесь, должны отвечать двум требованиям: чтобы власть трудящихся, бедноты была глубоко понятна народным массам — это раз, с другой стороны — чтобы все ваше устройство и какие угодно учреждения и новые суды служили на пользу и для укрепления рабоче-крестьянской власти. Вот два требования, которым и должна отвечать Советская власть, где бы она ни была — в Москве, в Назрани или Константинополе. Только при этих условиях мы сумеем осуществить те общие идеалы, которые нами здесь развивались так долго, в течение всего съезда.

Мы вовсе не стараемся вести какой-то экзамен религии, Это ваш мир. Еще повторяю, это дело не касается нас. В этом смысле я мог бы привести целый ряд фактов из советской практики, и все их так или иначе знают.

Здесь один из делегатов заявил: тут как будто все предлагается, что нужно нам, но чувствуется определенное недоверие к нам и какая-то, как он сказал, дипломатия. Это буквально его выражение.

Этот человек не может понять самого простого. Я скажу, что никакой дипломатии нет. Пусть он присмотрится, что делается среди его единоверцев в Турции. Мы видим, что, турецкий народ раскололся пополам. Получилось константинопольское правительство, которое продано Антанте, — там существует свой шариат, и знаем другое правительство, анатолийское, где во главе стоит Мустафа Кемаль, — там тоже шариат. Очевидно, шариат служит народам или группам людей, но не наоборот.

Основное требование к форме судопроизводства, которая интересует вас и которая здесь устанавливается, мною уже изложено.

Мы заявляем: устраивайте это дело как угодно, ибо это дело ваше, только не должно быть отступлений от работы на пользу укрепления рабоче-крестьянского государства.

Больше решительно ничего не нужно, и вся наша «дипломатия», о которой говорил здесь т. Измайлов, сводится именно к этому.

Он говорил: «Если дадите шариат, то дайте целиком и полностью».

Но что такое «целиком и полностью»? Вот здесь-то мы и видим самую форменную, настоящую дипломатию. У нас в смысле устройства рабоче-крестьянской власти на местах нет ни малейшей дипломатии. Вся дипломатия сводится к тому, что независимо от племени, языка и верования нужно создать прочные советские основы жизни. Если под сенью шариата или чего другого разовьют агитацию, враждебную Советской власти, — верно с этим мы будем бороться, антисоветские группы разгоним, будем и впредь всегда разгонять.

Это наша задача. Я не знаю, может быть, многие, принадлежащие к разным верованиям, нас не понимают, но мы такими уже родились и не умрем, а будем жить и развиваться в дальнейшем. Берите нас, какие мы есть. Я думаю, что всякий, на какой бы точке зрения он ни стоял, нас поймет в конце концов.

Те резолюции, которые завтра предложат здесь в окончательной форме, должны быть поняты так, что единственная дипломатия, которую мы преследуем, — это осво-

бождение всех угнетенных национально и экономически в пределах Горской республики. Если эту заповедь принимаете, то мы говорим дальше: в области религиозной делайте что хотите. Это не касается нас.

И дальше мы говорим: создавайте свои школы на вашем родном языке, на каком языке хотите — это ваше дело. Если хотите устраивать суды на своих основаниях, — делайте это как вам угодно. Никакого контроля коммунистическая партия не может и не должна наводить в этом отношении. Но помните, что все эти формы жизни, и школы и все организуемые нами институты, должны стремиться к одному — чтобы укрепить здесь власть рабочих и крестьян.

Приведу такой пример: предположим, завтра волею Христа или Магомета поднимется генерал Деникин и пойдет в суд шариата и отдаст себя на волю революционного правосудия. И этот шариатский суд (я, правда, этого не допускаю), вместо того чтобы сделать усекновение генеральской головы Деникина, окружит его ореолом мученика, — такого суда ни один рабочий и крестьянин, преданный настоящей власти, не допустит.

Однажды ингуши, обсуждая вопрос о грабежах и разбоях, в своем постановлении сказали так: судите грабителей судом шариата, но по закону Военно-революционного трибунала. Это то самое, что действительно нужно для укрепления рабоче-крестьянской власти.

Напрасно упрекали нас, что здесь какая-нибудь дипломатия. Единственная дипломатия наша заключается в том, чтобы возможно больше дать средств для укрепления власти вашей, трудящейся бедноты. Но переворачивать советский аппарат для того, чтобы он служил прикрытием черных воронов, врагов наших, этого мы не потерпим. В Москве была такая обстановка, когда в Кремле часы на башне играли «Коль славен наш господь», а теперь часы играют наш коммунистический «Интернационал». Мы не знаем и не хотим знать, как мыслят сидящие под куполами этих башен, но «Коль славен...» играть им не позволим. А религия — их дело. Это — собственное их дело, и только.

Пусть в душе какой-нибудь архиепископ и не стоит за Советскую власть и пусть мысленно поет контрреволюционные мотивы, но когда это выльется наружу, когда получится угроза государству, тогда мы будем никуда негодными если не предупредим это зло.

Если благодаря автономии, шариатскому суду и попытается развязать руки контрреволюция, мы тогда скажем: этот шариат не годится. Если шариат потребует, чтобы сегодня взяли меня за глотку, меня, как представителя рабоче-крестьянской власти, — я, как и Советская власть, умирать не хочу, защищаться буду, и уже тогда разрешите взять за горло того, кто собирается душить Советскую власть. Как видите, философия очень простая.

Вы знаете, что мы допускаем шариат для укрепления власти трудящихся. Как вы это сделаете — этот вопрос ни с какой стороны нас не интересует. Это ваше дело. Пройдет время — будет подлинный коммунистический рай. Но все же это не значит, что все на земном шаре во всех отношениях будут острижены под одну гребенку. Возможно, что человечество очень и очень нескоро заговорит на одном общем для всех языке.

Если такая точка зрения кое-кем считается неудобной и кое-кто думает, будто бы мы вам не доверяем, а разыгрываем дипломатию, то это говорит о том, что есть среди вас такие элементы, которые хотят воспользоваться вопросом о шариате, чтобы поссорить собравшихся здесь. Могут сказать: «Мы просили шариат, но с нами разыграли дипломатию». Это говорит о том, что есть элементы, которые недовольны Советской властью вообще.

Здесь утверждается рабоче-крестьянская власть бедноты. Тут нужно прямо и твердо сказать, а не кивать на какую-то дипломатию, если кто недоволен, что Советская власть идет в защиту рабочих и крестьян и решительным образом требует создавать такие органы, которые укрепили бы ее как в центре, так и на окраине.

Совершенно неправильно говорили, что Советская власть пошла на уступки и прочее. Здесь никаких уступок

нет. Здесь просто союз отдельных национальностей. И мы вовсе не такие дураки, извините за грубость, что, придя в совершенно новый для нас мир, стали бы навязывать вам то-то и то-то. Скажем, если бы мы приехали в Чечню и сказали бы: «Разговаривай только по-русски», это покажется смешным. Также смешно показалось бы, если бы мы пришли и сказали: «У вас есть шариат, а у нас в Москве никакого шариата нет. Бросьте ваш шариат и берите нашу московскую форму суда, а свою бросьте».

Чеченский язык плох или неплох, я не знаю: язык как язык, каких много; и если вам угодно устраивать ваши судебные учреждения — устраивайте как хотите, но помните одно: не пойте на чеченском языке «Боже, царя храни», хотя бы на чеченском или другом языке — мы этого не допустим. *(Аплодисменты.)*

То же самое надо сказать и о шариатском судопроизводстве. Если будут восстановлены в ваших судебных руководствах старые законы и старые положения и если вместо портрета товарища Ленина в помещении суда будет висеть портрет Николая II, извините, такое помещение должно быть запечатано при всем нашем уважении к шариату. *(Аплодисменты.)*

Вопрос о шариате — тот же самый, как и вопрос об языке. Нам все же было бы приятно, если бы, проходя в школах все науки на чеченском языке, для укрепления власти рабочих и крестьян ученики интересовались бы тем, что написано в нашей рабоче-крестьянской азбуке, интересовались бы рабочей и крестьянской мудростью и — в лучшем случае — мудростью коммунистической.

Когда ингуши в Назрани задали мне вопрос, как мы смотрим на религию, я им сказал: «Эти мечети кто разрушил? Найдите хоть одну мечеть, которая разрушена была бы представителями рабоче-крестьянской власти или нашей Красной Армией. Этого вы не укажете».

И после этого здесь говорят о каком-то недоверии, о каком-то политическом подвохе. Это вздор, это форменная ерунда. Рабочие и крестьяне, будь то татарин или русский,

кто угодно, они не могут подходить дипломатически к рабочим и крестьянам других народов.

Мы идем в этом вопросе совершенно открыто. Никакого тайного замысла здесь нет. Если кто путает и нас и вас, — это безусловно наши общие враги, которым выгодно воспользоваться религиозным моментом и начать сеять рознь, затормозив съезд, чтобы он разделился, и тем попытаться сорвать рабоче-крестьянскую власть.

Это вздор. Между рабочими и крестьянами всех национальностей и всех горских народностей никакой дипломатии не существует. Если мы ловкие дипломаты в отношении контрреволюции, то обманывать бедноту — чеченцев, ингушей, осетин — рабочих и крестьян — это значит обманывать самих себя.

В тех резолюциях, которые здесь будут предложены шариатистами и коммунистами, особой разницы не будет — мы договоримся; а всех остальных, которые хотят нас запугать, без всяких сомнений выгоняйте и продолжайте дело укрепления власти рабочих и крестьян.

Давайте создавать более близкие вам формы рабоче-крестьянского общежития, и, надеюсь, вы сделаете это здесь подавляющим большинством съезда.

Мы умышленно просили открыть по этому вопросу прения, чтобы сказать не только о нашем понимании шариата, а сказать также: когда приедете на места, то скажите, что все было сделано соответственно вашим чаяниям и нуждам трудящихся.

Приступайте к окончательной постройке такой рабоче-крестьянской власти, в прочности которой не сомневался бы ни один из делегатов, хотя бы он был сторонником шариата.

1922 год

РЕЧЬ НА I СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ СОЮЗА СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

30 декабря 1922 года

Товарищи! Товарищ Сталин в своем докладе сегодня сказал, что настоящий день является днем торжества новой, рабоче-крестьянской России. Товарищи, я не знаю, как относятся к этому те, которые живут близко к главному источнику Советской власти и коммунизма — в Москве, но я ручаюсь, что все те рабочие и крестьяне, которые пришли сюда с отдаленных окраин, они как нельзя больше торжествуют в сегодняшний день. У нас у всех в памяти старая Россия. Мы знаем основную заповедь царского режима: гнет, унижение, национальная травля. Мы помним, как нам еще в детстве пели песни о том, что там, на далеких и диких окраинах, живут какие-то безумцы, которые занимаются, как, например, чеченцы, только тем, что неустанно ползут на берег и точат свой кинжал. Вы помните, как все делалось для того, чтобы отдельные народности стонали под сапогом, торжествовавшим тогда в России. И только теперь, только спустя пять лет, мы получили полную возможность собраться в единое целое, в единую братскую семью. Жадно раскрывая друг другу объятия, мы в сегодняшний торжественный день произносим: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»

Я думаю, что этот день должен быть ознаменован нами так, чтобы остался живой памятник совершающегося сейчас. Я думаю, что не пройдет много времени, как нам станет тесно в этом прекрасном, блестящем зале. Я думаю, что скоро потребуется для наших собраний, для наших исключительных парламентов более просторное, более широкое помещение. Я думаю, скоро мы почувствуем, что под этим огромным куполом уже не умещаются великие звуки «Интернационала». Я думаю, что скоро настанет такой момент, когда на этих скамьях не хватит места делегатам всех республик, объединен-

ных в наш Союз. Поэтому от имени рабочих я бы предложил нашему союзному ЦИКу в ближайшее время заняться постройкой такого памятника, в котором смогли бы собираться представители труда. В этом здании, в этом дворце, который, по-моему, должен быть выстроен в столице Союза, на самой красивой и лучшей площади, там рабочий и крестьянин должны найти все, что требуется для того, чтобы расширять свой горизонт. Я думаю, что вместе с тем это здание должно являться эмблемой грядущего могущества, торжества коммунизма не только у нас, но и там, на Западе.

О нас много говорят, нас характеризуют тем, что мы с быстротою молнии стираем с лица земли дворцы банкиров, помещиков и царей. Это верно. Воздвигнем же на месте их новый дворец рабочих и трудящихся крестьян, соберем все, чем богаты советские страны, вложим все наше рабоче-крестьянское творчество в этот памятник и покажем нашим друзьям и недругам, что мы, «полуазиаты», мы, на которых до сих пор продолжают смотреть сверху вниз, способны украшать грешную землю такими памятниками, которые нашим врагам и не снились.

Товарищи! Может быть, этот момент послужит лишним толчком к тому, чтобы европейский пролетариат, все еще спящий в большинстве своем, все еще не уверенный в торжестве революции, все еще сомневающийся в правильности тактики коммунистической партии, чтобы он при виде этого волшебного дворца рабочих и крестьян почувствовал, что мы пришли всерьез, навсегда, что идеи Советской власти, идеи коммунизма проникли так же глубоко, как сверла бакинских рабочих вонзаются в землю.

Может быть, тогда они поймут, что настал, наконец, такой момент, когда надо потряхнуть проклятую капиталистическую землю так, чтобы все, что гнуло нас в течение веков, было сброшено в бездну истории. И на этом новом, румянном, красном, революционном земном шаре мы, трудящиеся, родившиеся в жалких хижинах, дружными, стройными рядами пойдем из этих жалких хижин в волшебные дворцы с великим гимном Интернационала.

1924 год

ЛЕНИН И РАБОЧИЙ КЛАСС

**Речь на открытии партийного клуба
Бакинской организации
22 апреля 1924 года**

Товарищи! Вы знаете, что говорить о жизни незабвенного Ильича — это то же, что говорить о жизни и движении русского пролетариата. Так тесно переплелась вся личная жизнь Владимира Ильича с судьбами русского рабочего движения.

Ровно 54 года тому назад на берегах великой русской реки родился человек, которому суждено было потрясти весь мир. В это время рождался также застрельщик мировой революции — русский рабочий класс.

Ленин рано обнаружил данные вождя мирового пролетариата. Уже с ранней юности он проникается теми идеями, которыми отдал всю свою жизнь.

Есть интересные воспоминания Марии Ильиничны о том, что, когда был казнен старший брат Ленина, эта роковая весть потрясла его. И не потому, что это был его старший брат. Он видел ошибки в деятельности народовольцев — партии, к которой принадлежал казненный. Но эта казнь не могла не повлиять на выработку мировоззрения Ильича. Получив эту весть, он сказал: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Уже в то время он намечал новые методы революционной борьбы пролетариата. К 25 годам Ильич так знал Маркса, как мы еще не знаем его и до сих пор.

ПРОВИДЕЦ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Уже тогда путь и исход борьбы были для него ясны — этот путь говорил, что только захватом власти революционным пролетариатом начнется перестройка человеческого общества на новых, коммунистических началах. Но 30 лет тому назад еще никто так не думал и когда появились первые книги Ильича, многим стало ясно, что в будущем он развернет все силы своего обширного ума.

Уже с тех пор Ильич начал завоевывать прочное руководящее положение в революционной среде. Он был гений прежде всего. Он был гений и в отношении силы воли. Трудно найти равного ему по характеру.

И своей дорогой он шел уж не так «просто». В оценке же окружающих его людей он был беспощаден.

Постепенно он вырастает в вождя мирового пролетариата. Если проследить историю партии, то видно, как давно уже он приобрел авторитет.

МАРКС И ЛЕНИН

Маркса он знал от корки до корки. Он всегда и неизменно возвращался к великому учению и в нем он черпал свои силы и свои откровения. Он был великим последователем Маркса.

Целая эпоха отделяет друг от друга этих людей. При Марксе только зарождалась борьба с капиталом. Ленин же жил в эпоху, когда революционный пролетариат уже сложился в класс. Ленин развил учение Маркса. В применении марксизма он сочетал широту русской натуры с американским практицизмом.

ТЕОРЕТИК И ПРАКТИК

Когда Ленин руководил 150-миллионным народом, в особенности крестьянством, ему помогал его практицизм.

Сочетание глубочайшего теоретика с не менее глубоким практиком сделало из него огромного, необычайного революционера, какого еще не видал мир.

Ленин прекрасно знал этапы развития капитализма в России. Он видел небольшую кучку пролетариата и огромную массу крестьянства. Уже в 1905 году, когда многие из нас теряли голову при развертывавшейся буржуазной революции, Ильич ясно поставил вопрос о крестьянстве. И мы поняли, что у нас должно быть государство рабоче-крестьянское. Необходимость рабоче-крестьянского союза глубоко врезалась в наше сознание. Ильич не сомневался ни на одну минуту, что подлинными носителями социализма могут быть только рабочие, вместе с тем он пришел к выводам, что пролетариат не может один совершить революцию, что он может ее осуществить в союзе с крестьянами.

ЛЕНИН И ВОСТОК

В деятельности Владимира Ильича следует отметить его интерес к угнетенным национальностям Востока. И в вопросе об угнетенных национальностях Ильич нам дал не меньше откровений, чем в других областях.

Если русский мужик называет Ленина отцом, то люди желтой, черной и всех рас с неменьшим правом также называют его отцом. В масштабе мировой борьбы за социализм он учел огромную армию Востока.

Мы видим громадное движение в странах Востока, где капитализм только развивается. Только гениальный Ильич мог предвидеть, что Восток может стать революционным. В этом его огромная заслуга.

ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ

Все, кто знал Ильича, могут констатировать факт, что империалистическая война сильно повлияла на развитие его мировоззрения. В то время социал-соглашатели Гильфердинг, Каутский и другие утверждали, что война оправдается, что она создаст какую-то новую эпоху для демократии. И только Ильич отнесся глубоко отрицательно к этой мерзкой бойне. Он определенно заявил, что капитализм хочет утопить в крови революционное движение европейских рабочих. Тогда его голос был одинок. Но уже в Циммервальде он находит сторонников. Никто, как Ильич, не разоблачал эту войну. Он делал все возможное, чтобы она была последней. Он говорил: *мир погибнет, если не повернет своих штыков против своих угнетателей.*

От этого у меньшевиков волосы становились дыбом. Но воля Ильича не знала препятствий. Теперь мы видим, что его гениальная тактика была плодотворна. Уже тогда, уходя с меньшевистских дискуссий, Ильич говорил, что в момент захвата власти пролетариатом меньшевики будут по ту сторону баррикад. Он не ошибся. Тогда же создавались гнусные легенды о германском золоте, запломбированном вагоне и т. д. Но Ильич твердо ковал свои заповеди против войны и выковал то, что называется III Интернационалом.

ЛЕНИН — ОРГАНИЗАТОР ПАРТИИ

История нашей партии есть история жизни и деятельности Ильича. В деле создания Российской коммунистической партии (большевиков) он показал себя как великий организатор. Наши враги, соглашаясь, что у Ленина светлый ум, отнимали у него организаторские способности.

Его умение предвидеть, огромная энергия и настойчивость его непримиримость в борьбе с оппортунизмом дали ему возможность организовать величайшую в мире партию. Наши враги за границей отлично учитывают, что самый злейший враг их — это наша организация.

В нашей партии много твердых людей, но таких, как Ленин, не было. Вступавшим в Коминтерн он диктовал жесткие условия. Он сумел создать колоссальный авторитет нашей партии.

Настанет пора, когда извлекут из архивов документы, где зафиксирована гигантская работа Ильича. Но есть и другие документы, говорящие об Ильиче, как о великом провидце. Он предсказал империалистическую войну и Февральскую революцию. Когда же настал февраль, Ильич писал, что зреет другая революция, которая поведет рабочих и крестьян против английского и французского капитала. Он не ошибся.

Можно сказать, что изучение международного революционного движения — это есть изучение самого Ленина.

ЧЕЛОВЕК И ТОВАРИЩ

Скажу несколько слов о Ленине как о человеке. Более сердечного человека никто из нас не встречал. Он был многогранен. Он находил ключи к сердцу каждого из нас. Был ли такой член партии, который не знал бы его сердечности!

В кругу товарищей он видел всех насквозь, но этого не показывал. Он всегда был доступен и общителен. С рабочими и крестьянами он подолгу мог говорить о мелочах. Даже наши враги были очарованы Ильичем.

Никто не знал так человечество, как он, и только этим можно объяснить его революционную смелость.

СОХРАНИМ В ПАРТИИ ДУШУ ИЛЬИЧА

Ленин умер. Но уйдя от нас в могилу, он только вчерне успел закончить гигантскую работу.

Он заложил фундамент будущего социалистического строя. Каждый из нас, выросший в коммунистической партии, чувствует руководящую руку Ильича.

И если мы сумеем сохранить в партии душу Ильича, то мы доведем его постройку до конца. Нам все же теперь уже легче. У нас надежный, проверенный партийный компас, и мы дорогу найдем.

Ильич говорил нам: идите вперед и вперед, чтобы зверский капитализм больше не бросал на поля сражений рабочих и крестьян.

Из его наследства мы создадим ленинизм. Только один путь к будущему — изучение ленинизма.

Проникнемся же вдохновением нашего вождя, возненавидим всеми фибрами нашей души все, что порабощает и оскорбляет человека.

**Из книги «Товарищ Киров.
Рассказы рабочих, инженеров, хозяйственников,
ученых, колхозников и детей о встречах с
Сергеем Мироновичем Кировым»**

КАК ОРЕЛ

Царское правительство разжигало вражду между 28 народностями Терека. Племена враждовали, пролетариат был малочислен, большевистские организации еще слабы. Это затянуло дело победы Октября на Кавказе.

Впервые я узнал Кирова после Февральской революции. Он выступал у нас в железнодорожных мастерских, где я в то время работал. Мы выставили тогда требование «долой войну» и устроили демонстрацию. Веселый, бодрый Киров шел впереди нас. Вдруг исчезает. Смотришь, а он через несколько минут уже с какой-нибудь крыши или забора кричит: «Долой войну, да здравствует мир!»

В советах Владикавказа первое время большевики сидели вместе с меньшевиками и эсерами. Решался вопрос, кто победит: передовой отряд пролетариев — большевики — или холопы буржуазии — меньшевики и эсеры. Киров вел с ними самую непримиримую борьбу. Он выступал на митингах, собраниях, и всегда его речи производили такое громадное впечатление, что аудитория, иногда даже настроенная против большевиков, слушала его с затаенным дыханием, не прерывая, и принимала большевистскую резолюцию.

Когда шли выборы в Учредительное собрание, меньшевики усердно уничтожали наши плакаты, расклеенные в городе. Тогда Киров пришел в малярный цех железнодорожных мастерских и сказал рабочим:

— Берите кисти и краску. Пойдем агитировать!

Все засмеялись, одобряя хитрую выдумку против меньшевиков, взявших под особый надзор городские заборы. Ведь краску не скоро смоешь!

Через день на всех заборах города красовались лозунги, призывающие голосовать за большевиков.

Партийная организация Владикавказа насчитывала в то время в своих рядах лишь около ста человек. Но это был боевой отряд большевиков, которым талантливо руководил Сергей Миронович. Он проводил на Тереке ленинско-сталинскую национальную политику. Он повел угнетенные мелкие нации, десятки лет враждовавшие между собой, к самостоятельной государственной жизни. Он воспитывал из них борцов против терско-дагестанской казачьей контрреволюции, за диктатуру пролетариата.

О. Цап

Киров создал у нас на вагоноремонтном заводе после Февральского переворота ядро из надежных товарищей. И пошла у нас работа. Я помню, как он собрал первое собрание большевиков в прокатном цеху нашего завода. Он призывал нас к борьбе с меньшевиками, которых на заводе было немало. Он не пропускал у нас ни одного рабочего собрания и помогал нам, учил нас, как разоблачать меньшевиков.

Как-то в Прикашинском клубе Киров выступил после одного меньшевика. Он всегда выступал последним. Первые его слова так и врезались в память. «Меньшевики и буржуазия, — сказал он, — идут под ручку по одному пути, они хотят закабалить рабочий класс. Взяв власть себе, они затопят рабочий класс в крови». И он оказал: «А нас хотя сейчас и мало, но завтра и послезавтра будет много».

На другой день — митинг на вагоноремонтном заводе. Тут Киров выступил еще сильнее, Тогда мы подняли его на руки и пошли в город.

После этого меньшевики у нас боялись выступать. Боялись разжигать рознь между ингушами и осетинами. Киров сейчас же вражду эту усмирал. Он, как орел, выступал, не боялся ничего.

После митинга на вагоноремонтном заводе он беседовал с группой рабочих. Некоторые из нас предложили: Кирову быть осторожнее, остерегаться возможных нападений из-за

угла меньшевиков и контрреволюционеров. Мы просили его беречь свою жизнь.

— Смерти я не боюсь. Но я должен добиться того, чтобы все рабочие окончательно стали на большевистский путь, — так ответил нам Киров.

М. Одинцов, П. Пруцков, Раменский

В октябрьские дни 1917 года на заседании Владикавказского совета рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов Киров делал доклад об Октябрьском перевороте и боях в Петрограде.

Собравшиеся с жадностью ловили каждое слово его пламенной речи, и только взрывы восторга и аплодисментов прерывали его.

Киров ярко нарисовал перед нами картину взятия Зимнего дворца, борьбу с юнкерами и женскими «батальонами смерти» и закончил так: «Отныне мы ставим на повестку дня построение социализма в России». Тут выступил один меньшевик (фамилию его я забыл, военный врач, капитан). Этот меньшевик успел только сказать: «Киров неправ, поставив нас на одну доску с контрреволюцией». Больше ему говорить не пришлось. Крики: «Долой, тащи его, бей предателя!» — полетели со всех сторон. Его буквально стащили с трибуны. Стоявшие у окна матросы кричали: «Давай его сюда!» Только вмешательство Кирова и Орахелашвили остановило рабочих, озлобленных предательством меньшевиков.

Терский казачий атаман Караулов с помощью меньшевиков и эсеров готовил расправу над рабочими Владикавказа. Воинские части были под влиянием меньшевиков и выносили резолюции о верности Временному правительству. Требовались величайшая энергия и такт, чтобы создать перелом в настроениях войск. И эту огромную работу выполнил Киров.

Выступая в воинских частях, он разбивал доводы меньшевиков и своими пламенными речами разжигал солдат и казаков, которые выносили большевистские резолюции против министров, против капиталистов и изгоняли меньшевиков и эсеров из своих комитетов.

О. Пекарский

СЪЕЗД В МОЗДОКЕ

На улицах Владикавказа были расклеены плакаты: «Смерть большевикам! Смерть Кирову и Орахелашвили!» (Орахелашвили был председателем совета).

После открытых боевых докладов приехавшего из центра Кирова контрреволюция мобилизовала свои силы и сделала попытку разогнать Владикавказский совет депутатов и союзы. Были произведены аресты, но большевики-осетины с керменстами освободили арестованных членов совета и союзов¹.

В городе начались грабежи, стрельба по улицам днем и ночью, в области горско-казачья война принимала угрожающие размеры. Станицы казачьи, как крепости, были окружены рвами. В селениях и аулах ингушей, чеченцев и осетин дни и ночи шли перестрелки.

Чтобы прекратить всеобщую анархию и повернуть массы по революционному руслу в сторону большевиков, партийные организации Терека решили принять участие в Моздокском народном съезде.

Казачий комитет терско-дагестанского правительства созывал в это время съезд для того, чтобы организовать и объявить войну казаков и иногородних против горцев, ингушей, чеченцев и этим отвлечь революционные массы от борьбы за диктатуру пролетариата, за признание советской власти. Об этом было цинично и открыто сказано в воззвании моздокского «военно-революционного комитета» и внеочередных выступлениях на съезде полковника Рымаря, Пятирублева и есаула Бичерахова, которые предлагали, чтобы съезд отдал распоряжение об общем наступлении на чеченцев и ингушей.

¹ «... почти в начале революции в Осетии возникла политическая партия «Кермен», названием которой послужило имя легендарного осетинского героя, всю жизнь боровшегося со своими помещиками. Программа этой партии в общем, ни в чем не расходится с программой большевиков. Влияние партии «Кермен» огромно. Едва ли можно найти селение, где бы не было членов ее. В последнее время партия «Кермен» решительно выступила на борьбу с помещиками и кулаками, которые прогонялись керменстами со своих земель вооруженной силой».

От редакции. Это примечание взято из статьи С. Кирова «На берегах Терека», напечатанной в «Правде» 2 июля 1918 года.

Группа большевиков и революционно настроенных казаков и горцев съехалась в Моздок и жила вместе с Кировым (их было более тридцати человек) в отдельном вагоне на станции. В этом вагоне было принято решение: отколоть иногородних и часть революционных казаков, повести за собой кабардинцев и балкарцев по вопросу земельному и по отношению к Совету народных комиссаров, Докладчиком по текущему политическому моменту был выдвинут Киров.

Ю. Бутягин

Съезд открылся 25 января 1918 года.

Чтобы успешнее бороться с контрреволюционным казачеством, Мироныч вместе с Ноем Буачидзе и Юрием Фигатнер организует блок, объединивший всех съехавшихся в Моздок представителей социалистических партий.

Блок повел за собой горскую и казачью бедноту и «иногородних». Так назывались крестьяне центральных губерний, осевшие в станицах на положении арендаторов казачьей земли. Вкупе с блоком они составили, правда, далеко не подавляющее, большинство, которое заставило, однако, прекратить наступление.

На съезде были свои «левые», которые организацию блока рассматривали как соглашение с мелко-буржуазными партиями, и чуть ли не как измену революции. Они не успокаивались, они настаивали на «чистоте принципов» и, пытаясь джигитовать впереди истории, подали в президиум заявление партийных и беспартийных делегатов о немедленном провозглашении советской республики.

Мироныч отвечал им:

— В Терской области положение запутано. Терская область разбита на несколько частей, ведущих между собой кровавый бой. Между Терской областью и севером стоят контрреволюционные полчища и банды. И пока они не будут разбиты, нам нельзя ждать помощи с севера. Нам надо рассчитывать на свои силы и задушить контрреволюцию. Если мы не создадим здесь крепкого революционно-демократического фронта, наше дело здесь будет загублено.

Съезд принял предложение Мироныча и Ноя Буачидзе о создании народной власти, власти трудовых крестьян, казаков и горцев. В декларации съезда к народам области были изложены задачи народной власти в вопросе о земле, о национальных отношениях, об организации власти и по рабочему вопросу.

Мироныч горячо поздравил съезд с избранием народного совета:

— Теперь у нас, — говорил он, — власть советов— власть рабочих, солдат, горцев и казаков. Среди новых избранников есть люди, на нотах которых еще не зажили кровавые мозоли от цепей, которые они носили на каторге во имя свободы народа. Новые избранники поведут народы области по пути заветных народных стремлений. При поддержке трудящихся новые избранники спасут область от анархии и братоубийственной войны.

Дзахо Гатуев

А за спиной Моздокского съезда казачий совет не переставал вести контрреволюционную работу. Ежедневно до нас доходили провокационные слухи о том, что чеченцы и ингуши громят иногородних, обстреливают казачьи станицы, что много убитых и т.п.

В ход были пущены все средства, чтобы разжечь шовинизм и спровоцировать съезд на резню.

Твердо и четко руководя съездом, Киров все время разоблачал контрреволюционную политику казачьих верховодов. Он упорно направлял внимание съезда на большевистское разрешение вопроса о земле, на провозглашение национального мира, на организацию власти трудящихся народов Терека.

На одно из последних заседаний съезда ворвались пьяные, вооруженные винтовками, возбужденные провокацией казаки и потребовали выступления на фронт, в противном случае угрожая перебить всех.

Им отвечал Киров. Вероятно, это была одна из самых сильных, потрясающих его речей. Стушевались буйствующие казаки. По предложению Кирова съезд немедленно вызвал полковника Рымаря и потребовал от него объяснения

причин мобилизации вооруженных казаков и предложил сейчас же, не выходя со съезда, дать приказ о роспуске казаков по домам.

После некоторого упорства Рымарь дал этот приказ. Съезд избрал народный совет Терской области, провозгласил национальный мир и послал делегацию из разных национальностей в разные концы Терской области для приглашения делегатов на съезд, который в целях советизации масс решили созвать в Пятигорске.

В. Тронов

Блестящие выступления Кирова на Моздокском съезде, его изумительный талант трибуна революции будили, звали на борьбу трудящихся горцев, казаков, рабочих. Один седой, старый горец, помолодевший после речи Сергея Мироновича, легкой поступью горца взобрался на трибуну съезда и в своей отрывистой гортанной речи клялся в преданности делу рабочего класса, советской власти.

Незабываемы образы страстной и мощной речи Кирова на заключительном заседании, когда он призывал делегатов съезда до последней капли крови бороться за свободу. Он привел красивую древнюю легенду о Прометее как олицетворении свободы, прикованном к скале на вершине Казбека, чье истерзанное тело неустанно клюет орел. И молодые и старые, и горцы, и казаки, и рабочие вскакивали с мест и в неудержимой страсти к победе над вековой тьмой кричали на разных наречиях свой привет большевикам, Ленину и скромному оратору, который звал их на борьбу за освобождение человечества.

Съезд голосовал в своем подавляющем большинстве за предложение большевиков и послал телеграмму Совету народных комиссаров — Ленину, приветствующую Октябрьскую революцию и власть советов. И теперь уже не десятки, а сотни агитаторов разъехались по аулам бороться за дело, начатое Лениным. Эти агитаторы проникали глубоко в станицы, аулы, леса и горы и всюду собирали делегатов на съезд в Пятигорск.

Н. Гикало

«Всем, всем, всем...

Происходивший в Моздоке с 25 января по 1 февраля (старый стиль. — Ред.) общеобластной съезд казаков, рабочих, солдат, крестьян, кабардинцев, осетин и балкарцев объединил все трудовое население.

Для ликвидации начавшейся гражданской войны и спасения края от разрастающейся анархии съезд постановил создать объединяющий все трудовые слои населения без различия национальностей областной орган народной власти — Терский народный совет. В состав совета вошли на пропорциональных началах представители всех национальностей. Чеченцам и ингушам, с которыми происходят кровавые столкновения, в Народном совете предоставлено соответствующее количество мест. Войсковое правительство Терского казачьего войска сложило свои полномочия. Съездом принята декларация, в которой изложена программа разрешения главных вопросов: земельного, национального, рабочего — в духе программы съезда советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Над пробуждающимися народностями Терского края загорается заря новой жизни. Соединившись в одну семью, народности области шлют братский привет всей демократии России. Мы верим, что органы, выдвинутые революционной демократией, помогут стране, помогут народу изжить кошмарные дни и завершить дело мира и объединения всех трудящихся. Сбрасывая путы Юго-восточного союза, созданного контрреволюционными замыслами, народы Терской области становятся в ряды революционного фронта России для защиты свободы и возрождения родины.

Ст. Минеральные воды».

Такую телеграмму разослал Народный совет, избранный Моздокским съездом. Составлял ее Киров.

В конце 1917 года на «Минеральные воды» приехал отдельным вагоном из Пятигорска атаман Караулов. Выйдя на площадку вагона, он начал говорить с толпой, указывая, что в анархии виновато не терско-дагестанское правительство, а совдепы, где сидят большевики, и что он как представитель

6 Государственной думы сумеет с терскими казачьими частями водворить порядок и выместит всех красных из Терского края. Озлобленные солдаты и горцы откатили вагон в тупик и там расстреляли Караулова.

А Киров сам объезжал все аулы, и мы с ним ночевали даже у ингушей, особенно враждебно и недоверчиво относившихся ко всем другим национальностям. Больше того, когда Киров приезжал в аул, в знак уважения для него резали барашка. Весь аул обегался смотреть на Кирова, на «почетного старика», — так звали его почти все двадцать восемь народностей, населявших Терек. А «почетным стариком» у кавказцев зовется лишь тот, кто пользуется исключительным уважением, у мусульман — тот, кто не меньше пяти раз ходил в Мекку. А тут «почетный старик» — молодой энтузиаст-большевик.

Ю. Бутягин

В СТАНЕ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Местопребыванием Народного совета был избран Пятигорск. Съезд поручил Совету созвать в Пятигорске 16 февраля вторую сессию съезда трудовых народов Терской области и добиться присутствия на съезде ингушских и чеченских представителей. Контрреволюционеры упорно пытались сломить волю бедноты к единству. На первых заседаниях съезда каждый день и каждый час взрывались бомбы внеочередных заявлений о том, что ингуши и чеченцы якобы все еще нападают на казаков, все еще убивают, все еще грабят.

Мирные делегации ингушей и чеченцев первые дни отсутствовали: они пробирались через фронты.

На пятый день съезда — 20 февраля — Мироныч делал свой замечательный доклад о «текущем моменте». Как струя расплавленного металла, лилась его речь. Она заполняла зал, зачаровывая слушателей. И кто бы они ни были — друзья или враги, они не могли противостоять беспощадной, простой и властной его логике.

«...Если на Моздокском съезде мы мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты республики рабочих, солдат, крестьян, казаков и горцев, то теперь мы должны сплотить

наши силы для еще большего торжества этого лозунга»,— говорил он.

«...И если мы безжалостно хотим отбросить все контрреволюционные силы, то мы должны вновь подтвердить наше единение, нашу братскую общность, священный, я бы сказал, революционный союз. Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цепь гордых скал явится той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня за-таенных надежд истинных сынов демократии».

Как море, шумел зал, провожая уходившего за кулисы Мироныча. Опустившись на некрашеную скамью, он курил, глубоко и вкусно вдыхая табачный дым.

А на трибуне сменяли друг друга ораторы. И хотя по-разному говорили они, ясно было одно: несокрушимый Мироныч сказал им большую и ясную правду.

Когда один за другим суровой вереницей вошли в зал приехавшие на съезд ингуши, настала торжественная насто-роженная тишина.

И у Мироныча прерывался голос, когда он приветст-вовал их.

«...Мы знаем, что наши враги теперь мобилизуют все силы, ибо теперь для них настает смертельная минута опас-ности: они видят, что мы вышли на торную и верную дорогу строительства нашей новой жизни.

...Но мы знаем, что раз наша семья стала полной, то ни бури извне, ни ветры, поднимающиеся внутри, нам не страшны...»

Так говорил он, и буря аплодисментов сопровождала его пламенные слова.

От Чечни через казачьи кордоны сумел пробраться лишь один Асланбек Шерипов¹.

«Замечательный орел прилетел к нам из чеченских уще-лий», — сказал про него Мироныч.

Дзахо Гатуев

¹ *Шерипов* — неполный герой Чечни, погиб в горах в 1919 году в отряде Гикало.

Киров предложил съезду в полном составе переехать из Пятигорска во Владикавказ, с тем чтобы захватить областной центр и оттуда проводить мирную национальную политику, укреплать власть советов на Тереке.

Смелость этого предложения захватила всех. И съезд переезжает в город — центр контрреволюционного терско-дагестанского правительства, куда сбежались располагавшие большими вооруженными силами казачьи полковники и остатки белогвардейских офицерских частей.

Переезд съезда был исключительным маневром. Ведь если все двадцать восемь национальностей Терека в один кулак соберутся, то никто не устоит.

Съезд выехал из Пятигорска в марте 1918 года. Наш эшелон был украшен красными знаменами с лозунгами: «Вся власть — советам!» На каждой станции участников съезда приветствовали трудящиеся. Там, где на пути следования эшелона еще не было советской власти, она создавалась.

И вот делегаты Народного съезда, встреченные выстрелами из домов, в которых засели офицерские банды, построившись в одну колонну, с пением «За власть советов», под прикрытием рабочих дружин проходят через весь Владикавказ в кадетский корпус, где и открывают свою сессию.

Владикавказ кипит. Казачьи полковники организуют провокационные восстания. Одна станица пошла войной против другой, осетины столкнулись с ингушами.

Идет бой, есть раненые, убитые.

Съезд заседает. Вдруг дикие вопли мужчин и женщин. Огромная толпа заполняет двор кадетского корпуса. Впереди, у самого крыльца, — арбы двухколески, а в них голые трупы осетин с отрезанными ушами. Нет большего надругательства на Тереке! Это контрреволюционеры провоцировали делегатов ингушей и осетин. Как реагировала на это фракция осетин? Конечно, тут же кинжалы были вытащены из ножен.

Ю. Бутягин

Когда трупы убитых осетин были привезены на двор корпуса, где заседал съезд, необычайное возбуждение охватило делегатов съезда. Казалось, что сейчас же начнется кровопролитие.

Тогда перед разъяренной толпой появляется Киров.

— Кто сделал это гнусное дело? — спрашивает он. — Ингуши? Да, ингуши. Но какие ингуши? Эти ли вот, члены народного съезда, которые добиваются новой, светлой жизни для всех трудящихся, или другие, те, которые слепы еще от старых обычаев, которым враг вложил в руки кинжал и послал убивать соседей и братьев? Пусть Народный совет поручит мне, человеку, которого вы знаете, и представителям народов, у которых нет с вами вражды, пойти на фронт, остановить бой и привести делегатов с фронта на съезд, и тогда мы рассудим, кто прав из них, кто виноват.

И Киров с четырьмя членами съезда поехал по открытому полю туда, где свистели пули.

На Кавказе убить парламентаря — позор. Но в то время ненависть и насилие были так велики, что и обычаи не соблюдались.

Ехать на фронт было очень опасно. Но иначе не примирить воюющих. И Киров поехал не задумываясь.

В. Тронов

Делегаты съезда выехали в селения Базоркинское и Ольгинское в тот же день. С ними Мироныч.

Делегаты условились, что на следующий день, добившись прекращения стрельбы, они встретятся с представителями воюющих сторон на поле между двумя линиями окопов и договорятся о мире. Киров шел вместе с Каламбековым, который нес белый значок парламентаря. Когда они перешли линию осетинских окопов и оказались в открытом поле, началась стрельба. Каламбеков упал, насмерть раненый пулей.

— Сначала я подумал, что это недоразумение, — рассказывал потом Мироныч. — Я вытянул вверх полупальто и растянул на нем носовой платок, чтобы дать знать всем, что я парламентар. Но они продолжали стрелять. Тогда я улегся в между.

Но, несмотря ни на какие трудности, Киров не оставляет своей деятельности по прекращению кровопролитной бойни между ингушами и осетинами и добивается того, что пред-

ставители враждующих селений пришли на съезд, где их и заставили примириться.

Дзахо Гатуев

В квартире Кирова, которая по существу была боевым штабом, всегда можно было застать чеченцев и ингушей. Горцы любили и уважали Кирова за его простоту, доступность и умение ободрить человека.

На съезде горских народов Киров сказал:

— При царском режиме художники буржуазии интересовались кавказскими горами потому, что над ними красиво реяли свободные орлы. Но они не замечали вас, орлов, живущих у подножья этих гор со связанными крыльями.

Много сделал Киров для горцев. Даже в самых далеких, глухих аулах замученная царскими опричниками крестьянская беднота всегда восторженно произносила имя «Кира», как звали здесь Сергея Мироновича.

Заур Шерипов

ЛЕГЕНДЫ ЧЕЧНИ

Ночь. Буря. Гроза. Наш автомобиль застрял в горах.

Что делать? Располагаемся у автомобиля, и, чтобы скоротать время, Асланбек Шерипов, чеченец, пулеметчик германской войны, а сейчас большевик, один из многочисленных соратников-учеников Кирова, рассказывает нам чеченские легенды.

В это время, гонимое бурей, к самым нашим ногам подлетает перекасти-поле. И Шерипов рассказывает нам случай из быта Чечни:

«Два молочных брата, — абреки — любили одну девушку. Девушка никак не могла сделать между ними выбора, И вот братья решили — кто из них на всем скаку остановит коня ближе к краю обрыва, тот получит девушку в жены.

Все селение участвовало в разрешении этого спора. Брат, копыта лошади которого отпечатались на самом краю обрыва, получил девушку в жены.

Время шло. И вот раз, когда братья после очередного набега ночевали в горах, холостой убил женатого во вре-

мя сна, не подумав, что у того растет уже сын. Была буря, гроза. Перекати-поле подкатилось к самым ногам убийцы. Перекати-поле — вестник несчастья. И убийца, трепеща, зарыл тело брата и сделал высокий курган над его могилой.

Жене он рассказал, что брат погиб в схватке с казаками. Время шло. Жена брата стала его женой, мальчик подрастал и стал также абреком.

И вот раз им обоим пришлось заночевать в горах.

Буря застигла их у того самого кургана, где был похоронен убитый. К ногам убийцы буря приносит перекати-поле. Он вспоминает пережитое, свой страх и ночью во сне рассказывает историю убийства. Сын убитого подслушивает эту историю и мстит убийце смертью за смерть...»

Помолчав, Шерипов добавляет:

— А теперь этот абрек стал большевиком...

Мироныч слушает с большим вниманием. Ему нравятся легенды Чечни. И он требует от Шерипова:

— Эти легенды надо обязательно записать. Возьмись за это дело. Я сам берусь их отредактировать. Тут важно показать, как от кровавой мести народы Терека переходят к классовой борьбе.

— Через некоторое время во владикавказской советской газете появляется ряд легенд, записанных Шериповым и отредактированных любящей, внимательной рукой Кирова. ...А кругом уже — фронты. Турки заняли Тифлис и Военно-Грузинскую дорогу. Эмиссар Турции Гури Паша через чеченские горные проходы снабжает горцев оружием, деньгами. Грозненский нефтяной король Топа Чермоев с помощью «пророка» Узум-Хаджи и мулл пытается отсечь Дагестан с Грозным, поднять на «священную» войну горские массы.

Моздок — Прохладная — казачий бичераховский фронт, отрезаны Минеральные группы, Георгиевск, отрезается периодически Грозный.

Ю. Бутягин

Из книги «К изучению истории.
Сборник»

И. Сталин, А. Жданов, С. Киров

**ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ КОНСПЕКТА
УЧЕБНИКА ПО ИСТОРИИ СССР**

Группа Ванана не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект *русской* истории, а не *истории* СССР, т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северо-кавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов, — татары, башкиры, мордва, чувашаи и т.д.).

В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкуне с русской буржуазией и помещиками («царизм—тюрьма народов»).

В конспекте не подчеркнута контрреволюционная роль русского царизма во внешней политике со времен Екатерины II до 50-х годов XIX столетия и дальше («царизм, как международный жандарм»).

В конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были еще закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств.

В конспекте свалены в одну кучу понятия реакция и контрреволюция, революция «вообще», революция буржуазная и революция буржуазно-демократическая.

В конспекте не даны условия и истоки национально-освободительного движения покоренных царизмом народов России и, таким образом, Октябрьская революция, как революция, освободившая эти народы от национального гнета, остается немотивированной, равно как немотивированным остается создание Союза ССР.

Конспект изобилует всякого рода затасканными, трафаретными определениями вроде «полицейский террор Николая I», «Разинщина» и «Пугачевщина», «наступление помещичьей контрреволюции в 70-х годах XIX столетия», «первые шаги промышленного переворота», «первые шаги царизма и буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг.» и так дальше. Авторы конспекта слепо копируют затасканные и совершенно ненаучные определения всякого рода буржуазных историков, забывая о том, что они обязаны преподавать нашей молодежи марксистские, научно-обоснованные определения.

Конспект не отражает роли и влияния западно-европейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазного революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России. Авторы конспекта очевидно забыли, что русские революционеры считали себя учениками и последователями известных корифеев буржуазно-революционной и марксистской мысли на Западе.

В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне, как резерва для западно-европейских империалистических держав, равно как не учтена зависимая роль как русского царизма, так и русского капитализма от капитала западно-европейского, ввиду чего значение Октябрьской революции, как освободительницы России от ее полукOLONиального положения, остается немотивированным.

В конспекте не учтено наличие общеевропейского политического кризиса перед мировой войной, выразившегося, между прочим, в упадке буржуазной демократии и парламентаризма, ввиду чего значение советов с точки зрения мировой истории, как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих и крестьян от капитализма, остается немотивированным.

В конспекте не учтена борьба течений в правящей коммунистической партии СССР и борьба с троцкизмом, как с проявлением мелкобуржуазной контрреволюции.

И так далее и тому подобное.

Вообще надо сказать, что конспект составлен крайне неграциозно и не совсем грамотно с точки зрения марксизма.

Мы уже не говорим о неточном стиле конспекта и об игре в «словечки», вроде того, что Лжедмитрий назван Дмитрием «Названным» или вроде «торжества старых феодалов в XVIIIв.» (неизвестно, однако, куда делись и как себя вели „новые» феодалы, если они вообще существовали в это время) и т. д.

Мы считаем необходимым коренную переработку конспекта в духе изложенных выше положений, при этом должно быть учтено, что речь идет о создании *учебника*, где должно быть взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности.

Нам нужен такой учебник истории СССР, где бы история Великодержавии не отрывалась от истории других народов СССР — это во-первых, — и где бы история народов СССР не отрывалась от истории общеевропейской и, вообще, мировой истории, — это во-вторых.

8 августа 1934 г.

И. Сталин, С. Киров, А. Жданов

ЗАМЕЧАНИЯ О КОНСПЕКТЕ УЧЕБНИКА НОВОЙ ИСТОРИИ

Вследствие того, что новая история, самая богатая содержанием, перенасыщена событиями, а также ввиду того, что самое главное в новой истории буржуазных стран, если иметь в виду период до Октябрьской революции в России, это победа французской революции и утверждение капитализма в Европе и Америке, — считаем, что было бы лучше, если бы учебник новой истории открывался главой о французской революции. Для связи с предшествующими событиями можно было бы предпослать небольшое введение с кратким изложением основных событий нидерландской и английской революций, отнеся подробное изложение событий нидерландской и английской революций к концу учебника средней истории.

Стало быть, мы предлагаем выкинуть из конспекта первую часть (6 глав), т. е. весь первый раздел, заменив его кратким введением.

Главным недостатком конспекта считаем то обстоятельство, что он недостаточно резко подчеркивает всю глубину разницы и противоположности между революцией французской (буржуазной революцией) и Октябрьской революцией в России (социалистической революцией). Основной осью учебника новой истории должна быть эта именно идея противоположности между революцией буржуазной и социалистической. Показать, что французская (и всякая иная) буржуазная революция, освободив народ от цепей феодализма и абсолютизма, наложила на него новые цепи, цепи капитализма и буржуазной демократии, тогда как социалистическая революция в России разбила все и всякие цепи и освободила народ от всех форм эксплуатации, вот в чем должна состоять красная нить учебника новой истории.

Нельзя поэтому допускать, чтобы французскую революцию называли просто «великой», — ее надо называть и трактовать, как революцию *буржуазную*.

Равным образом нельзя называть нашу социалистическую революцию в России просто революцией Октябрьской, — ее надо называть и трактовать, как революцию *социалистическую*, революцию *советскую*.

Сообразно с этим надо перестроить конспект учебника новой истории с подбором соответствующих определений и терминов.

Разбивку новой истории в конспекте на две части считаем мало мотивированной и случайной, произведенной по какому-то непонятному признаку. Мы бы считали целесообразным разбить новую историю на три части:

Первая часть — от французской буржуазной революции до франко-прусской войны и Парижской Коммуны (исключительно). Это будет период победы и утверждения капитализма в передовых странах.

Вторая часть — от франко-прусской войны и Парижской Коммуны до победы Октябрьской революции в России и окончания империалистской войны (включительно). Это будет период начавшегося упадка капитализма, первого удара по капитализму со стороны Парижской Коммуны, перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР, силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества.

Третья часть — от конца 1918 г. (год окончания войны) до конца 1934 г. Это будет период послевоенного империализма в капиталистических странах, экономического и политического кризиса в этих странах, период фашизма и усиления борьбы за колонии и сферы влияния с одной стороны, и с другой стороны — период гражданской войны и интервенции в СССР, период первой и начало второй пятилетки в СССР, период победоносного строительства социализма в нашей стране, период искоренения последних остатков капитализма, период победы и подъема в СССР социалистической индустрии, победы социализма в деревне, победы колхозов и совхозов. Мы считаем большой ошибкой, что авторы конспекта обрывают историю на 1923 г. Эту ошибку надо исправить, доведя историю до конца 1934 г. В соответствии с

этим придется произвести переделку и перераспределение материала, разделов и глав.

Хорошо было бы освободить конспект от старых затасканных выражений вроде «старый порядок», «новый порядок» и пр. Лучше было бы заменить их словами «докапиталистический порядок» или еще лучше «абсолютистско-феодальный порядок», а вместо «нового порядка» сказать «порядок капитализма и буржуазной демократии». При таком изменении так называемый «новый порядок», т. е. капиталистический порядок, будет выглядеть уже как порядок *старый*, в сравнении с советским строем в СССР, представляющим высший тип устройства человеческого общества.

Хорошо было бы также освободить конспект от чрезмерного обилия «эпох». «Эпоха консульства», «эпоха Наполеона», «эпоха Директории», — не слишком ли много эпох?

Нам кажется также неправильным, что колониальному вопросу уделено в конспекте несоразмерно мало места.

В то время как Жорж Зандам, Шпенглерам, Кипплингам и т.д. уделено достаточно много внимания, колониальному вопросу и положению, скажем, в таком государстве, как Китай, уделено мало внимания.

Было бы также хорошо заменить формулу «объединение Германии и Италии» формулой «воссоединение Германии и Италии в самостоятельные государства». Иначе может получиться впечатление, что речь идет не о борьбе за воссоединение таких ранее раздробленных государств, как Германия и Италия, а об объединении этих государств в одно государство.

В общем конспект новой истории составлен, по-нашему, более толково, чем конспект истории СССР, но сумбура в этом конспекте все же достаточно много.

9 августа 1934 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Защитить память С. М. Кирова!	5
Краткий биографический очерк	7
Детство и юношеские годы	7
В годы Первой русской революции 1905–1907 гг.	13
На Северном Кавказе 1909 г. – февраль 1917 г.	21
В период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции	30
Во главе героической обороны Астрахани	42
Снова на Северном Кавказе. В Тбилиси	53
Руководитель трудящихся Азербайджана	60
Во главе ленинградских большевиков	70
1918 год.	
Объединить революционные силы Терской области Доклад и заключительное слово на Народном съезде Терской области в Моздоке 11 февраля (29 января) 1918 г.	98
За республику рабочих, крестьян, казаков и горцев! Доклад и заключительное слово на II сессии Народного съезда Терской области в Пятигорске 5 марта (20 февраля) 1918 г.	107
1920 год.	
Знамя III Интернационала – знамя братства всех трудящихся Доклад по текущему моменту на I Общебакинской партконференции 5 мая 1920 года	121
Три письма В. И. Ленину	135
I	135
II	137
III	137
1921 год.	
Многомиллионные народы России, первыми вставшие на путь великой борьбы, первыми придут в царство социализма Доклад на Учредительном съезде Советов Горской ССР 18 апреля 1921 года	139
О шариате Речь на Учредительном съезде Советов Горской ССР 21 апреля 1921 года	158
1922 год. Речь на I Съезде Советов Союза Советских Социалистических Республик 30 декабря 1922 года	165
1924 год.	
Ленин и рабочий класс Речь на открытии партийного клуба Бакинской организации 22 апреля 1924 года	167
Из книги «Товарищ Киров. Рассказы рабочих, инженеров, хозяйственников, ученых, колхозников и детей о встречах с Сергеем Мироновичем Кировым»	172
Как орёл	172
Съезд в Моздоке	175
В стане контрреволюции	180
Легенды Чечни	184
Из книги «К изучению истории. Сборник»	186
И. Сталин, А. Жданов, С. Киров Замечания по поводу конспекта учебника по Истории СССР	186
И. Сталин, С. Киров, А. Жданов Замечания о конспекте учебника Новой истории	189